PI202

VIII F 10.
5827/3

РПСФ I 28/1818.1

MC15
1818

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

K. Newnlist sc.

РПСф I 28/1818.1
БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ

ЗАБАВНИКЪ
ЗА ГОДИНУ
1818.

ДИМИТРЕМЪ ДАВИДОВИЋЕМЪ,

УЧРЕДНИКОМЪ НОВИНА

СРБСКИ,

САЧИЊЕНЪ.

У

БУДИМУ.

ПОСЛАНІЕ
СЕРГІЯ И СЕРАПІОНА
ЛОМНА
1818
ЗАГРАНИЦУ

ЗАБАВНИКЪ

за

1818 годину

СРБЉИМА и СРБКИЊАМА

ПОСВЕЋЕНЪ.

ПОСВЕЋЕНО

ЦЕРКВИ И СВЕШТЕНИЦИ

1918 ГОДИНА

ЈЕЛИСАВЕТИНЦЕ;

ЗА

ЗАХВАЛНОСТ

РАЗЛОГАВАЊЕМ ЈЕЛИСАВЕТО;

БЛАГОНАКЛОННЫЙ ЧИТАТЕЛЮ!

И

ЧИТАТЕЛЬИЦЕ!

Предлажући ВАМЪ овогодиш-
ньїй Забавникъ честитамъ
ВАМЪ наступаюћу годину, и
желимъ, да є у здравлю, веселю,
и у сваком Ъ задовольству, съ
пріятельима и сродныма, прове-
деше. Просто истина, и немож'

*)

простїе быши . желанїе , но вѢ-
руйте ми , изЪ искренногЪ срца
происпиче! изЪ срца

ВашегЪ

У Вїени 1-га *Януара* 1818.

понизнѣйшегЪ

ДИМИТРІА ДАВІДОВИЋА.

ПАСХАЛІА.

Ново лѣто починѣ у вторникъ.
Месоѣдьа има 7 седмица и 6 дана, и 55. дана.
Месне покладе быти ћею 17. Февруара.
Бѣле — — — 24. —
Четыридесеть мученика 9га Марта.
Воскресенїе Хрїстово пада 14. Апрїла.
Вознесенїе — — — 23. Маїа.
Дуови падаю — — 2. Іунїа.
Петрове покладе падаю. 9. Юнїа.
Петрова поста има 2 седмице и 5 дана, свега 19. дана.
Праздникъ Петра и Павла быт' ће у Субботу 29гъ Юнїа.
Постъ Пресветой Богородицы (Госпоини) трае отъ 1гъ Августа до 15га.
Постъ божићный починѣ 15га Ноемвра, и трае до 25-га Декемвра.
Такозовоме Фашаньге (месоедье?) траяћ ћею 35 дана.

ЛѢТОСЧИСЛЕНѢ

ПАМЕТОДОСТОЙНЫ ПРИКЛЮЧЕНЯ.

Отъ створеня свѣта по счислению восточне цркве има година 7326
— — — — — римске 5767
— — — — — єврейске 5579
— рождества Хрїстова има година .. 1818
— Почэтка МачжарскогЪ КралѢвства 818
— саєдиненя Славоніе и Далм-цїе съ МачжарскомЪ 798
— Постатка града Вїене 718
— — ТурскогЪ Царства 515
— Паденя Србїе после Косовске битве са Турцы 428
— Изобрѣтеня печатнѣ 378
— — — Америке 377
— Родьеня Императора нашегЪ *Франца* I. 50
— Почетка владѣня Нѣгова 26
— Подизаня Печатнѣ Славено-Србске

ске, Валахїйске, и прочи восточ-
ны єзыка 46
Отъ Основаня Гумназїе Карловачке
(у Срему) Митрополїтомъ Срб-
скимъ, и Архїепїскопомъ Карло-
вачкимъ, Г. *Стефаномъ Стра-
тимировичемъ Куллїнскимъ*
заведенне 26
— Основаня Препарандски Училища,
Сомбор. и Арад. Его Величествомъ
ФРАНЦЕМЪ ПЕРВЫМЪ всемило-
стивѣйше заведены 6

УВЂДОМЛЕНЂ

о години 1818.

Година 1818 єсть проста, [и састоисе изЪ 365 дана.

О Зими.

Зима се їоштЪ 10 Декемв. 1817 започела. Она ће до 9 Марта ове године траяши. СЪ почетка влажна и средствено ладна, а после ће са свимЪ влажна и ладна быти. Месеца Декемвра заместитће велики снегови, а после тога пролићесе изобилно кише. МесецЪ Јануарь указуесе нешто мегканЪ, поздніе обећава кишу, а на концу снегове обявлюе. МесецЪ МартЪ быт'ће ладанЪ и снеговитЪ, а затимЪ ће

на-

настати юговина. Године Сатурнове многе овце поскапаю, и многе пчеле поумиру.

О Пролећу или Весни.

Пролеће починѣсе 9 Марта, Онда ће првый путЪ ноћь дану равна быти. Оно ће са свимЪ суво и до конца Марта ладно быти. У Месецу Апрїлїю до половине појављујусе нешто топли дани, а отЪ половине до конца ладна времена траяћће. Маїа Месеца дани ће лепи и умилни, а ноћи ладне бывати, и зато ће суша велика настати, и єдва ће кадЪ и кадЪ мало прокисавати. У Маїу месецу быт'ће и мразева.

О Лѣту.

Лѣто ће се 10 Іуніа почети, и онда ће данЪ найдужїй, а ноћь найкраћа быти. Лѣто Сатурново єстЬ ладно и непрестано кишовито, а зато и неплодно. Половина Маїа указуесе лепа и умилна, а после прекО целогЪ лѣта постояна влажностЬ сЪ буряма и напрасныма кишама предсказуесе.

Вариво ове године на мршавой земли посеяти треба, да не бы отЪ млоги киша

иструло. Єчамъ ће ове године напредовати, него ће нуждно быти за рана увести га, да на њиви отъ кише не проклія. Сена ће у средню руку быти, само треба съ возитбомъ поитити, да не потруне. Отава ће напредовати, али тежко ће быти сакупити и увести є. Ове године, и друге за њомъ, нека свакій Домаћинъ сено и сламу штеди и чува, єрбо слѣдующе две године кадъ Марсъ и Сунце царствовати зачну, весма ће мало єчма и зоби быти.

О Єсени.

Єсень починѣсе 11 Септем. и онда ће другій путъ данъ ноћи равнъ быти. И она се ладна и весма влажна предсказуе, на скоро ће почети замерзавати; съ почетка Октом. наста ће велика зима, а у Ноем. быти ће влажно и топло.

Ражь и чисту пшеницу скоро посеяти треба, єрбо ове године покрай свію киша, касно ће усеви израштавати.

Ове єсени быти ће воћа у изобилію.

О Помрачењу Сунца и Месеца.

Ове године быти ће два помрачен сунца, а два месеца.

Прво

Прво почастно помраченѣ Месеца сбыт'ѣсе 9 Апрїл. кое ѣсе по целой Європи, Афрїцы, у некой части Западнѣ Асіе, и у Южной Америцы видити. У Будиму Граду почеѣсе 9 Апрїлїа у о. ч. 26 мї после полноћи. Средина помраченїя быѣе у 1 ч. 36. м. и месецъ отъ дольне свое стране на петъ палаца помркнутиће Конецъ помраченїя бытѣе у 2. ч. 47. м. Дакле ѣе цело помраченѣ траяти за 2. часа, и 21 мїнутъ.

Друго помраченѣ сунца догоди'ѣсе 23. Апрїла пре полдне, кое ѣе се по целой Європи и далѣ видити. Починѣсе у 7. ч. и 18. мї. у ютру, среда помраченя бытѣе у 8. ч. 14. мї. кадъ сунце отъ оздо са шесть палаца помркне; конецъ ѣе быти у 9. ч. 9. м. дакле ѣе траяти за 1 часъ, и 50. мїн.

Треће помраченѣ Месеца сбыѣесе 2. Октом. у 6. ч. 7. м. после полдне, и кодъ насъ ѣе само за неколико мїнути у казатисе, а после ѣе на Западу сакрытисе.

Четврто Помраченѣ сунца быти ѣе 17 Октом, кое мы видити нећемо. Оно ѣе се у Южнымъ света странама появити, и у

не.

некоимъ тамо земляма цело ће сунце помркнути.

Знацы мѣсечны четвртїй.

Новъ мѣсецъ има знакъ овай .. .. ●
Прва четврть .. .. ☽
Пунъ мѣсецъ .. .. ○
Послѣдня четврть .. .. ☾

Кодъ коїи дана ови знацы наодилисе буду, у оне дане сбывасе такореченна *мѣна.*

Знацы Праздника и Недѣля.

Недѣлѣ и Праздницы печатанныи су чрвенны, а тежатныи черны писмены.

ГГ. ПРЕНУМЕРАНТИ.

Є. Преосвященство, Г. *Гедеонъ Петровићь*, правосл. Епїскопъ Н. Садскїй. Зо. Пречестнѣйшїи Г. *Лукїанъ Мушицкїй*, Архїм. Монаст. Шишатовца. Пречест. Г. *Проколїй Болићь*, Архїм. Монаст. Раковца. Пречест. Г. *Димитрїй Крстићъ*, Архїм. Монаст. Крушедола. Пречест. Г. *Августинъ Петровићъ*, Арх. Монаст. Бездина.

А Д А.

ГГ. Максїмъ Райковићъ, Адьанскїй Нотарь, и Іоаннъ Манойловићъ, мудролюбія Слышатель.

Ст, АНДРЕА.

ГГ. Евѳїмїй Попанешковићъ, Сенаторъ Петръ Блажићъ.

Ст. АРАДЪ.

Г. Благор. Савва отъ Арсићь, Предугот. Учил. Вала: мѣстный Дїректоръ. и Супруга Гжа. Евстахїа.

БЕ.

БЕЛОВАРЪ.

Господа: Честн. Г. ІоаннЪ РаичевићЪ, ПарохЪ. МїхаилЪ ДобровићЪ; ІоаннЪ МїхалѣвићЪ и сынови; ІоаннЪ НїколићЪ; Браћа ІанковићЪ; и Димитрїй ЯнковићЪ, трговцы. Госпожа Капетаница Благород. Юлїана Богдановићка, родье. Кобасица.

Н. БЕЧЕЙ.

Г. Лука КисићЪ, Гдчна кћи нѣгова Елисавета.

Ст. БЕЧЕЙ.

Г. Благор. ЧокићЪ, и Г. ІсїдорЪ СтояновићЪ.

БУДИМЪ.

Госпоже: Высок Гжа Консїлїарица Юдїта Несторовича. Благор. Софїа БурянЪ, Ефросїнїа Димићка: и Алка Витковићка. Господа: ІоаннЪ Беричь, АктуарЪ нар. Училища. Георгїй СтанковићЪ, и Благород. ПетрЪ Асї-МарковићЪ. Г. Андрей Поповичь, ІоаннЪ ЛазићЪ. СамуилЪ Марковичь

ВАРАСДИНЪ.

Г. Ѳома ГеоргїевићЪ.

ВІЕНА.

ГГ. СїмеонЪ ЯнковићЪ; СтефанЪ КонстантїновићЪ; Георгїй ІовановЪ; Браћа Владислави; Георгїй Тина: Вулко; Георгїй КажимирЪ и ЕммануилЪ ІоаннЪ ГеоргїевићЪ.

ВУ-

ВУКОВАРЪ.

Г. Славуй Хрїстикъ.

ГЕОРГІЕВО.

Господа: Честн. Пароси Іоаннъ Поповикъ, и Алексїй Васикъ; и учитель Алексїй Алексїевикъ.

ГИЧИНЪ.

Г. Оберлѣтн. Гьурковикъ.

ГОСПИЋЪ.

Г. Гаврїилъ Омчикусъ изъ Удбине. Г. Теща Оклопчїя.

ДМИТРОВИЦА.

Г. Георгїй Поповикъ.

ЗАГРЕБЪ.

ГГ. Кирилъ Сукняикъ; Данїилъ Якшикъ; Марко Кузмановикъ; Константїнъ Мировикъ; Іоаннъ Поповикъ; Нїколай Мїровикъ, и Іоаннъ Конст. Маллинъ. Гдчна благор. Пелагїа Радивоевикка.

ЗЕМУНЪ.

Господа. Лѣкарь Димитрїй Фрушикъ; Михаилъ Павковичъ; Василїй Василїевикъ Панта Стефановикъ; Нїколай Марриновикъ; Лазарь Костикъ; Г. Нїколай Милиновикъ; Теодоръ Томикъ; Мойсей Лазаревикъ. Госпоже: Марїа Младенова, и Сарра Папа-Нако-

ИР.

ИРИГЪ.

Г. Арсеній Димитріевичъ.

Т. КАНЬИЖА.

Благор. Г, Георгій Сервійскій, землѣдрж. Г. Алексій Жигикъ, Провізоръ ; Г. благор. Андрей Янковикъ Мировник. Госпожа благор. Екатеріна Миланковикка Висачка.

КАРЛОВАЦЪ горньій.

Господа. Димитрій Живковикъ; Лазарь Ладьевикъ; Іоаннъ Димикъ; Григорій Малешевикъ; Наумъ Деметровикъ; Радомировикъ и Владиславъ; Сімеонъ Кисикъ; Сімеонъ Роксандикъ; Міхаилъ Мусулинъ; Сімеонъ Мусулинъ; Ніколай Живковикъ; Ѳеодоръ Вуичикъ ; Максімъ Поповикъ ; Іосифъ Поповикъ; Кирїллъ Попикъ. Госпожа Екатеріна Поповикка.

КАРЛОВАЦЪ долньій.

Г. благор. Дїректоръ Гершикъ.

КОСТАЙНИЦА.

Г. Міхаилъ Радаковикъ. 2.

ЛВОВЪ (Лембергъ)

Г. Станиславъ Антикъ.

ЛИКА.

ГГ. Атанасій Янковикь, и Ѳеодоръ Милесникь.

МАР.

МАРТОНОШЪ.

Г. благор, Іоаннъ Єремићь.

Ст. МОЛДАВА.

Честн. Г. Парохъ Илїа Нїкадиновићь.

К. С. МАРТОНЪ.

Г. Илїа Соколовићь.

МЕЗЫХЕГЬЕШЪ.

Г. Нїколай Поповићь, мѣстн. Дїректоръ училища.

ОТОЧАЦЪ.

Г. Нїколай Боровићь.

ПАНЧЕВО.

Г. Стоянъ Миленковичь, и Гдчна Юлїана Адамовићева, Г. Контролора Панчев. кѣи.

ПАРАБУЋЕ.

Г. Мїхаилъ Станисављевићь.

ПЕТРИНЯ.

ГГ. Георгїй Кавићь, 2. Аѳанасїй Костићь, 2. Іоаннъ Пантићь и Іоаннъ Чакое, ученицы.

ПЕТРОВОСЕЛО.

Честн. Г. Парохъ Марко Вукосављевићь.

ПЕ.

ПЕШТА.

ГГ. МїхаилЪ ІоанновиЋЪ, го. МїхаилЪ ВитковиЋь, закл. АдвокатЪ; Ігнатїй СтанковиЋь. ХрїстофорЪ ГершиЋь; ІоаннЪ КаулицїЙ; Аѳанасїй ПулѢвиЋЪ. Констант. СтанковиЋь; ПавелЪ СтефановичЪ; Георгїй АдамовиЋь; Андрей РосмировиЋь; ПетрЪ Хаднадьевичь. Илїа-Монастырлїй; Георгїй СтанковиЋь; ІоаннЪ ДеметровиЋь; ІоаннЪ Нїкол. ГеоргїевиЋь; ПетрЪ РаиЋь, 4. Госпожа Пулхеріа Каулицїйна, и Гдчна Єлена и Софіа Дїамандїйне.

КОМОРАНЪ.

Г. СтефанЪ НенадовиЋь.

КУЛА.

ГГ. Еѵтїмїй и АлександрЪ КостиЋи; и Сава РакиЋь.

Н. САДЪ.

Господа: Андрей КамберЪ, ЛѢкарь, Георгїй Магарашевиќь, ПрофессорЪ. Браќа Димо: Нїколиќи; ЯковЪ Филковиќь; ПавелЪ Манойловиќь; ХрїстофорЪ Пустенико; АлександрЪ Аѳан. ГеоргїевиЋь; АлександрЪ ІоаннЪ ЧакиЋь; ІсаакЪ ГруиЋь; СтефанЪ и Нїколай ГруиЋи; СтефанЪ МарковиЋь;

и

и сынови Марко и Димитрїй Марковиħки; ГавріилЪ Станковиħь; и ЛазарЪ Станисавлħвиħь. Госпоже. Маріа Давїдовиħка, и Єлена Марковиħка, и Гдчна Юліана Давїдовиħка.

СОМБОРЪ.

Г. ІоаннЪ Атанацковиħь, и Госпожа Екатерїна вдова Аѳанацковиħь, благор. Гдчна Анна отЪ Мразовичь.

СЕГЕДИНЪ.

Господа: благор. Авксентїй Андреевиħь Призачкїй. Нїколай Андреевиħь, ГавріилЪ Іоанновиħь. МїхаилЪ Живановиħь, и СтефанЪ Савиħь. Госпожа Александра, и Екатерїна Живановиħке.

ТЕМИШВАРЪ.

Господа: Чест. Г. ПарохЪ ІоаннЪ Васиħь; ІоаннЪ Марковиħь; Авксентїй Стойковиħь; ГавріилЪ Алексїевиħв; Георгїй Нїколиħь, и ПавелЪ Георгїй Лазаревиħь. 2. Госпоже: Благор. Софїа Нїколиħка, Рудняйска. Благород. Софїа Видакова; благ. Луиза Николиħка Рудняйска, родь. Текелїйна, и благор. Іосифа Нїколиħка, родь. Раиħка.

ТИ-

ТИТЕЛЬ.

Г. Тімоѳей Георгіевичь 5.

ЕГРА.

Г. Андрей Срепичь.

СРБІЯ.

Правитель народа Србскогъ Господаръ Милошъ Обреновичь.

СЕНТА.

Г. Георгій Маливукъ Купецъ.

ІАНУАРІЙ има 31 данъ.

Вто	1	Обрѣзаніе Госпо.	13	Іларіа.
Сред	2	Сїлвестра Папы Р.	14	Фелїкса.
Чет.	3	Малахїа, и Гордїа.	15	Мавра.
Пят.	4	СоборЪ 70 апостол	16	Іисуса имя.
Суб	5	Ѳеопемпта и Ѳеон:	17	Антонїа.

У Нед. Богоявленїя, Ев: отЪ Матѳ: зач. 6.

Нед	6	Богоявленїе Гос.	18	Прїски дѣв.
Пон.	7	Іоанна крестителя.	19	Фердїнанд:
Вто.	8	Георгїа и Емїлїана.	20	Фабї:и Себа.
Сре.	9	Полѵевкта мученик.	21	Агнесь дѣв,
Чет.	10	Григорїа Епїс. Нѵс:	22	Вїнценц.
Пят.	11	Ѳеодосїа преподоб.	23	Заручен. М.
Суб.	12	Татїаны мученицы.	24	Тїмоѳеа.

У Нед. по просвѣщ. Ева. отЪ Матѳ. зач: 8.

Нед	13	Ермѵла, и Страт:	25	Обр. Паѵла.
Пон	14	Саввы Арх: Серб.	26	Полѵкарпа.
Вто:	15	Паѵла Ѳивейскаго.	27	Іоан. Злат.
Сре.	16	Ап. Петра веригЪ.	28	Карола Вел.
Чет.	17	Антонїа великаго.	29	Франц.
Пят.	18	Аѳанасїа, и Кѵрїлла.	30	Аделгунды.
Суб.	19	Макарїа Егѵптян:	31	Петра Нол.

У Нед. 31-ву Евагг. отЪ Луки зач. 93.

Нед	20	Евѳѵмїа великаго.	1	Фев. Іг. Е.
Пон.	21	Максїма исповѣдн:	2	Срѣтенїе.

ІАНУАРІЙ има 31 данъ

Вто.	22	Тімоѳеа и Анастасїа	3	Блазїа Епїс.
Сред.	23	Климента Епїс: Агк:	4	Чиста Сре.
Чет.	24	Преп: матер: Ксенїи.	5	Агаѳы. ●
Пят.	25	Григорїа богослова.	6	Дороѳеа.
Субо.	26	Ксенофонта и друж.	7	Ромналда.

У Нед. 32-ру Еѵаггел: отъ Луки зач: 94.

Нед	27	Іоанна Злат:мощ:пр:	8	Іоанна Ми.
Пон.	28	Ефрема Сѵрїна.	9	Аполлонїа.
Вто.	29	Прен. мщ. Ігнатїа.	10	Схоластїк.
Сре.	30	*Велик: Іерархов.*	11	Ѳфросїн. †
Чет.	31	Кѵра и Іоанна.	12	Ѳлалїи Д.

☽ Прва четврть указаћесе 2. у 7. ч. 59. мїн. пре полдне, време ће целе ове четврти смутно быти и весма ладно.

Пунъ месецъ быти ће 10. у 11. ч. 40. мїн. пре полдне, ова ће четврть быти ведра но весма ладна, 14 почетиће киша роминяти, а за тимъ ће се плюскомъ изливати.

Посл. чет. сбыти ћесе 17. у 5. ч. 58. м. после пол. време ће їошть бурно траяти, а после ће се утишати. 20-го дигнућесе ветаръ, кои ће кишу донети.

● Новъ месецъ указаћесе 14. у 0. ч. 55. мїн после подне. Многи ће и жестоки ветрови преко ове четврти дувати.

ФЕѴРУАРІЙ има 28 дана

Пят.	1	Трѵфона мученика.	13	Кастер. † ☾
Суб	2	*Сретѣніе Господ*	14	Валент. †

У Нед. 33. о Мыт. и фарiс. отъ Луки зач. 89.

Нед	3	Сѵмеона богопрiим:	15	Фаустiна.
Пон.	4	Iсiдора Пiлусiотска.	16	Iѵлiанны.
Вто.	5	Агаѳiи мученицы.	17	Сабiна Еп.
Сре.	6	Вукола Епiс: Смѵрн:	18	Сѵмеон: Еп.
Чет.	7	Парѳенiа Еп: Лампс:	19	Сосанны.
Пят.	8	Ѳеод. Страт. и Зах:	20	Елеѵѳерiа.
Суб.	9	Нiкифора мученика.	21	Елеонор. ☽

У Нед: 34. о блуд сыну, Ев. отъ Лук. зач. 79.

Нед	10	Харалампiа мучен:	22	Петра Кае:
Пон.	11	Власiа священномуч:	23	Лазаря.
Вто.	12	Мелетiа Патр: Ант:	24	Мат: Апос.
Сре.	13	Мартiнiана и Сѵм: С.	25	Вiкторiна.
Чет.	14	Аѵксентiа преподоб:	26	Леандра.
Пят.	15	Онисiма апостола.	27	Валбурги.
Суб.	16	Памфiла мученика.	28	Романа ☾

У Нед. мясопуст. Еѵаг. отъ Матѳ: зач. 106.

Нед	17	Ѳеодора Тѵрона.	1	*Мар.* Албiн
Пон.	18	Лва Папы Римскаго	2	Сiмплiцiа.
Вто.	19	Архiппа апостола.	3	Кунегунды
Сре.	20	Лва Епiскопа Катан:	4	Казимiра.
Чет.	21	Тiмоѳеа преподоб.	5	Ѳѵсевiа.
Пят.	22	Обрѣтенiе мщ. Ѳѵл:	6	Фрiдерiк:
Суб.	23	ПолѵкарпаЕп: Смѵр:	7	Ѳомы А. ●

ФЕВРУАРІЙ има 28 Дана.

У Нед. сыропуст. Еvагг. отЪ Матѳ. зач: 17.

Нед	24	Обр: гл. Іоанна крес:	8	Іоанна.
Пон.	25	Тарасїа Патр: Конс:	9	Францїш:
Вто.	26	Порфvрїа Епїс: Газ:	10	40 Мучен:
Сре.	27	Прокопїа Декапол:	11	Хераклїа.
Чет.	28	Васїлїа Спостника.	12	Григорїа.

Ⓓ Прва чет. сбыћесе 1. у 5. ч. 18. мїн. пре полд. У почетку веяће снегЪ, за тимЪ ће продуивати ладанЪ ветарЪ, а иа краю ове четврти просућесе киша.

Ⓔ Испуниће се месецЪ 9. у 2. ч. 33. мїн. пре полд. У почетку ове четврти проливесе киша, и затегнуће смутии дани, а на по следку разгалићесе време.

Ⓒ Последня четв. настае 16. у 1. ч. 44. мїн. пре полд. време ће изнайпре сурово и ладно показатисе, а после ће се отоплити.

● НовЪ месецЪ изићиће 23. у 2. ч. 19. мїн. пре полдне, сЪ почетка їоттЪ ће топло быти, а после ће киша падати.

МАРТЪ има 31 данъ.

Пят.	1	Евдокіи преподоб:	13	Ернеста.
Суб.	2	Θеодота Еп: Кирїн:	14	Маθїлды.

У Нед. 1. велик. поста, Ева. отъ Іоан. зач. 5.

Нед	3	Евтропїа мученика.	15	Хрїсто. ☽
Пон.	4	Герасїма преподоб:	16	Ерїберта.
Вто.	5	Конона мученика.	17	Гертруды.
Сре.	6	Свят: 42 мученикъ.	18	Александр
Чет.	7	Священном: въ Херс·	19	Іосифа.
Пят.	8	Θеофилакта Еп: Нік.	20	Нікеты.
Суб.	9	40. Мучениковъ.	21	Бенедїкта.

У Нед. 2. того. Ев. отъ Мар: 3: 7. и Іоан 3: 36.

Нед	10	Кодрата и дру: его.	22	Вос. Х. ☾
Пон.	11	Софроніа Патрїарх:	23	Восх. по.
Вто.	12	Преподоб: Θеофана.	24	Гаврїила А.
Сре.	13	Прен: мц: Нікифора.	25	Благовѣ
Чет.	14	Венедїкта преподоб:	26	Емануила.
Пят.	15	Агапїа мученика.	27	Руперта.
Суб.	16	Савїна и Папы.	28	Гунтрама.

У Нед. 3. тогожде, Евраг. отъ Марка зач. 37.

Нед	17	Алексїа чел: Божїя.	29	Мехтїл. ☾
Пон.	18	КирїллаАрхїеп:Іерл:	30	Регула.
Вто.	19	Хрисанѳа, и Дарїи.	31	Балбїна.
Сре.	20	Во обители с. Саввы.	1	Апр. Хуго.
Чет.	21	Іакова Епїскопа.	2	Фран. Пад.
Пят.	22	Василїа пресвитера.	3	Рїхарда.

МАРТЪ има 31 данъ.

Суб.	23	Нікона преподобна.	4	Ісідора.

У Нед. 4. того. Ev: отъ Мар. 3. 40. и Мат: 10.

Нед	24	Артеміа Еп: Θесс:	5	Вінценц. ●
Пон	25	*Благовѣщен Бцы*	6	Целестіна.
Вто.	26	Собор. Арх. Гаврїил.	7	Херманна.
Сре.	27	Матроны матере.	8	Дїонусїа.
Чет.	28	Іларїона и Стеф:чуд:	9	Марїи Егv:
Пят.	29	Марка Еп: и Кирїлла.	10	Іезекіиля.
Суб.	30	Іоанна лѣствичника	11	Льва Папы.

У Нед: 5. тогож. Ev. отъ Мар. 3: 47. и Лук. 33.

Нед	31	Упатіа Епіс: Гаггр:	12	Іуліа Папы.

☽ Прва четв. настае 3. у 2. ч. 24. мін. пре полд, у почетку лепо, после ладно и неугодно време указује.

○ Пунъ месецъ појавиће се 10. у 3. ч. 17. мін. после полд. ладно и немило време ће трајати.

☾ Последня четв. указаће се 17. у 8. ч. 54. м. пре пол. ће се затезати сурово и немило време.

● Новъ месецъ излази 24. у 5. ч. 1. мін. после пол. преко ноћи замрзаваће земља, и свакій дань ладніи и ладній дани настаяће.

ПРІЛІЙ има 30 данъ.

Пон.	1	Преп: Маріи Егvпт:	13	Іустіна. ☽
Вто.	2	Преп: Тіта чудотв:	14	Тібурція.
Сре.	3	Преп: Нікиты исп:	15	Анастасіа.
Чет.	4	Іосифа, и Георг: М.	16	Турібія.
Пят.	5	Ѳеодула и Агаѳопод:	17	Рудолфа.
Суб.	6	Евпvхіа Архіеп: Кп.	18	Аполлонія.

У Нед: 6. цвѣтонос. Evагг. отъ Іоан. зач. 41.

Нед	7	Георгіа Еп: Меліт:	19	Антонїи.
Пон.	8	Апостол: Иродіона.	20	Сулпіція.
Вто.	9	Евпсvхіа мученика	21	Анселм. ♋
Сре.	10	Мvчн: Тер. и друж:	22	Рафаила.
Чет.	11	Антvпы Е. Перг: Ас:	23	Адалберта.
Пят.	12	Васіліа Епіс: Парійс:	24	Георгіа вел.
Суб.	13	Артемона Священм:	25	Марка evаг.

У свят. велик. Нед: Пасхи, Ev: отъ Іоан з. 1.

Нед	14	Воскресен. Хрїс:	26	Іезекіиля.
Пон	15	Воскресен. Поне.	27	Анастас. ♎
Вто.	16	Агапіи, Ірины и Хіо:	28	Віталіс. М.
Сре.	17	Сvмеона Персідска.	29	Петра М.
Чет.	18	Іоанна учен: Гр: Дек:	30	Вознесен.
Пят.	19	Іоанна Ветхопещер:	1	Маї Фі. и І.
Суб.	20	Преп: отца Ѳеодора.	2	Аѳанасіа.

У Нед: 2. о Ѳомѣ, Evагг. отъ Іоанна зач. 65.

Нед	21	Іаннуаріа и Алексан:	3	Обрѣтен. †
Пон.	22	Ѳеодора Сvкеота пр	4	Флоріана.

АПРІЛІЙ има 30 дана.

Вт.	23	*Георгїа великом.*	5	Гоштих. ●
Сре.	24	Муч: Савы Страт:	6	Іоанна.
Чет.	25	Евангелїста Марка.	7	Станислав.
Пят.	26	Свящцм: Васїлїа Е. А.	8	Міхаила.
Суб.	27	Сумеона срод: Госп:	9	Григорїа.

У Нед: 3. о Мироносиц. Ев. отъ Марка зач: 69.

Нед	28	Іасона и Сосіпатра.	10	*Духовы.*
Пон.	29	СвятыхЪ 9. мучен:	11	*Дух. Пон.*
Вто.	30	Іакова брата Іоанния.	12	Панкрацїа.

☽ Прва четв. появићесе 1. у 9. ч. 8. мін. после полд. сЪ почетка ладно и непрїятно време, а на концу смутна и кишовита погода.

○ ПунЪ месецЪ сбыти ћесе 9. у 1. ч. 29. м. пре полд. погода времена сурова и ладна.

☾ Последня четв. починћсе 15. у 4. ч. 22. м. после подне, време се онако исто показуе, као и прећашнћ четврти.

● НовЪ месецЪ указаћесе 23. у 8. ч. 40. м. пре полдне топло и запарно време, а после смутно и кишовито.

МАІЙ има 31 данъ.

Сре.	1	Пророка Іереміи.	13	Серват. ☽
Чет.	2	Аѳанасіа Патр: Але:	14	Хрїстїана
Пят.	3	Тїмоѳеа и Мавры.	15	Софїи.
Суб.	4	Препд мучц: Пелагїи.	16	Іоан: Непо:

У Нед: 4 о Разслаблен. Ев. отъ Іоанн. з. 14.

Нед	5	Ірины мученицы.	17	Прсв: Тр.
Пон.	6	Іова многострадал:	18	Венантїна.
Вто.	7	Акакїа Мученика.	19	Іоблажен:
Сре.	8	Іоанна Евaг: и Арсен:	20	Бернард. ☺
Чет.	9	Исаїи и мцц с. Нїкол:	21	Брашанч:
Пят.	10	Ап: Сїмона Зилота.	22	Елены.
Суб.	11	Мокїа, и Меѳод: Еп.	23	Десїд. Епїс:

У Нед. 5. о Самарян. Евагг. отъ Іоанн. з. 12.

Нед	12	Епїфанїа и Германа.	24	Іоанны.
Пон.	13	Мученицы Глукерїи.	25	Урбана.
Вто.	14	Мученика Ісїдора.	26	Фїлїп: Нер:
Сре.	15	Преподоб: Пахомїа.	27	Іоанн. П. ☾
Чет.	16	Ѳеодора освященна.	28	Германа.
Пят.	17	Андронїка Апостола	29	Максїма.
Суб.	18	Ѳеодота мученика	30	Фелїкса.

У Нед. 6. о Слѣп. Евaг: отъ Іоанн. зач. 34.

Нед	19	Патрїкїа Епїс: Прус:	31	Петронїл:
Пон.	20	Мученика Ѳалалеа.	1	Іуній Нік.
Вто	21	Конст: и Елены.	2	Еразма.
Сре.	22	Васїлїска мученика.	3	Клотїлды.

Чет	23	Вознесеніе Хріс:	4	Квиріна: ☽
Пят.	24	Сумеона на дивн:	5	Готтхард.
Суб.	25	III. обрѣт: главы Пр:	6	Норберта.

У Нед. 7 свят. отецъ, Ев. отъ Іоанна з: 56.

Нед	26	Апостола Карпа.	7	Роберта.
Пон.	27	Свящм: Ѳерапонта.	8	Медарда.
Вто.	28	Нїкиты Еп. Халкид:	9	Прїма и Фел
Сре.	29	Муч: Ѳеодосїи дѣвы	10	Маргарет.
Чет.	30	Ісаакїа преподобна:	11	Варнавы.
Пят	31	Ермїа, и Ермеа.	12	Олумпїа. ☽

☽ Прва четврть настае 1. у 0. ч. 26. мїн. после полдне, запара, и кадкадъ киша.

☽ Пунъ месецъ быти ће 8. у 9. ч. 46. мїн. пре пол. доноси кишу съ лепымъ временомъ.

☾ Последня четврть настае 15. у 1. ч. 8. м. пре пол. обноћь ладно а обданъ топло и суво време, а на последку вредоносный мразъ и ладно указуесе време.

● Новъ месецъ появиће се 23. у 0. ч. 27. мїн. пре пол. време доноси ладно и промењльиво.

☽ Прва четврть настае 31. у 0. ч. 6. мїн. пре пол. топлу кишу и блистанѣ сунца доноси.

ІУНІЙ има 30 дана.

Суб.	1	Іустіна мч: Філос:	13	Антон: Па.

У Нед. 8 Пятдесят. Ев. отъ Іоан. зач: 27.

Нед	2	*Сошест. ст. Духа*	14	Васіліа.
Пон	3	*Духов. Понедѣлн.*	15	Вїта.
Вто.	4	Митрофана Патр:	16	Франціш.
Сре.	5	Дороѳеа Еп: Турска.	17	Райналда.
Чет.	6	Висаріона чудотвор:	18	Марцел.
Пят.	7	Ѳеодота Еп: Агкир:	19	Гервасіа.
Суб.	8	Ѳеодора Стратил:	20	Флорентін.

У Нед: 1 всѣхъ Свят. Ев. отъ Мат. зач: 38.

Нед	9	Кирілла Архіеп: Алек:	21	Алоизіа.
Пон.	10	Тімоѳеа Еп: Прусска:	22	Ахатіа.
Вто.	11	Варѳолом: и Варнав:	23	Сідоніа.
Сре.	12	Онуфріа великаго.	24	Іоан. крссп.
Чет.	13	Мученицы Акулїны.	25	Проспера.
Пят.	14	Елісса прор: и Меѳ:	26	Ірем пр.
Суб.	15	Амоса пр: и К. Лазар:	27	Ладислава.

У Недѣлю 2-рую Еванг. отъ Матѳеа зач. 9.

Нед	16	Святаго Тихона.	28	Льва Папы.
Пон.	17	Мануила и Савела.	29	*Петр: и П.*
Вто.	18	Леонтїа мученика.	30	Павла Гед.
Сре.	19	Іуды брата Господ:	1	*Іулій.* Ѳео.
Чет.	20	Меѳодїа Епіс: Пат.	2	Посѣщен: Б.
Пят.	21	Іуліана муч: Тарсій:	3	Корнел.
Суб.	22	Евсевїа Еп: Самосад:	4	Удалрїка.

У Нед. 3 Еѵаггеліе отъ Матѳеа зачало 18.

Нед	23	Агрѵпїны мученицы.	5	Домїцїана.
Пон	24	*Рождес. Іоан. кр.*	6	Исаїи про.
Вто	25	Феѵронїи мученицы.	7	Есѳиры.
Сре.	26	Преподобн: Давїда.	8	Кїлліана.
Чет.	27	Сампсона странн:	9	Лукреція.
Пят.	28	Кѵра, и Іоанна безср:	10	Венїамїна.
Суб	29	*Ап. Петра и Пав.*	11	Пїа П. Ри. ☽

У Недѣлю 4. Еѵагг. отъ Матѳеа зачало 25.

Нед	30	Соборъ 12 апостол:	12	Хайнрїка

☉ Пунъ месецъ быт' ће 6. у 4. ч. 43. мїн. после пол. доноси жарко и бурно време, а после прїятну кишу.

☾ Последня четв. настае 14. у 0. ч. 3. мїн. после пол. време топло и кадкадъ кишовито,

● Новъ месецъ появлюесе 21. у 3. ч. 58. мїн. после подне весма умилно време показуе.

☽ Прва четврть быће 29. у 8. ч. 58. мїн. пре пол. У почетку быти ће кишовита, у среди прежарка и лепа, а приконцу, и то обично, съ напраснимъ и ладнимъ кишомъ окончаће се.

ІУЛІЙ има 31 данъ.

Пон.	1	Космы, и Даміана.	13	Маргареѳы.
Вто.	2	Положеніе ризы Бц.	14	Бонавент:
Сре.	3	Vакїнѳа мученика.	15	Раздѣл: ап:
Чет.	4	Андреа Крит: Архїп:	16	Фаvста М.
Пят.	5	Аѳанасїа Аѳонскаго	17	Алексїа. ☽
Суб.	6	Сїсоа великаго.	18	Арнолда.

У Недѣлю 5. Еvагг. отъ Матѳеа зачало 28.

Нед	7	Ѳомы иже въ Мал:	19	Арсенїа.
Пон.	8	Прокопїа великомуч:	20	Прор: Илїи.
Вто.	9	Пагкрашїа Еп: Таvр:	21	Прор: Дан:
Сре.	10	45 муч: въ Нікоп: Ар:	22	Маріи Маг:
Чет.	11	Еvфимїи мученицы	23	Лїворіа.
Пят.	12	Прокла, и Іларїа.	24	Хрїстїны.
Суб.	13	Собор: арх: Гаврїила	25	Іаков, ап. ☾

У Недѣлю 6. Еvагг. отъ Матѳеа зач. 29.

Нед	14	Акvлы апостола.	26	Анны.
Пон.	15	Кирvка, и Іvлїїты.	27	Панталеон.
Вто.	16	Аѳиногена свящ: муч:	28	Інноценціа.
Сре.	17	Маріны вел: мучцы:	29	Маріы.
Чет.	18	Vакїнѳа и Емїлїана.	30	Абдона.
Пят.	19	Макріны сестр: в. В.	31	Ігнатїа.
Суб	20	*Пророка Ілїй.*	1	*Авг.* Ч. В.

У Недѣлю 7. Еvагг. отъ Матѳеа зач. 33.

Нед	21	Сvмеона и Іоанна.	2	Порціун. ●
Пон.	22	Маріи Магдалины.	3	Стефана.

ІУЛІЙ има 31 данъ.

Вто.	23	Трофїма и Ѳеофїла.	4	Домініка.
Сре.	24	Хрїстїны мученицы.	5	Мар. Шне.
Чеш.	25	Успеніе свят: Анны.	6	Преображ.
Пят.	26	Ермолаа священнм:	7	Каетана Д.
Суб	27	Пантелеимон: велик:	8	Кѵрїака.

У Недѣлю 8, Ѥѵагг. отъ Матѳеа зач 58.

Нед	28	Прохора и Ніканора.	9	Романа. ☽
Пон.	29	Каллїніка мученика.	10	Лаѵренціа.
Вто.	30	Сїлы, и Аггел: Десп:	11	Сосанны.
Сре.	31	Ѥѵдокіма праведна.	12	Клары.

● Пунъ месецъ быти ѣс 5. у 11. ч. 30. мін. после полд. весма велику жаркость съ изобилномъ кишомъ приноси.

☾ Пбследня четврть настае 13. у 1. ч. 52. мін. пре полдне погсда времена као и у прекашной четврти.

○ Новый месецъ наступа 21. у 5. ч. 33. мін. пре полдне време показуе, смутно съ маломъ кишицомъ, после тога умиана времена и поладне ноћи, а на конацъ напрасну кишу съ грмлявиномъ.

☽ Прва четврти указаћесе 28. у 3. ч. 38. м. после пол: ове четврти свакій ће данъ киша росити.

АVГVСТЪ има 31 данъ.

Чет.	1	Происхож: честн: †	13	Vполіта.
Пят.	2	Моущи с. Стефана.	14	Евсевіа.
Суб.	3	Ісаакіа и Фавста.	15	*Успеніе.*

У Недѣлю 9, Еvагг: отъ Матѳеа зачало 59.

Нед	4	7 Отроковъ во Ефес:	16	Рох. и Іс.
Пон.	5	Евсvгніа мученика.	17	Лібераta.
Вто	6	*Преображ: Хріс.*	18	Елены Цар.
Сре.	7	Домет: Пулхеріи Ц:	19	Лудвіка.
Чет.	8	Еміліана Епіс: Кvзіч:	20	*Стеф. Кр.*
Пят.	9	Матѳіа апостола.	21	Іоанны.
Суб.	10	Лаврентіа архідіак.	22	Тімоѳеа.

У Недѣлю 10, Еvагг. отъ Матѳеа зач. 72.

Нед	11	Еvпла муч: и діак:	23	Філіппа.
Пон.	12	Фотіа, и Анікиты.	24	Варѳоломеа
Вто.	13	Максіма исповѣдн:	25	Лудовіка.
Сре.	14	Міхеа пророка.	26	Самуила.
Чет.	15	*Успеніе Богород*	27	Іосифа.
Пят.	16	Святаго Убруса.	28	Аvгустіна.
Суб.	17	Мvрона мученика.	29	Усѣк: Іоан.

У Недѣлю 11, Еvагг. отъ Матѳ. зач. 77.

Нед	18	Флора и Лавра м.	30	Розы.
Пон.	19	Андреа Стратилат:	31	Раймунда.
Вто	20	Самуила пророка.	1	*Сен* Егіді.
Сре.	21	Ѳаддеа апостола.	2	Іодока.
Чет.	22	Агаѳоника мученика.	3	Мансvета.

АУГУСТЪ има 31. данъ.

Пят.	23	Луппа мученика.	4	Розалїи.
Суб.	24	Еутуха священном:	5	Вїкторїна.

У Недѣлю 12, Еvагг. отъ Матѳеа зач, 79.

Нед	25	Варѳол: апос: и Тїта	6	Захарїи.
Пон.	26	Адрїана, и Наталїи.	7	Регїны. ☽
Вто.	27	Преподобн: Пїмена.	8	Рожд. Бог.
Сре.	28	Пр: Моусеа Муріна.	9	Горгонїа.
Чет	29	Усѣк. Іоанна кре.	10	Нїколаа.
Пят.	30	Алексан. и Іоан: Пат:	11	Емїлїи.
Суб.	31	Честнаг: пояса Богр:	12	Товїи.

☾ Пунъ месецъ настае 4. у 7 ч. 28. мїн. пре пол. у почетку пріятно време, а после бурне ветрове и напрасне кише указуе.

☾ Последня четврть бит'ће 11. у 6. ч. 28. мїн. после пол. погода она иста трае.

● Новъ месецъ появит' ће се 19. у 6. ч. 45. мїн. после по. съ почетка обећава ветрове, после кишу, а на концу жестоке врућине и грмлявину.

☽ Прва четврть наступа 26. у 9. ч, 24. мїн. после пол. у почетку непрестану кишу, после облачно време безъ кише, а напослетку ноћне мразеве предсказуе.

СЕПТЕМВРІЙ има 30 дана,

У Недѣлю 13. Евагг. отъ Матѳеа зач, 87.

Нед	1	Сумеона и Мареы.	13	Маврікіа.	
Пон.	2	Маманта мученика	14	Воздв. †	☉
Вто.	3	Анѳїма и Ѳеоктїста	15	Нїкодима.	
Сре.	4	Вавулы Епїс: и Моус:	16	Ефїмїи.	
Чет.	5	Захарїи пр: и Елїсав:	17	Ламберт.	†
Пят.	6	Евдоксїа мученика.	18	Ѳомы.	†
Суб.	7	Созонта мученика.	19	Констан.	†

У Нед: предъ воздвиж. Евагг. отъ Іоан. з. 9.

Нед	8	Рож. Богороди цы	20	Евстахїа.	
Пон.	9	Іоакїма и Анны.	21	Матѳ: ап:	
Вто.	10	Минодоры, и Митр:	22	Маврїк.	☾
Сре.	11	Преподоб: Ѳеодоры.	23	Ѳеклы.	
Чет.	12	Автонома священм:	24	Герарда.	
Пят.	13	Корнилїа сотника.	25	Клеофы.	
Суб	14	Воздвиж. честн.	26	Кипрїана.	

У Нед: по воздв, Евагг. отъ Марка зач: 37.

Нед	15	Нїкиты великомуч:	27	Космы.	
Пон.	16	Ефимїи великомчц:	28	Вѣнцес. Кр.	
Вто.	17	Софїи и чадъ ея.	29	Міхаила.	
Сре.	18	Евменїа Еп: Горпун:	30	Іеронум.	●
Чет.	19	Трофїма и Савват:	1	Окт. Реміг:	
Пят.	20	Евстаѳїа великом:	2	Леодегарда.	
Суб.	21	Кодрата апостола.	3	Кандїда.	

У Недѣлю 16, Евагг. отъ Луки зач. 17.

СЕПТЕМВРІЙ има 30 дана.

Нед	22	Фоки и прор: Іоны.	4	Франц: Сер:
Пон.	23	Зачатіе Іоанна крес:	5	Плаціда.
Вто.	24	Θекл: и Сум. К. Серб:	6	Бруна.
Сре.	25	Препод: Єуфросунїи.	7	Розїны. ☽
Чет.	26	Престав: еваг. Іоан:	8	Брїгїтты.
Пят.	27	Каллїстрата муч:	9	Діонусїа.
Суб.	28	Препод: Харїтона.	10	Фран: Бор:

У Недѣлю 17, Еваг. отъ Луки зач. 26.

Нед	29	Преподобн: Куріака.	11	Емїліана.
Пон.	30	Григоріа в. Арменїи.	12	Максїмїл:

☺ Пунъ месецъ настае 2. у 5. ч. 29. мїн. после пол. починѣсе ведрымъ и топлымъ временомъ, после предсказуе облаке и магушшине.

☾ Последня четврть наступа 10. у 1. ч. 13. мїн. по, пол. зимну ладноћу и бурно време предсказуе.

● Новъ месецъ появлюесе 18. 6. ч. 58. мїн. пре пол. кишовито и ветровито време приноси.

☽ Прва четврть настае 25. у 3. ч, 22. мїн. пре пол. съ почетка ведро време, а после кишу обећава.

ОКТОВРІЙ има 31 данъ.

Вто.	1	Покровъ Богородиц:	13	Коломанна.
Сре.	2	Кѵпрїана и Іустїны.	14	Калїста. ♋
Чет.	3	Дїонѵсїа Ареопагїт:	15	Θерезїи.
Пят.	4	Іероѳ: и Стеф: Щил:	16	Галла.
Суб.	5	Харїтїны мученицы	17	Хедвїги.

У Недѣлю 18, Еѵагг. отъ Луки зач. 30.

Нед	6	Θомы апостола.	18	Луки Еѵагг:
Пон.	7	Сергїа, и Вакха.	19	Фердїнан:
Вто.	8	Преподобн: Пелагїи.	20	Феліцїана.
Сре.	9	Іакова ап: и Стеф: Д.	21	Уршулы.
Чет.	10	Еѵлампїа мученика.	22	Кордул. ♌
Пят.	11	Фїлїппа апостола.	23	Северїана.
Суб.	12	Прова, Тараха муч:	24	Рафаила.

У Нед: 19, Ев. отъ Луки зач. 35, и Іоан. з. 56.

Нед	13	Карпа и Папѵлы.	25	Крїспїна.
Пон	14	Прп. Параскевы.	26	Димитрїа.
Вто.	15	Еѵѳѵмїа и Лукїана.	27	Савїны.
Сре.	16	Логгїна мученика.	28	Сѵм: и Іуд.
Чет.	17	Осїи пророка.	29	Киновїа. ♍
Пят.	18	Еѵаггелїста Луки.	30	Клаудїа.
Суб.	19	Іоиля пророка.	31	Волфган: ♄

У Нед. 20, Еѵагг. отъ Луки зачало 83.

Нед	20	Артемїа великомуч:	1	Ноем. Вс. с
Пон.	21	Іларїона преподобн:	2	Всѣхъ душ.
Вто.	22	Аверкїа Епїс: Іерап:	3	Хуберта.

ОКТОВРІЙ има 31 данъ.

Сре.	23	Іакова брата Господ:	4	Карола Бор:
Чет.	24	Ареѳы мученика.	5	Емеріка. ☽
Пят.	25	Маркіана и Мартир:	6	Леонарда.
Суб	26	*Димитріа велик.*	7	Енгелберта.

У Недѣлю 21, Евагг. отъ Луки зачало 38.

Нед	27	Нестора мученика.	8	Готтфріда.
Пон.	28	Терентіа, Арсенія А.	9	Ѳеодора.
Вто.	29	Анастасіи мученицы:	10	Трїфона.
Сре.	30	Зинов: и Милут: К.	11	Март:Еп. ●
Чет.	31	Стахуа, и Амплїа.	12	Емїлїана.

● Пунъ месецъ настае 2. у 6. ч. 44. мїн. пре пол. кишовито и облачно време приводи.

◐ Последня четврть наступа 10. у 8. ч. 40. мїн. пре пол. магловито и малого кишовито време обећава.

● Новъ месецъ появлюесе 17. у 6. ч. 45. мїн. после пол. доноси весма ладна и ведра времена, после кишу, а на последку топлоту.

☽ Прва четврть указат' ћесе 24. у 10. ч. 37. мїн: пре пол. у почетку лепо време, а после непрестанну кишу указуе.

○ Пунъ месецъ настае 31. у 11. ч. 5. мїн. после полд: непрестанну кишу обећава.

НОЕМВРІЙ има 30 дана.

Пят.	1	Космы и Дамїана.	13	Станислав.
Суб.	2	Акїндына, и Пигасїа.	14	Авраама.

У Нед. 22, Еvагг. отъ Луки зач. 39.

Нед	3	Акепсїмы, и Іосифа.	15	Леополда.
Пон.	4	Прп: Іоаннїкїа Вел:	16	Едмунда.
Вто.	5	Галактїона, и Епїс:	17	Григорїа.
Сре.	6	Павла Архїеп: Кпол:	18	Евгенїа.
Чет.	7	33 Мучен: въ Мелїт:	19	Елїсаветы.
Пя	8	*Міхаила Архїст.*	20	Фелїкса.
Суб.	9	Онисифора, и Порф:	21	Вход:Бо. ☾

У Нед. 23, Еvагг. отъ Луки зач. 53.

Нед	10	Ераста, и Олvмпа.	22	Цецїлїи.
Пон.	11	Мины, и Стеф: Деч:	23	Климента.
Вто.	12	Іоанна милостиваго	24	Іоанн:Зла.
Сре.	13	Іоанна Златоуста.	25	Екатерин.
Чет.	14	Фїлїппа апос: и Пок:	26	Конрада.
Пят.	15	Гурїа, постъ р. Х.	27	Вїргїлїа.
Суб.	16	Матѳеа Еvаггелст:	28	Состена. ●

У Нед. 24, Еvагг. отъ Луки зач. 66.

Нед	17	Григорїа Епїскопа.	29	Сатурна.
Пон.	18	Платона и Романа.	30	Андр, апт:
Вто.	19	Авдїа пророка.	1	*Дек.* Елїгїа
Сре.	20	Григорїа Деканол:	2	Бабїанны.
Чет	21	*Входъ Богородц*	3	Фран:Ксав:
Пят.	22	Фїлимона апостола.	4	Варвары.

Суб.	23	Амфїлох: Еп: Іконїйс:	5	Саввы.	☽

У Нед. 25, Евагг. отъ Луки, зач. 71.

Нед	24	Екатеріны великом:	6	Ніколаа.
Пон.	25	Климента Папы Р.	7	Амвросїа.
Вто.	26	Преподобн: Алупїа.	8	*Зачат Бог*
Сред	27	Іакова Персянина.	9	Леокадїа.
Чет.	28	Стефана Новаго.	10	Іудїѳы.
Пят.	29	Парамона мученика.	11	Дамаса.
Суб.	30	Андреа первозванна.	12	Аделхай.

☾ Последня четврть починѣсе 9. у 3. ч. 45. мїн. пре полд. непостояна времена, кадкадъ кишовите, а кадкадъ топле и умилне дане обеѣава.

● Пунъ месецъ настае 16. у 5. ч. 44. мїн. пре пол: доноси ветрове и суснежицу.

☽ Прва четврть указуесе 22. у 8. ч. 40. мїн. после пол. ведре дане съ почетка указуе, а после кишовите и смутне.

○ Пунъ месецъ являсе 30. у 5. ч. 35. мїн. после полдне починѣсе съ умилятымъ временомъ, а после облачну и кишовиту погоду предсказуе.

ДЕКЕМВРІЙ има 31 данъ.

У Нед. 26, Еваг. отъ Луки, зачало 85.

Нед	1	Наума пророка.	13	Луціи.
Пон.	2	Аввакума и Уроша.	14	Нїкасїа.
Вто.	3	Софонїа пророка.	15	Валерїа.
Сре.	4	Варвары великомуч:	16	Албїна. †
Чет.	5	Саввы освященнаго.	17	Лазаря.
Пя.	6	*Свят. Нїколаа.*	18	Граціана. †
Суб.	7	Амвросїа Епїс: Мед:	19	Немесїа. †

У Нед. 27, Еваг. отъ Луки зач. 91.

Нед	8	Преподоб: Пафнутїа.	20	Θеофїла.
Пон.	9	Зачатїе Богородицы	21	Θомы апст:
Вто.	10	Ермогена и Іоан: Д:	22	Зенона.
Сре.	11	Даніила Столпника.	23	Вїкторїи.
Чет.	12	Спурїдона Еп: Трїм:	24	Адама Евы.
Пят.	13	Евстратїа и Авксен:	25	*Рож. Хрї.*
Суб.	14	Θирса, Левкїа и Фїл:	26	*Стефана.*

У Недѣлю 28, Еваг. отъ Луки зач. 76.

Нед	15	Елевθерїа священнм:	27	Іоан: ев.
Пон.	16	Аггея пророка.	28	Нев: млад:
Вто.	17	Даніила пророка.	29	Θомы Еп:
Сре.	18	Севастїана мученик:	30	Давїда.
Чет.	19	Воніфатїа мученика.	31	Сылвестра.
Пят.	20	Ігнатїа богоносца.	1	*Ново лѣт.*
Суб.	21	Іулїаніи мученицы.	2	Макарїа.

У Нед: предъ рожд: Хрїст. Ев. отъ Мат. з. 1.

ДЕКЕМВРІЙ има 31 данъ.

Нед	22	Анастасіи великом:	3	Геновезы.
Пон.	23	10 муч: въ Криш.	4	Тита.
Вто.	24	Евгенїи мученицы.	5	Телесфора.
Сре	25	*Рождество Хріс.*	6	*III. Крал.*
Чет	26	*Соборъ Богород.*	7	Валентїна.
Пя.	27	*Стефанъ Архїд.*	8	Саверіна.
Суб.	28	Дву тму мученикъ-	9	Іуліанн.

У Нед: по рожд. Хріст. Ев. отъ Матѳеа з. 4.

Нед	29	14 тысящъ младенц:	10	Павла Пус:
Пон.	30	Анусїи мученицы.	11	Ѳеодосїа.
Вто.	31	Преподоб: Меланїи.	12	Ернеста.

Последня четврть настае 8. у 8. ч. 48. м. после под. време ладно и ведро приноси.

Новъ месецъ излази 15. у 4. ч. 8. после полд. смутна, ладна и магловита времена доноси.

Прва четврть настае 23. у 1. ч. 54. мін. после полд. погода се показуе ведра и зимна, на последку кишовита.

Пунъ месецъ появлюесе 30. у 11. ч. 20. м. пре полд. облацы густи доносе снегъ.

БОЯ.

РОДОСЛОВЄ.

Садашньи Владѣтеля у Европи.

Царства.

АУСТРІА.

ФРАНЦЪ I. Наслѣдственный Императоръ *Аустрїйскїй*, Краль *Мачжарскїй* и *Чехскїй*. РожденЪ 31-га Януара год. 1760. ступїо на престолЪ свїю наслѣдственны Аустрїйски Држава 18-га Февр. 1792.

Каролїна Аугуста Кѣи *Максїмїлїана Іосифа* Краля БаварскогЪ, рождена 8. Февр- 1792. ступила у бракЪ сЪ Є В- Императоромъ, 29. Октом. 1816. четврта Супруга Императорова.

Чада Є. В. Императора и Краля.

Сва отъ втората брака съ *Маріомъ Терезіомъ*, блаженопочившомъ. И убо:

Марія Луиза, Императрица Французска, Супруга Императора *Наполеона*, садашня Херцогиня Пармійска и Пяченцска: рожд. 30. Ноем. 1792.

Фердінандъ Каролъ Леополдъ Іосифъ, Наслѣдникъ Царства, рожд. 19. Априла 1793.

Леополдина Каролина, рожд. 22. Януара 1797.

Марія Клементіна, рожд. 18. Февруара 1798.

Каролина Фердинанда, рожд. 27. Марта 1801.

Францъ Каролъ Іосифъ, рожд. 25. Ноември 1802.

Марія Анна Францішка Терезіа, рожд. 27. Маіа 1804.

Браћа Є. В. Императора.

Фердинандъ Іосифъ, бывшій Кназь великій Вырцбургскій, сада Тосканскій рожд. 24. Априла 1766.

Ка-

Каролъ Лудовикъ, рожд. 24. Августа 1771.

Іосифъ Антоній, Палатінъ *Мачжарскій*, рожд. 27. Апріла 1776.

*Антоній Віктор*ъ, рожденъ 31. Юліа 1779.

Іоаннъ Валтїстъ, рожд. 20. Января 1782.

Райнеръ Іосифъ, рожд. 30. Септемвра 1783.

Лудовикъ Іосифъ, рожд. 14. Декемвра 1784.

Рудолфъ Іоаннъ Іосифъ, рожд. 12. Януара 1788.

Сестра Є. В. Императора.

Маріа Терезіа, за КралѣмЪ Саксонскимъ, рожд. 18. Октом. 1747.

Сродство Є. В. Императора.

Маріа Леополдїна Анна, Удова Курфыршпікиня Пфалцска рожд. 28. Ноемвра 1776.

Францъ Іосифъ Каролъ, КавалерЪ златногЪ руна и пр. рожд. 24. Септемвра 1771.

Фердїнандъ Каролъ Іосифъ, Кавалеръ златногъ руна и Маріаѳерезійскогъ Ордена, Командіръндеръ Генералъ у Мажарской. рожд. 15. Апріла 1781.

Максїмїліанъ Іосифъ, Кавалеръ Немецкогъ Ордена и пр. рожд. 2. Іуліа 1782.

Сестра Є. Величества.

Маріа Терезїа, за Кралѣмъ *Саксонскимъ*. рожд. 18. Октоврa 1746.

Мати Єя В. Императрице.

Маріа Беатрижсъ. Княгина *Модена*, рожд. 1780. Мати почившс Импер.

РОССІА.

Александеръ Павловичь I. Императоръ *Всея Россїи*, рожд. 23. Декем. 1777. на престолъ ступїо 24. Марта 1801.

Єлисавета Алексїевна, Императрица *Всея Россїи*, рождена кѣи Наслѣднога Княза Баденскогъ: вѣнчаласе съ Императоромъ *Александромъ* 9. Окт. 1793.

Мати Є. В. Императора.

Марїа Феодоровна, Госпожа Мати и Императрица.

Браћа Є. В. Императора.

Константїнъ Цесаревичь, великій Князь, рожд. 28. Маїа 1779.

Нїколай Павловичь, рожд. 2. Юлїа 1796.

Мїхаилъ Павловичь, рожд. 8. Февруара 1799.

Сестре Є. В. Императора.

Марїа Павловна; рожд. 1786. год. Херцогиня *Ваймарска.*

Катарина Павловна, рожд. 1788. год. Херцогиня удова *Олденбургска.*

Анна Павловна, рожд. 1795. год.

ТУРСКА.

Махмудъ, рожд. 1785. ступїо на престолъ год. 1810.

Кралѣвства.

ЕНГЛЕЗСКА.

Георгїй III. Краль *Енглезскїй*, рож. 4. Юнїа 1738. ступїо на престолъ 25. Окт. 1760.

Софїа Каролина, Кральица, рожд. 19. Маїа 1744.

Откако є Краль болесиланъ, управля дѣлы државны Прїнцъ Регентъ *Георгъ Фридрихъ Августъ*, аки Наслѣдный Князь Енглезскїй, рожд. 12. Авг. 1762.

ПРАЙЗСКА.

Фридрихъ Вилхелмъ III. Краль *Прайзскїй*, рожд. 3. Августа 1770. ступїо на престолъ 16. Ноемвра 1797.

Удовъ.

Наслѣдный Князь *Фридрихъ Вилхелмъ*, рожд. 15. Октовра 1795.

ФРАН.

ФРАНЦУЗСКА.

Лудовикъ XVIII. Краль *Францускїй* и *Наварскїй*, рожд. 1755. год. ступїо на престолъ год. 1814. у месецу Юлїю, после двадесетогодишнѣга свогъ отсутствія.

Удовъ, и безъ дѣце.

СПАНІА.

Фердинандъ VII. Краль *Спанскїй*, рожд. 14. Окт. 1784. ступїо на престолъ год. 1814. у месецу Юлїю, шесть година у Француской съ Отцемъ своимъ *Каролом*ъ IV. у робству пробавившїй. Пре нѣга быо є Кралѣмъ *Іосифъ Бонапарте.*

Марїа Антонїйна Терезїа, Кральица, кѣи *Фердинанда* IV. Краля обе Сїцїлїе.

Безчадныи.

ДАНСКА.

Фридрихъ VI. рожд. 28. Януара, 1768. ступїо на престолъ їошть год. 1784. кадъ є заєдно съ покойнымъ своимъ Отцемъ *Христїаномъ* VII. владати почео.

Марїа Софїа, Кральица, рожд. Кня. гиня Хессен-Касселска.

Фридрихъ Хрїстїанъ, СыновацЪ и НаслѢдникЪ, рожд. 1753. год.

ШВЕДСКА и НОРВЕГСКА.

Каролъ XIII. Краль *Шведскїй* и *Норвегскїй*, рожд. 1748 год. ступїо на престолЪ 1809 год. после сбаченогЪ *Густава* IV.

Хедвига Єлисавета, Кальица, рождена кѢи Херцога Холштайнско-Олденбург. скогЪ и Єпїскопа ЛюбечскогЪ.

Каролъ Іоаннъ, НаслѢдникЪ, рожд. 1774. год. посынѢнЪ.

БАВАРСКА.

Макс. Іосифъ, Краль *Баварскїй*, рожд. 1756. ступїо на престолЪ КралѢвскїй 1806. дотле КурфырстЪ само бывшїй.

Фридерика Вилхелмїйна Каролина, Кральица, рожд. Княгиня Баденска.

Каролъ Лудовикъ, НаслѢдникЪ, рож. 25. Августа 1786.

ВЫРТЕМБЕРГСКА.

Фридрихъ Вилхелмъ Каролъ, рож. 1781. ступїо на престолъ 1816.

Матй.

Каролина Августа Матилда, рож. Княгиня Енглезска.

СІЦІЛІА.

Фердинандъ IV. Краль *обе Сїцїлїе*, рожденъ 12. Януара 1751. Ступїо на престолъ 6. Октовра 1795. а на престолъ *Неаполитанскїй* 1815. год. по паденїю *Іоакїма Наполеона* (*Мырата*) отъ 1806. дотле Кралѣмъ Неаполитанскимъ бывшегъ. Удовъ. Наслѣдникъ *Леополдъ*.

САРДІНІА

Викторъ Емануилъ, Краль *Сардїнїйскїй*, рожд. 24. Юлїа 1795. ступїо на престолъ 1802. года.

Терезїа, Кральица; кѣи Ерцхерцога Фердинанда.

ПОРТУГАЛЛІА.

Марїа Францїска, Кральица *Португаллска*, рожд. 17. Декем. 1784. ступила на престолъ год. 1777.

Іоаннъ Максїмїліанъ Лудовикъ Іосифъ, Наслѣдникъ и Регентъ, рожд. 18. Маїа 1767.

ДРЖАВА РИМСКА.

Пїюсъ VII. Папа *Римскїй*, пре тога *Григорїй Варнава Карамонтїй* званъ, рожд. 14. Августа 1742. изабранъ у Млетками (Венецїи) 24. Марта 1800.

ВЫШ-

ВЫШША ДУХОВНА ДОСТОИНСТВА

ВОСТОЧНЕ ЦЕРКВЕ.

Архїепїскопъ и Митрополїтъ.

Его Превосходителство, Высокопреосвященнѣйшїй Высокодостойнѣйшїй Г. *Стефанъ Стратимировичь* Кулпинскїй, православный *Архїепїсколъ* Карловачкїй, и цѣлогъ у Држављамъ К. К. находећегсе народа Србскогъ и Валахїйскогъ *Мятрополитъ*, Ордена Импер. Аустрїйскогъ Леополдовогъ великога Крста *Кавалѣръ*, и дѣйствителный *тайный Совѣтникъ* Є. К. К. и А. Величества.

ГГ. Епїскопи.

Епархїа Арадска удова.

Г. *Данїилъ Влаховичь*, Епїскопъ *Буковинскїй.*

Г. Дїонїсїй Поповичъ, Епїскопъ *Будимскїй.*

Є. Превосход. Г. *Стефанъ Аввакумовичъ*, Епїскопъ *Темишварскїй*, и Є. К. К. В. дѣйствит. Тайный Совѣтникъ.

Є. Превосход. Г. *Петръ Іоанновичъ Видакъ*, Епїскопъ *Вершачкїй*, и Є. К. К. В. дѣйствит. тайный Совѣтникъ.

Г. Гедеонъ Петровичъ, Епїскопъ *Бачкїй.*

Г. Іосифъ Путникъ, Епїскопъ *Пакрачкїй* и *Вараждинскїй.*

Є. Превосх Г. *Мойсей Мїоковичъ*, Епїскопъ *Карлштадтскїй*, К. К. дѣйствителный Тайный Совѣтникъ.

Г. Василїй Мога, Епїскопъ *Ердельскїй.*

ГГ. Архїмандрїти.

Г. Исаїй Георгїевичъ Балашескулъ, Архїмандрїтъ Монастыра *Драгомирне*, у Буковини.

Г. Павелъ Кенгелацъ, Архїмандр. Св. *Георгїа* у Темишварской Епархїи, Присѣдатель Консїсторїума Епархїалногъ.

Г. Проколїй Боличъ, Архїмандр. Мон. *Раковца* у Епархїи Архїепїскопской, Консїсторїума исте Епархїе, и Вармедьа

Ге.

Темишварске, Крашовске Сремске и Бихарске Присѣдатель, и єпїс. Арад. АдмїнїстраторЪ.

Г. Сїнесїй Радивоевичь, АрхїмандрїтЪ Мон. *Месића* у Епархїи Вершачкой, МалогЪ Креста Ордена Леополдова КавалѣрЪ, и КонсїсторїУма, и Вармедье Темишварске Присѣдатель.

Г. ПавелЪ Хажићь, Архїмандр. Мон. *Гергетега у* Епархїи Архїепїскопской, КонсїсторїУма и Вармедье Сремске Присѣдѣтель.

Г. ЛукїанЪ Мушицкїй Архїмандр. Мон. *Шишатовца* у Архїепїскопской Епархїи, КонсїсторїАлный Присѣдатель.

Г. Антонїй ГрафЪ *Бранковичь*, Архїм. общежителногЪ монасты. *Олова* у Архїепїскопской Епархїи, и Консїст. Присѣдатель.

Г. АвгустїнЪ Петровичь, Архїмандр. Мон. *Бездина* у Епархїи Темишварской, и КонсїсторїУма ЕпархїАлногЪ Присѣдатель.

Г. Димитрїй Крстичь, АрхїмандрїтЪ Мон. *Крушедола* у Епархїи Архїепїскопской и Консїсторїе Присѣдатель.

Г. Мойсей Мануйловичь Архїм. Мон. *Ходоша* у Епархїи Арадской Конс. Присѣд.

Г. Данїилъ Чупичь Архїмандрїтъ Мона. *Грабовца*, у Будимской Епархїи, и Консїсторїума Епархїалногъ Присѣдатель.

Архїмандрїство Монастыра, Ковиля и Ораовице удово стои.

Назначенѣ торгова или вашара.

У АУСТРІИ.

Увїенни, 1 Понедѣлньика по Юбилапи } по 30 дана
2 дана после сви светы
О Маргарети, 14 дана

У Градцу у первой половини поста } 3 седмице.
О Егїди.

У Линцу 1 ПонедѣлньикЪ по воскресенїю рим: и 61 Августа. Свакїй по 3 седмице.

У ЧЕХСКОЙ.

У Прагу у среди поста великогЪ, и О свет: Вѣнцеславу. Свакїй по 3 седмице

У МОРАВСКОЙ

У Брынну (Брию) 1 ПонедѣлникЪ по пепелявой среди.
У ПоиедѣлникЪ по брашанчеву.
3га Септемвра
У ПонедѣлникЪ после зачатїя Хрїстова. Свакїй по 3 седмице.

У ШЛЕЗІИ.

У Тропави 1га Февр. трае 14 дана.
1га Маїа — 8 —
1га Авг. — 14 —
1га Ноем — 18 —
Свагда єданЪ данЪ пре марвеиный торгЪ.

У МАЧЖАРСКОЙ.

У Пешти. 19га Марта, 8га Юнїа, 29гЪ Августа, и 15га Ноемвра.
У Дебрецїну, на 3 Краля, 24гЪ. Апрїлїа, 15га Августа, и 9га Октовра.

У

У Араду, 1 Марта, 29 Януара, 1 Августа, и 4 Ноемвра.

У Баи Бачке Вармедье, на 1 данъ напредъ марвенный вашаръ быва, 22 Юліа, 21 Септемвра и 6 Декемвра.

* *У Броду* 10 Януара, 14 Апрїлїа, 10 Юлїа, и 8 Октовра.

У Будиму, 1 Марта, 27 Юнїа, 14 Септемвра, и 30 Ноемвра.

У Вацу, 25 Февруара, на єданъ данъ предъ цвѣти, 2 Юліа, 16 Октовра, на недѣлю дана предъ рождествомъ Хрїстовымъ.

* *У Вершцу*, у Недѣлю цвѣтну восточне цркве, и 28 Октовра.

У Весприму, 9 Януара, 12 Марта, 10 Августа, и 6 Декемвра.

* *У Винковцы*, 22 Януара, и 22 Юлїа.

* *У Вуковару*, 1 Маїа.

У Гачу, 25 Януара, на великїй Понедѣлникъ, 15 Юлїа, 1 Септемвра, 25 Ноемвра, и 13 Декемвра.

У Градишки, Новой о Рождеству пресвате Богородице по нашему Календару, и 15 Октовра;

* *У Градишки* старой, 29 Септемвра.

У

У Гьармату, 2 Февруара, у 4 ту Недѣлю Четыредесятнице, 1 Маїа, 20 Августа, и 29 Септемвра.

У Гьуру, у 2-ру Недѣлю четыредесатнице, у Среду по Благовѣщенїю, у Среду предъ Брашанчево, 22 Юлїа, 8 Септемвра, и 19 Ноемвра.

У Егри Хевешке Вармедье. 10 Януара, 12 Маїа, 29 Юнїа, 7 Юлїа, и 29 Септемвра.

У Елерѣшу, 27 Януара, у Недѣлю пресвяте Троице, 10 Августа, и 30 Ноемвра.

* *У Земуну*, 24 Февруара.

* *У Іригу*, предье на 1 данъ марвеный вашаръ, 3 Февруара, 24 Апрїлїа, 8 Септемвра, и 15 Ноемвра.

* *У Іллоку*, 13 Юнїа, 2 Августа, и 23 Октовра.

У Каньижи, 1 Маїа и 19 Септемвра.

У Кежмарку, у 1 ву Недѣлю четыредесятнице, у 1 ву Недѣлю по недѣли пресвяте Троице, 3 Маїа, 14 Септемвра, и 13 Декемвра.

У Кечкемету, 12 Марта, 10 Маїа, 10 Августа, 29 Септемвра, и 25 Ноемвра.

У Кикинди, о Рождеству пресвете Богородице по нашемъ Календару.

У

У Коморану, 1 Маїа, 29 Юніа, 4 Октовра, и 30 Ноемвра.

У Кракови, о Міхолю дну.

У Кремницу, 4 Маїа, и 2 Августа, и у четвртакъ по Міхолю дну.

У Левчи у Ципской, 1 Януара у 5-ту Недѣлю по Воскресенію; 25 Юліа, и 16 Октовра.

* *У Лугошу* у Банату Крашовске Вармедье, 10 Февруарїа, 10 Маїа, 2 Юліа, и 21 Октовра.

* *У Митровицы* у Недѣлю цвѣтну по нашемъ Календару, о вознесенію Господнѣмъ такодьс по нашемъ; О Петрову дану восточне церкве, и 29 Септемвра.

У Мохачу, 25 Февруара, 17 Апрїлїа, 24 Юніа, 14 Ноемвра, и 21 Декемвра.

У Орашовицы у Банату, 3 Маїа, 14 Септемвра, и 25 Ноемвра.

У Осеку, 20 Януара, 24 Апрїлїа, и 30 Юліа.

У Острогону, 12 Марта, 25 Маїа, 10 Августа, и 1 Ноемвра.

* *У Панчеву*, о Петрову дану восточне церкве, и о Рождеству пресвяте Богородице восточне церкве.

У

У Петроварадину, 25 Февр. и о Петрову дну.

У Печую, 2 Февруара, о Духови. 27 Авг. 25 Ноември, на 2 дана прежде марвеный вашарЪ.

У Пожеги, 17 Януара; У Недѣлю цвѣтну. О Духови, 23 Юніа, 10 Августа, и 15 Октовра.

* *У Раковцу*, О Преображенію восточне церкве, и 27 Септември.

У Рима Сомбату (Großsteffelsdorf) у ХонтЪ Вармедьи, 6 Януара, 15 Маіа, 13 Юліа, 29 Августа, и 21 Овтовра.

* *Руми*, у Недѣлю цвѣтну восточне церкве. О Вознесенію ГосподнемЪ, 29 Юніа, и 29 Септември.

У Сегедину, 14 Апріліа, 31 Юліа, 29 Септември, и 30 Ноември.

У Сент-Андреи близу Будима, 5 Маіа, 1 Августа, и 20 Октовра, предье на 1 дань марвеный вашарЪ.

У Сенти, 17 Августа, и 19 Ноември.

У Сомбору, 25 Марта О Вознесенію ГосподнѣмЪ восточне церкве. О Успенію БогородичномЪ восточне церкве, и 25 Ноември, по Римск.

У

У Столномъ Бѣограду, у 1ву Недѣлю четыредесятнице, 24 Апрїлїа, 24 Юнїа, 24 Августа, и 26 Октовра, свагда у Вторникъ.

У Тати Коморанске Вармедье, у 1 Недѣлю по Пасцы. У Недѣлю пресвете Троице, 29 Августа, и 5 Ноемвра.

* *У Темишвару*, 19 Марта, 1 Юнїа, 29 Септемвра, и 17 Декемвра.

У Токаю 25 Марта, 24 Юнїа, 26 Юлїа, 21 Септемвра, 26 Октовра, и 21 Декемвра.

У Турскомъ Бечею, у Недѣлю цвѣтну, 7 Августа, и 3 Октовра.

У Трнави, 22 Януара, у 1-ву Недѣлю четыредесятнице, 24 Апрїлїа, 15 Юнїа 25 Юлїа, у Недѣлю по Рождеству Богородичномъ, 28 Октовра, и 9 Декемвра.

У Фїуми, 15 Юнїа.

* *У Франьови* у Банату о пророку Іеремїи восточне церкве.

У Футожу Бачке Вармедье, 5 Апрїлїа, о Благовѣщенїю восточне церкве, 26 Маїа, о Духовы восточне церкве, и Митрову дну восточне церкве, на 1 дань предье марвеный вашаръ быва.

У

* *У Чакови* у Банату, 30 Марта, о Міхолю дану восточне церкве, и 11 Ноемвра.

У Шїклошу, у Недѣлю пресвете Троице, и 30 Ноемвра.

У Шолроню, у вторникЪ 1-ве Седмице четыредесетнице, 1 Маїа, 13 Юліа, 6 Августа, и 19 Ноемвра.

С П И-

СПИСАКЪ.

Поглавиты купечески или трговачки градова:

Амстердамъ и Антверпенъ (у Холландской).
Аугсбургъ (у Швабской).
Берлінъ (у Прайской).
Ботценъ (у Тиролской).
Брауншвайгъ (у Нѣмецкой).
Бременъ (у Нѣмецкой).
Вратиславъ — Бреслау — (у Шлезской).
Вїена (у Аустрїи).
Гданскъ — Данцїгъ — (у Прайзской).
Генуа (у Италіи).
Копенхагенъ (у Данской).
Кралѣво — Кенигсбергъ — (у Прайзской).
Ливорно (у Италіи).
Липско — Лайпсикъ — (у Саксонской).
Лисавонъ (у Португаллской).
Лондонъ (у Енгласзской).
Любека — Лыбекъ — (у Нѣмецкой).

Ма-

Мадридъ (у Спанїи).
Магдебургъ (у Нѣмецкой).
Мемелъ (у Прайзской).
Милано — Майландъ — (у Италїи).
Москва (у Россїи).
Неапель (Неаполитанской).
НырнбергЪ (у Баварской).
ПаризЪ (у Французской).
ПетерсбургЪ (у Россїи).
Пешта (у Мачжарской).
ПрагЪ (у Чехской).
РевалЪ (у Россїи).
Рига (у Россїи).
РимЪ (у Италїи).
РостокЪ (у Нѣмецкой).
СтралсундЪ (у Поморанїи Шведской).
ТрiестЪ (у Иллiрiи).
ШтеттинЪ (у Нѣмецской). —
ШтокхолмЪ (у Шведской).
ФранкфуртЪ на Майни, а другїй на Одри (у Нѣмецкой).
ХамбургЪ (у Нѣмецкой).

БОЯ-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

K. Newnham sc.

БОЯНА ОБРАДОВА.

Жалосна, и забринута сѣдяше *Бояна Обрадова* у очи дана, кадъ є мужъ нѣнъ на войну полазити намѣравао. Тіе сузе капляу їой изъ красны нѣны очію, сутра ће се са супругомъ своимъ *Обрадомъ Гојковичемъ* растати. Жалосну тако и забринуту надье є самъ *Обрадъ*. Смутисе, и сажали є зашто тако да се печали. „Зашто? зашто се бринешь и печалишь тако любима Бояно? упыта є *Обрадъ* любавно. Заръ ти є садъ првина, да одъ Тебе одлазимъ? нисмо ли се већь толико путій разстаяли? и увѣкъ си досадъ постоянія и мужествења была? “

„Никада ми ніе о Обраде! тако тешко было, као сада, одговори му она: никадъ се нисамь тако за тебе бринула, као садъ, све ми се некако чини, да нѣће добро быти, и срце ми куца садъ силнѣе

ніе и страшльивїе, него што є икадЪ їошт' куцало. "

„Престани сладка моя! и не тужи! Не мучи душе свое страшилама успалѣногЪ вображенїя. БогЪ, кои ме є и досадЪ и у различнымЪ и млогимЪ бѣдама чувао и браніо, учиниће, ше ћу се я и садЪ здравЪ и весео у обятїя твоя повратиши. Буди те божїе милости упованїемЪ Твоимъ на нѣга достойна. ЗарЪ на позыванѣ Краля мога, као страшльивацЪ кодЪ куће да останемЪ, и на войиу да не идемЪ? ЗарЪ потомцы мои стыдЪ и срамЪ праоца свогЪ да трпе? и зарЪ мое име унуцыма моимЪ у подсмей да остане? Пытай само себе любезна и благородна жено! бы ли Ты то поднети, был' допустити могла? "

„ А! Обраде! више одЪ тысуће путїй мыслила самЪ я све што и сама, и опетЪ неће ми срце, кое другчїе све, у чему ко право има, драговольно признае, и опетЪ неће никако да се даде умирити. "

„Утѣшисе само любима моя! ко зна, шта Ти є, видиће шь, да я у свему право имамЪ."

Загрли е за тимЪ нѣжно, и тѣшити є стане. Сладко и любавно улагиванѣ

срца

срца Обрадова надвлада є найпосле, и стра и боязань нѣна престане. Ноћь наступи медьу шимъ. *Обрада* успава мысао, да ће дужности свое полаженѣмъ на войну испунити; но у *Бояновой* души пробудисе опетъ слутенѣ, да неће добро быти, и већь їой се будућность црна представляше.

Зора заплави, *Обрадъ* се пробуди, и чуе полаке уздіе свое Бояне. Устане изъ постелѣ, види, да се сунце већь родило, и помолисе Богу: " Свевышньій Боже! рекне, благослови праведно препріятіе мога Краля: повраши ме опетъ здрава и мирна, и побѣдоносна къ жени моїой и сыну. А ако си заключіо, да у предпріятію истомъ погинемъ, а оно їй утѣши, и пошльи срцама ньинымъ миръ и покой.

Бояна устане такодье, но полако, да є ОбрадЪ, благоговѣйно Богу молившійсе, ни чуо ніе, приступи къ нѣму, и загрли га рекши: „ Ел' Обраде! моя слушеня наишласу већь и Тебе?"

„ Не! о не! одговори *Обрадъ*, нису она и на мене прешла. Но и я самъ само човекъ, и знамъ добро, да се завѣса будућности отворити не може очима смртны людій. Я се само мое дужности држимъ,

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

па было, како было. Ако Ти се као побѣдоносацъ, и увѣнчанъ задовольствомъ мога Владѣтеля вратимъ, о! како ће ти онда срце Твое куцати, када мени на сусретъ изидьешь! — А ако погинемъ, онда треба Родьена моя! и сузе, кое ћешь надъ мртвымъ моимъ тѣломъ пролити, радостьда Ти буду: ибо ће Те великій помысао обдржавати: Обрадъ мой погинуо є за цара и за царство!“

О! како красно звече те рѣчи Обраде! за нѣколико часова и забунюю срце; но шта ми є савъ свѣтъ, кадъ ми Тебе, Теб' Обраде! нейма?“

„И Ты бы се смѣла їошт' Србкиньомъ назвати, а србскогъ срца неймашь.“

„Признаемъ єдиный мой! слабостьмою признаемъ. У Теби ми є сва срећа моя. Могу ли я што за то, што ми ніе природа сама крѣпости мушке дала?“

“Не умекшавай ми жено! срца мога. Кадъ бы остао я кодъ куће, а остала браћа за ошечество свое крвь проливаю; кажи ми, молимъ Те, бы ме онда любитъ могла, мене, когъ бы савъ свѣтъ презирао? Слѣдуй любима моя! матери Твоіой покойной. Истиина, да се и она увѣкъ заплакивала, кадъ є мужа оправляла, но ніе се никадъ

съ

съ таквомъ мекосћу и съ таквымъ слутенћмъ съ ньиме опраштала. Отацъ Твой было є осамдесеть година већь старъ, сѣдина му є главу покрывала, и петъ сынова већс жертвовао є отечеству своме на славу, и был' могла Ты, Твомъ, тако рабромъ, племену срамот — — "

Бояна му овде бесѣду пресѣче, и рекне: „ Рѣчи Твое Обраде! побѣдилесу срце мое, кое є и онако све то чувствовало, но само особитомъ некомъ боязльивосћу заузето. Иди! Иди любимый Обраде! мое срце, и благослови божїи пратиће Те у ратъ! "

„ О како ми се садъ допадашь єдина Бояно! десетъ путїй више допадашь ми се сада, него на данъ бракосачетанїя нашегъ. Я самъ се о обоимъ вама већь састарао. Гргуръ Груичићъ, далньїй мой родьакъ, доћиће амо, и быће съ вама у момъ двору, онъ ће на све васъ пазити, онъ ће васъ и чувати и бранити. Кажу, да є рабаръ човекъ! "

„ А оће ли и поштенъ и благороданъ бити? "

„ Да то не бы было, те му не бы крвь мога сродства у жилама текла. Имай

повѣреніе кЪ нѣму, мыслимЪ, да за нѣга добарЪ стоятти могу.“

У истый часЪ затопота копыто коня єдногЪ, обое наполѣ погледе, и *Гргурѣ* штрчи на коню управЪ у дворЪ унутра. Срдачно се поздраве и излюбе, доручкую, заєдно. „ Но садЪ є веће време, да полазимЪ, проговори првый *Обрадѣ*, оседлай ми слуго коня! “

Бояна уздане, и сузе їой полете, єдна другу стизаy. ДѣтинскомЪ жалосћу плакаше му осмогодишнїй сынЪ *Богићѣ*. „ Веће є приспѣо часЪ, да се растанемо; сЪ БогомЪ жено! сЪ БогомЪ сыне! рекне *Обрадѣ*, но гласЪ му дркташе, ако и есть увѣкЪ досадѣ постоянЪ быо. Гргуру! на Теби оставлямЪ жену мою, жену и дѣте, у ньима Ти оно вручавамЪ, што ми є наймилїе и найдражїе на свѣту. Ты си мужЪ, и срдарЪ. Сматрай ню, као удовицу, а сына могЪ као сиротицу, коя оца нема. Знашь, шта као СрбљинЪ чинити имашь, кадЪ Ти се што повѣри и вручи, да чувашь. ШтогодЪ дотле, док’ се я невратимЪ, у двору момЪ учинишь, све то одобрићу и я. А кадЪ Теби БогЪ да, те и Ты у овакву прилику додьешь, а оно знай, да ћу Ти и я услужити, то ти се чесћу

моїомЪ

моїомъ заклинѣмъ. Закуни ми се, да ћешь све, што самь Те молїо, и вѣрно држати, удри рукомъ амо, пружившїй му свою — и закунисе, да ћешь то чинити.“

„Заклинѣмъ Ти се, одговори *Гргуръ*, чесћу моїомъ и рѣчю сердарскомъ, рѣчю сердарскомъ, а любвомъ пріятельскомъ. Я ћу све твое чувати и бранити, и врапишь ли се, кое Богъ да да, да буде, и кое Ти я одъ свегъ срца желимъ, здравъ и читавъ къ њима, то ћу Ти їй опетъ здраве и читаве предати, као што си ми їй и вручїо.“

За тимъ се изгрле, и излюбе, и да не бы жалость іошть већма подрааніо, а *Обрадъ* скочи брже на коня, ободе га, и одяши изъ двора.

Дуго време гледаше *Боянa* за њимъ, ни ока съ њега сметула нїе, догодъ се са свимъ, неудальи, да га видит' неможе. Како їой тешко было: савъ дворъ био їой празанъ. Дасе у найтежїи посао, небы л' се како заборавило, но свакїй, свакїй є тако свирѣпъ био, да є нїе забунїо, и да се при свакомъ Обрада своегъ опоминяла. Узме Богића своегъ на крило, и стане га любити, у њему їой се Обрадъ њенъ представляше. „Гди ће сада отацъ твой Богићу!

быши? гди ће быши? "и стане часе брояши.

Богић тѣшећи є одговори: „ Майко! отацъ ће намъ се скоро вратити: богме ће се вратити: та мы то желимо, и за то се Богу молимо! "

Гргуръ надгледаше дворъ Обрадовъ добро и вѣрно. Изъ очїю Боянїйны читао є онъ сваку нѣну желю, и сваку їой испунїо пре, него што є она изрекла. И при свемъ томъ нїе се Бояни нимало допао. При срдачномъ разговору о растанку їошть, кадъ му є Обрадъ, наймилїе свое вручавао, їошть онда є очима на Бояну повлачїо тако, да се она застыдила, и зарумепила, и їошть онда престала, повѣреніе къ нѣму имати. У рѣчима нѣговымъ, кадъ бы се съ ныоме разговарао, нїе невиности и безлобїя искрености и чесности оне нашла, коїой є у разговору са Обрадомъ своимъ научена была. Огнѣно и прїятельско было є свако нѣгово израженїе, но чиста и невина Боянїйна душа видила є изъ свега, да источникъ, изъ коїи она теку, мутанъ и блатанъ быши мора: свака рѣчица ишла му є сладка изъ уста, и свака се чинила, као да є самомъ добродѣтелю и чесноћу прописана и запечаћена, но очи су га одавале, да га се чувати треба, ибо видъ нїе у-

вѣкъ

вѣкъ истина, какогодъ што и новацъ свакїй добро скованъ, но одъ зла туча начинѣнъ, быти може.

Іошт' є *Гргуръ* страсть свою у дубльину душе закопавао. Но пламень, кои се дуго време прегушенъ држи, продре опетъ наполѣ, и кадъ продре, а онъ їошт' горе лиже. И вѣкь нїе могао више уздржатисе: съ почетка почне рѣчима околишити, но невина Боянїйна душа нїе га разумѣвала. Почне и огнѣнїе и живлѣ изражавати се, и *Бояна* опази, шта онъ намѣрава, сва се сгрози одъ саме помысли: почне му съ пута свртати, но онъ све то продрзльивїи постаяше, све то више салеташе є. *Бояна* се трудяше, престрашити га разнымъ представленїяма, но онъ се найпосле тако осмѣли, да и полюбъ прїятельства обесвети, притисакъ руке нѣгове не бы више притисакъ Србльина поштена, и изъ очїю нѣговы сѣваше нѣшто, одъ чега бы сеи найбесшыднїя зарумenила. И добра *Бояна* науми найпосле, да се никадъ на само съ ньимъ не разговара, да бы га тако сваке прилике лишила, да несрѣћне свое страсти удовольити не може. Посреди две пропасти стояше сиротица, и не знадяше шта да ради, или права гостолюбїя да не вредьа, или

женске добродѣтельи да не обезчесћуе. Найпосле се и том' надала, да ће му дужина времена страсть залѣчити, и да ће є се оканути, видећи, да су му сви труди сустни. Но све то всуе бияше, са шимЪ му є пламень іоште подпаљивала, и бѣду свою умложавала.

*Гргур*Ъ подкупи слушкинѣ Боянїйне, да га ноћу у собу нѣну, у коїой она са Богићемъ своимъ спаваше, и кою єдна одЪ ньи увѣкЪ забравляше, пусте. Шта неће новацЪ учинити, гвоздена ће врата обити, камол' не бы слабость срца човечїи надвладао. Едно вече учинисе ключарица, као да є заборавила, врата спавалнице нѣне заключати; и сви отиду спаваши: на кули дворской куцаше вѣкь єданайстый часЪ ноћи; и све свеће по двору бияу вѣкь угашене; тишина царствоваше свуд' унаоколо; ни єдне стопе ниси чути могао, да по двору иде, до єдине стопе стражара на кули. *Бояна* моляшесе Богу, и у мыслима бияше кодЪ Обрада свога. У истый ма отвори *Гргур*Ъ врата, и у собу удье; она се тргне, и претрне.

„Небойсе Госпо! небой, рекне їой *Гргур*Ъ, я Ти долазимЪ као ангьео мира, а не да Те у покою ТвомЪ узнемиримЪ.

Ни-

Никадъ нисамь досадъ свеће кодъ Тебе овако позно видїо, увћкъ си, како ноћь наступи, све угасити дала: а садъ видећи, гди се у соби Твоїой нћшто свћшли, устрашимсе, и помыслимъ, да Ти нїе што зло, и поштимъ къ соби, гди, кадъ додьемъ, и руку на резу метнемъ, а оно є отворену надьемъ, и устрашимсе, требашь ли помоћи мое? — „Моя слушкиня крива є томе, што врата заключана нису, благодаримъ Те, што се толико за мене старашь, “ одговори му *Бояна*.

„О Бояно! повикне онъ на то, ништъ не быва на свћту одъ ока! свашта има свою причину. Допусти ми! о допусти ми Бояно! да Ти срце мое одкрыемъ, и да Ти исповћдимъ, шта га толико грызе и єде.“

Бояна при рћчима овыма претрнувши рекне му, да га неразуме, а онъ запламенћнъ бесћду свою продужи, и рекне їой: „Ако Обрадъ погинуо буде! ако погинуо буде; воля нћгова вручила ми є Тебе їошше за живота, а ако погинуо буде?“

Бояну рћчи ове, као ножъ, у срце текну, и заплакавшисе викне: „Свирћпый пріятелю! не подкопавай ми надежде мое наймилїе! Богъ ће вћрну любавь наградити: Обрадъ мой живъ є, и избавићесе сваке бћ-

де

де, съ иьиме иду топле мое молитве къ Богу, мое, нѣгове Бояне!“

„О зашто Те морамъ Бояно! одъ тако сладке надежде отргнути? Но моражешь та пре, та после чути, да Ти є Обрадъ у найжесточїой битви погинуо!“

„Єси л’ Ты родьаче! викне *Бояна* у изумлѣнїю, при свѣсти? єси л’ духъ или їоште живо суцество? Не вѣруемъ ни очима моимъ, кое Те виде, ни ушима, кое Те чую.“

„О! да не бы ми смѣла вѣровати! Но да Ти є Обрадъ погинуо, то ћешь и одъ други чути. Я самъ пріятель твогъ мужа быо, їоштъ векїи ћу нѣговой красной удовицы быти. О Бояно! кадъ бы само половину свега осећала, што се у момъ срцу сбыва! кадъ бы само осећала, како є любвомъ распалѣно!“

„Иди! иди одъ мене! повикне *Бояна* разярена; иди таки одавде, ил’ ћу све мое слуге таки сазвати, и предъ свима Те осрамотити!“ — О Боже! Боже защитителю и избавителю невиности! ко ће се мене смиловаши? Единый Творче! пошльи громъ изъ ведра неба, некъ окаяну ову душу, оваквога пріятеля, и оваквогъ обранителя права пріятельски убїе!“ Бризне сиротица плакати и якати. Са тимъ се

Бо-

Богићь малый пробуди, и скочи сЪ постелѣ: „Шта Ти є Майко! шта Ти є? што лучешь тако? “ — И видећи човека єдногЪ у соби, а изасна тргнувшійсе и непознавшій га, и мыслившій, да є разбойникЪ какавЪ, врисне, и повиче: „у помоћь за Бога! у помоћь! “

Гргур дочепасе садЪ врата, и побѣгне.

Како се обрадовала сирота *Бояна*, да се *Гргура* садЪ опростила. Но нису сЪ томЪ буріомЪ и остале прошле. Црна Гргурева душа жеднила є за осветомЪ. Тек' што се данЪ расване, а онЪ усѣдне на коня, и отиде изЪ двора Обрадова. БезЪ свакогЪ стыда и срама разнео є лажне гласе о Бояни, и оцрніо є предЪ свѣтомЪ; бацы сатимЪ добродѣтель и невиность найблагороднїе жене на свѣту у подозрѣніе. И тако є продрзљивь вѣкь быо, да є свима казао, да є зато изЪ двора Обрадова отишао, што є блудна Бояна вѣрность нѣгову кЪ пріятелю своме искушавала, и што є одЪ нѣга искала, да сЪ ньомЪ прелюбодѣйствуе. „Но колико є, вели, она лѣпа и колико е красна, опетЪ зато су ми дужности пріятельства свете и пресвете быле. “

На-

Наскоро се рѣчи нѣгове свудъ разнесу. Кадгодь бы *Бояну* гди видили, свагда бы єданъ другомъ на уво нѣшто шапшали, да и сама дѣца укораваласу *Богиѣа*, кадъ бы се съ ньимъ играла, невѣрносћу и нецѣломудрїемъ матере нѣгове.

Нїе могло то одъ Бояне сакрывено остати. Колико є онда сиротица претрпила, кадъ є оно вече онако напао быо: но сада є жалость нѣна їошше веѣа была, невина, па предъ свѣтомъ да страда! И у она времена быо є обычай, да име чесно и поштено пре жигошу, него невиность одбранюю. — Къ томъ се и тай гласъ разнесе, да їой Обрадъ погинуо, разнесесе, а само га є Гргуръ измыслїо быо. Садъ їой веѣе животъ найтеже бреме на свѣту быя. Онда, кадъ честь нѣна ни одъ когъ дьавола оцрнѣна была нїе, онда їой савъ свѣтъ прїятелѣмъ быо; а садъ; кадъ бы найвише помоћи требала, садъ є сама остала, безъ свакога помоћника, и свеобщемъ срамy предана. Предъ свимъ свѣтомъ исповѣдала є свою невиность: свуда є продрзльивогъ Гргура псовала: и надаласе, да ће поне є*дногъ* одмастителя медьу прїятельи свогъ Обрада наћи, но ни єданъ се несрећнице нѣ прїимити не кћеде!

„То

„ То ћу я сама бранитељица мое чести бити“ рекне и науми *Бояна*. Таки дозове старогъ и сѣдогъ Радована, кои є оружїе Обрадово чувао, и рекне му: „ старый и вѣрный слуго Твога Господара! буди му сада у помоћи! Познано Ти є све, шта се са мномъ и съ Гргуремъ догодило: чуо си, како є онъ честь мою и невиность увредїо и облагао. И што є више, онъ є све пријателѣ могъ Обрада тако заслѣпїо, да ни єданъ неће мене, увредьене жене, да се пријими: ни єднога нейма, кои бы му зао нѣговъ єзыкъ укротїо. Тако ми єдиного Бога! животомъ своимъ треба да платши! то самь наумила. Духъ мога мужа оживотворїо ме є, и невиность моя подкрѣплява мышицу мою. Я сама, я Радоване! оћу у мушко и сердарско одѣло да се обучемъ, па ћу му после кньигу послати, да на мейданъ самномъ додье, и предъ сердары наши самномъ се бори!“

„ Госпо Бояно! одговори їой *Радованъ*, како се смѣшь Ты съ мушкимъ, а особито са Гргуромъ бориши?“

„ Не! не! рекне она, што реко! то ћу и учинити. Ако нѣга я надбїемъ, тоће му већа срамота быти. Погинемъ ли я, — та боля є и смрть, него животъ, пунъ

стыда и срама. Надьи ми Радоване! найлакше токе, и дай ми найболыи мачь, кои имашь! “

Радованъ іой даде, што є закшевала, и обеѣа іой се, да никомъ ни рѣчи казат’ неѣе.

Како мачь у руку узме, сва се уздркѣе и успали. Полюби га топлымъ полюбцемъ, и погледи къ небу, и рекне: „ Ако є истина, да є Богъ избавитель невиности, шоѣешь ме шы мачу спасти! “

Малый *Богиѣъ* падне іой око’ врата, и заплачесе, но ни едне одъ материйны рѣчій не може да разуме. *Радованъ* се чудьаше нѣномъ одушевленію, и не смедьаше, ни рѣчи да проговори.

Бояна напише Гргуру кньигу, и позове га на мейданъ подъ именомъ мушкимъ, и именомъ сердара єдногъ.

Єдва є чекала, да данъ борбе додье, и да се облагашелю свое невиности и добродѣшельи освеши. Ноѣу одяши, у сердарско одѣло преобучена, изъ двора шако, да є нико, кромѣ Радована, ни видіо ніе. Благословъ сшарогъ своѓъ слуге праѣяше є на борбу, но овай бы се увѣкъ сгрозіо, кадъ бы помыслію: „ жена съ мужемъ да се бори? “

Бо-

Богићъ тражаше матерь свою свуда, но ингди є наћи не може. И само є то одъ Радована чуо, да ће опетъ скоро доћи, са тимъ се и тѣшити морао.

Бояна є чисто одлетила на мѣсто борбе. *Гргуръ* се трудьяше, да сердара одъ борбе како одврати. Но преобученый нашъ сердаръ каже му, да поштенъ быти неће, ако се съ ньимъ, по обычаю сердара, борїо не буде.

Гргуръ промѣри садъ своѓъ противборца са свїю страна. И витакъ нѣговъ струкъ видившїй помысли: „та шта ће овай са мномъ, док' га првый путъ само ударимъ, таки ће мртавъ пасти? “ И зато посмеваюћи му се, потегне мачь на нѣга. Но невиность є мышицу Бояншйну укрѣпила. Свакїй ударъ нѣногъ мача затресао є и оклопъ *Гргуревъ*, и самогъ нѣга: а одъ свакогъ нѣговогъ удара знала є Бояна вѣшто уклонитисе. Сви, кои су борбу ту гледали, удивляваусе вѣштини страногъ овогъ сердара. И їошт' нису ни мыслили, да ће Гргуръ тако брзо погинути, а већь онъ, мачемъ Бояншйнымъ кроздьу прободенъ, предъ ню падне. *Бояна* сбацы шлемъ съ главе, и повикне околостоећыма: „я самь Бояна! Бояна Обрадова! обранительница невино-

виности свое и вѣрности кЪ Обраду моме!“ ТекЪ’ што сви толикомЪ мужеству дивишисе и Бояни рукама плѣскати почну, а СердарЪ нѣкакавЪ погурїосе по коню, па изЪ далека тркомЪ трчи, и управо кЪ мѣсту борбе залетїосе. То е самЪ *Обрадъ* было: „Стани! повикне громовитымЪ гласомЪ, стани! не ударай їоште сердару!“ мыслећи, да се борба їошт’ почела ніе. Но ко бы чувствованіе нѣгово описати могао, у комЪ му се душа топила, кадЪ Бояну свою у сердарскомЪ одѣлу опази, и види, да є она побѣдительница Гргурева. Скочи сЪ коня, и у изумлѣнїю єдва кЪ ньой додье, падне їой на прси, и излюби є. А за тимЪ благодаре обое Бога, што є мышицу нѣну тако укрѣпїо, те є невиность свою обранила. Проведе два дана сЪ ньоме у двору, и врати се опетЪ кЪ войсцы Краля свога.

Обрадъ є было у войсцы Кралѣвой, и тамо му осрамоћеніе Бояне нѣгове одЪ Гргура до ушїю додье. О невиности нѣной увѣренЪ будући замоли, да га пусте, кући само да отиде, и невиность нѣну одбрани, па после опетЪ кЪ войсцы да се врати. Тако є и было. —

И одЪ тога доба была є *Бояна* огледало и образацЪ свимЪ србскимЪ женама. И ако и єсу млоге тако вѣрне своме мужу быле, као што є она вѣрна была, опетЪ їй є мало, кое су тако мужествене, као што є *Бояна Обрадова* была.

РУЖИЦА.

Кадъ се їошше у Србїи Стефанъ Душанъ, наслѣдникъ престола србскогъ, съ оцемъ своимъ, Кралѣмъ Стефаномъ препирао, зашто га, за живота свога, и по обећанїю своме, на престолъ истый не постави; їошт' у оно време была су два србска племена, одъ коїи є єдно Душану, а друго оцу нѣгову страну држало. Оно се племеномъ *Владимїровића*; ово племеномъ *Благоевића* называло. И шшогодъ се юнака одъ други племена съ оныма држало, сви су Владимїровићи преимућствено називани были; а шшогодь се овыма лѣпило, ши су Благоевићи именовани. Какогодь шшо су се нѣкадъ Гвелфи и Гибеллини, кое по Италїи, а кое по Немачкой, они за Цара Немачкогъ, а ови за Папу Римскогъ шерали, тако су и србски *Владимїровићи* и *Благоевићи* съ найвећимъ огорченїемъ єданъ другогъ шерали:

мрзостъ

K. Nourlist sc.

RAMUS

мрзость ньина почела є, може быти, и раніе їоштъ порадьаписе; но сада имъ є прилика дошла, да є оба племена, єдно другомъ и найвећма осетити даду. Но Душанъ се оцари, и опацъ му опрости, тако се и прилика племенима тимъ одузме, да єдно друго явно гоне: већь у потаи гледаласу оба, гди ће кое другомъ науди-ти. И тако є мрзость ньина и далѣ, да, и после конечногъ паденія Србіе, и до по-ляня кнезова по ньой мѣсто владѣте-ля доондашньи, єднако траяла: Млога капля найблагородніе крви проливена є, и ючачка срца, коя се у битвама свію стра-шила смрти бояла нису, былаcу потай-нымъ ножемъ прободена. Страшна мрзость бѣснила є медьу ньима, и пламень нѣнъ буктіо є све то већма, све то пустошителніе. И толико є већь душама ньинымъ обладала была, да су и найподлія и найсвирѣпія прегрѣшенія за света држали, како бы се само надати могли, да ће противнике свое знатно побѣдити, противнике, кои опетъ съ свое стране никаквога средства пропуштали нису, да се оныма освете.

Старый *Милошъ Благоевићъ*, найблагороднїи и найбогатїи одъ племена Благоевића, было є найвећа ньина подпора,

зато

зато су Владимїровиħи нħга найвеħма и гонити морали. Као тысуħогодишнїй растЪ, около чїегЪ врра бурħ у сазаклетой бħсноħи урличу, и кои, рекао бы, земльомЪ тврдо са свїю страна загрлħнЪ, опетЪ се не нїя, тако э *Милошъ* противницыма своима кое своїомЪ собственномЪ крħпосħу, а кое силомЪ своїи привржениика дуго време угрожавао. Но среħа, коя и зликовцыма често склонна быва, учини Владимировиħе силнїима. Благоевиħи и привржениицы ньини, по мħсты, гди су пребывали, више безбħдни не бывши, разбħгнусе по други градовы Србїе, и очекиваy, да се промħна каква сбуде, кою бы ил' лукавство, или сила, или случай какавЪ, или помоħь, са стране имЪ обеħана, произвела.

Старый *Милошъ* додье са супругомЪ своїомЪ и сЪ єдиницомЪ кħерю *Даницомъ* у Ягодину. Тамо є мыслїо, да ħе поне неко време одЪ сħтїй непрїятеля своїй безбħданЪ быти. Честолюбїе нħгово нїе му допуштало, да се изЪ землħ изсели, и сЪ битвища противницыма своима са свимЪ уступи. У граду Ягодини живило є истина више Благоевиħа, но ниши їй є млого было, нит' су силни были, и зато улучи ножЪ найлукавїегЪ Владимїровиħа, именомЪ

Гой-

Гойка угљшића сгоду, ше Милоша ноћу убїе, и живота лиши.

Ко бы могао жалость кћери Данице надЪ крвавымЪ мртвымЪ шћломЪ оца свога описаши? — ОнЪ є сва радость, сва ушћха, и сва сречка нћна быо, а садЪ га їой више не бы. — У нћговой любви плывала є она, као у мору каквомЪ; у нћговой нћжности сунчаласе, као птичица голуждрава на ютренћмЪ зраку сунца шшосе сунча, кое крозЪ густо и ладно лисће продире: на нћговой нћжности сунчаласе; и нћга їой садЪ несшало! Као умиланЪ санЪ облетала є нћкадЪ около нћга; вћтренньомЪ брзиномЪ испунявала му є све, шшо бы зажелїо, пре, него бы онЪ желю свою изразїо. — А садЪ — садЪ є блћд' свой образЪ на ладну грудЪ наслоннила, изЪ кое є са животомЪ и споменЪ нћнЪ исчезнуо. Радосна и бодра, као ягнћ, скакала є крозЪ пространне дубраве живота узЪ нћга; свакїй у засћнки цвћшаюћїй цвћшакЪ узбирала є за нћга; одЪ свакогЪ поячегЪ ветрића чувала га є, — а садЪ! садЪ їой лежаше онЪ мршавЪ, преображенЪ и ладанЪ, као гробЪ; и све нћне сузе, шшогодь су шекле, и све, шшо су онако шопло на любимо нћгово шћло рониле, све нису могле,

из-

изданувшу нѣгову душу одъ летеня къ звѣздама да уздрже.

Данчїйно срце было є меко, као прси ружице, и благо, као блистанѣ воде Дунавске, у ютру, кадъ краль дана у своmъ великолѣпїю спроћу нѣ стои. Кадъ є крозъ чувства нѣгова свѣтъ у нѣга силазїо, а оно су впечатлѣнїя, у нѣму произношена, дубока и силна была; но кадъ є оно зефїрнымъ пиренѣмъ чувствованїя у свѣтъ истеривано было, — о! с..да га нїе оно съ ненаситимосћу счепавало, већь се задовольно на врру цвѣтаюће гранчице люляше, окомъ любве у пространну тварь гледаюћи, и у чистой, прси драголюба посребрняваюћой, капльи росе огледаюћисе. И заиста су чувствованїя Данчїйна срца тако нѣжна была, и тако полако крозъ скважине нѣгове пролазила, да си га съ огледаломъ сравнити могао, съ кога вонна и топла пара примакнуты уста силази, и наскоро исчезава, а на коме быстровидна (кристална) поврхность непрестанно таква остае.

У таквымъ любветоплымъ прсима нїе могло сѣме мрзости корена уватити. *Даница* се гнушала убїйце свога оца, но нїе га могла проклинати: већь є свако ютро

и

и вече, кадЪ бы молитву свою за упокой душе оца свога, довршила, увѣкЪ и по єдну помысао за спокойство убійце нѣговогЪ Богу послала. И старЪ некій калугьерЪ бшо їой врло мїо, што є, на пытанѣ нѣно, увѣрїо, да се опрошценїю нѣговоме (убїйчїйномЪ) надати може, ако га она и нїе познавала.

Свакій данЪ ишла є она на очїинЪ гробЪ; и тамо є на зеленомЪ брдашцу предЪ судомЪ кои є пепео очїйнЪ у себи сачуванЪ представляо, клечала; усна їой дрктала, и око їой крозЪ сузе у поля небесна гледаше, изЪ коїи їой у неизброимымЪ капляма спокойство капляше, за кимЪ жедно наше срдце толико гине. И докЪ є тако на крилы молитве свое и благоговѣнїя кЪ небу гледала, а ово предусрѣтне желанїя нѣна, п у растворено нѣно срдце с' свимЪ своима радостима слїесе тако, да їой се чинило, да у шушшаню траве гласЪ облетаюћегЪ очїйногЪ духа чуе. СвѣтЪ савЪ постао їой великимЪ, и црно обвученымЪ жалоснымЪ домомЪ, а єдина соба радости бшо їой гробЪ очїйнЪ, и сЪ нѣга се никадЪ вратила нїе, а да новымЪ мужествомЪ запосна не бы.

У мысли удубљена сѣдьаше єданъ путъ медь' цвѣтовы гробны. Вѣчность сама, чинило їой се, да мимо душе нѣне пролази, звона разбїяюћи, коя су се усудьивала, часе їой куцати, и време опредѣльивати, сЪ гроба да одлази. Подидьу є мрави чисто, и живо нѣно воображеніе представи їой, као да їой пѣсме блажены духова са высоки небеса зуе, и као да душе слободна своя крила подизау, и у неизмѣриме, безконечне дальине успаряваy; сва сунца потамне їой, но опетъ зато не помрачесе, изъ мора свѣтлости, надъ коимъ є божество летило, сливалесусе цѣле струе свѣтлости крозъ сву вселенну. И тако їой бы, као да є пріятельскій некій и осмеиваюћій се ангьео за руку уваши, и свезе нѣны крила одрешившій, кЪ веселећимсе ятама повуче, и у обетія оца нѣногъ одведе, обетія, коя ню тврдо загрле, и благослове. — „О! то є мой, мой ангьео!“ повикне їошт' прекраснымъсвоимъ сномъ забављена; но у истый ма удье крозъ врата высок' нѣкій човекъ у гроблѣ. Но човекъ тай ніе нѣнъ ангьео быо; сЪ ньимъ є другїй опетъ ишао, намргодьенъ и страшанъ, сЪ игрыженымъ уснама, и сЪ малым', разрокимъ очима — а сЪ таквыма ніе могуће, ангьели да долазе. Ніе

нѣнъ

нѣнъ ангьео бьо, ибо кадъ їой се приближїо, а она види, да є то *Воинъ Обреновићъ*, кои є пре неколико дана у градъ Ягодину дошао, и Владимїровиће подкрѣпїо. Съ ньимъ є Гойко Углѣшићь сада ишао, онай истый, што є оца нѣногъ уморїо. Овай прешапће шаки Обреновићу, да є то кћи Милоша Благоевића. Опетъ зато загледасе *Обреновићъ* нашъ дуго у ню, чудећисе онаквой лѣпоти, као да є ктео рећи: „ О! зашто Те є дѣвойко! сама природа моїомъ непрїятельицомъ учинила? зашто ли ми она неда, да Ти чувствованїя изразимъ, коя Ти є срдце мое ктело, овай часъ да изрази? “ . . .

Съ очима къ земльи спуштеным’ проуи съ Гойкомъ мимо нѣ. У истый часъ испадне му *ружица*, кою є у руку имао, на землю, и падне предъ *Даницу* саму. Врло радо бьо бы лѣпу ту ружицу подигао, но бояосе, да ће се прекрасной своїой непрїятельицы врло приближити, ако се сагне, и испредъ нѣны ногу ружицу дигне, и тако мораде се съ тимъ задовольити, да є више не има. *Даница*, са сваким прїятельски поступаюћи, и за мрзость не знаюћи, сагнесе, и ружицу подигне, но шиљакъ єданъ на ньой убоде є у прстъ, и про-

 крвави

крави га: и опетъ она ню узме, и съ небеснымъ осмеиванѣмъ, изъ когъ є Обреновиѣь доброту и цѣломудріе нѣно видіо, даде му є, и ово му рекне.

„ Ево Ти опетъ Твогъ бѣгунца! “

Обреновиѣь узме ружицу, и поклони іой се; но тек' што є узме, и окрвавлѣну види, а онъ препрне, и повикне: „ Шта Ти є Даницо! крвь Ти иде? “

Даница. „ Само изъ прста, то ніе ништа. Но кадъ Обреновиѣу! изъ срдца иде, онда є зло! “

Обреновиѣь се смепе овымъ рѣчима яко, и не знаде, шта да чини, шта ли да іой рекне. Да іой каже, да и онъ о убійству оца нѣногъ зна? Или да с' претвори, да іошт' ништа о томъ не зна? Ово му се вечма допадне, и рекне іой: „ млада дѣвойка, као што си Ты, не б' требало, тако да говори; Шта Ти є ранило срдце Твое так' дубоко? “

Даница уздане изъ дубльине прсію, сузе іой низъ образе полете, и падне на гробъ очійнъ и рукама га, као любезника свога, обуваши. Особито и чудно чувствованіе подузме сада *Обреновиѣа*, и тако му се чинило, као да га є волшебство какво къ мѣсту томе пригвоздило. *Гойко*

по.

погледаше медьу шимЪ на Даницу посмеятелнымЪ устима, и погледы малопочитанїя, и найвећегЪ презрѣнїя: зато и Обреновића, кои у чувствованїю плываше, за раме дрпне, далѣ да иду. *Обреновићь*, ни рѣчи му не проговорившїй, отиде далѣ, но у срдцу му се жице, дирнуте, задрктавау. И после нѣколико магновенїя рекне Обреновићь: „Ако и есть племену нашемЪ полезно, што є МилошЪ Благоевићь убїенЪ, опетЪ зато нїе оваква кћи заслужила, оца да изгуби; и да самь я убійца нѣговЪ быо, то бы ми ножЪ, како бы на ню помыслїо, изЪ руке испао быо.“

Гойко. „ЗарЪ зато, што Ти є ружицу подигла? ЗарЪ Ти се зато толикогЪ почитанїя достойна чини?“

Обреновићь. „НикадЪ не треба гледати, колика є услуга учинѣна; но єсил' видїо чувствованїя, коима є при даваню ружице ми говорила? Даница є мене познала, она ми и именомЪ моимЪ проговорила, та мора знати, да су Обреновићи найвећїи непрїятельи Благоевића. И опетЪ зато —“

Гойко. „И опетЪ зато є она лакомыслена, као што су и све жене, и све ће за тилый часакЪ заборавити, и —

О-

Обреновићь. „О не говори тако Гойко! — У ономъ срцу, кое Ты тако мало чествуешь, има више чисте доброте, и невиности, него што самь икадъ' іошт' видіо. А како се осмеивала, кадъ ми є ружицу давала! Заиста, нећу осмеиваня оногъ до последнћгъ могъ часа заборавити! Што є та Благоевићка Владиміровићу єдномъ учинила, то не бы ни єдна Владиміровићка Благоевићу коме учинила!“

Гойко трудьашесе непрестанно, да заслугу *Даничійну* умали: но *Обреновићь* браніо є єднако, док' найпосле Гойко огорченъ другій разговоръ не поведе; у кои се Обреновићь истина упустіо, но не заборављаюћи, шта є на гроблю видіо. Ружица, коя є свему томе причина была, постала му є садъ мила и драга; одъ найманћгъ повредьенія чувао є, и у собу свою оставіо.

Даница є особито чувствованіе у *Обреновићу* произвела: нит' є могуће, да є друго было, но само страопочитаніе, састраданіемъ ублажено. Као светыня нћка чинила му се; но иста та светыня имала є съ нещастіемъ боритисе; и стрпљивость нћна заразила є срдце, кое є почитоваше, удивленіемъ, и сучаствованћмъ. *Обреновићь* є было непріятель свію Благоевића,

но

но нїе ни єднога одъ ньи мрзїо. Нѣга є уякъ нѣговъ, Епїскопъ *Мелентїе*, учїо и успитао: и нїе пропустїо, да срцу нѣговомъ любавь ону улїе, кою му є вѣроисповѣданїе, чїи є учитель онъ быо, проповѣдало. Више їошт' одъ свїю поученїя нѣговы и опоминанїя дѣйсвовао є у младогъ Обреновића самъ Мелентїевъ животъ, онъ є уяка своґъ, найблагодѣтелнїегъ човека на свѣту, одвекь любїо, као човека, ком' є добродѣтель єдино притежанїе была, и кои є велику, но рѣдку вѣштину имао, да нѣжну душу свезама повѣритељногъ и чувствителногъ пріятельства руководи. У одѣло чистогъ човеколюбія обученъ, съ прекрасномъ простотомъ срца, и съ страстима са свимъ помирившїйсе изишао є *Обреновикь* одъ уяка свога у свѣтъ; и ученїя уйчева быласу тако тврдо основана, да їй наговараня други нѣговы сродника ни подъ кои начинъ разорити могла нису. Природа, коя га є къ ньима пригвождьавала, и сама корыстъ изискивала є, да Владимїровићима страну држи, но лукавство, коимъ су се ови противъ своїи непріятеля послуживали, было му є са свимъ противно. И све, што є противъ Благоевића предузымао, было є то, што се нїе съ ньима мѣшао.

Нит'

Нит' є могао преко срца превалити, да на ньи удари: само се одЪ ньи браніо. Гдикои одЪ нѣговы єдноплеменика называлису то слабосћу, и мыслилису, да се никадЪ на нѣга ослонити не могу: но често се то сбыва, да срце, кое добру и благу слѣдуе, и вѣрно слѣдуе, тако несрећно єсть, да га за нечувствително ил' за слабо држе.

И зато ніе ни чудо было, што є умилность и пріятность Даничїйна у срце Обреновићево толико впечатлѣнія учинило. *Обреновићь* є врло мало сЪ ньоме говорїо, а толико є имао, сЪ ньомЪ да говори. Свакїй нѣговЪ погледЪ, и свако нѣгово чувство управлѣно є было кЪ Даницы, коя є и са своімЪ своїомЪ тїомЪ смиренносћу као существо какво изЪ свѣтлїи предѣла зраке бацала. ОнЪ науми найпосле, да є, и да бы га БогЪ зна шта стало, потражи, и участїе, кое онЪ у судбини нѣной има, простодушно їой исповѣди. А гди є боля прилика томе была, но на тїомЪ гроблю, на кое є она, као што є онЪ дознао, посведневно ишла.

Таки сутраданЪ отиде на нѣга. Но нѣ ніе їошпе тамо было, онЪ є чекаше, док' годь недодье, а медьу тимЪ одаше медь' гробовы. Найпосле єто ти и нѣ. Но онЪ

се

се сакрые иза дрва, коя предъ омаовлѣнымъ зидомъ старе нѣке цркве стояу. *Даница* приближисе гробу, задуго на нѣга погледи, и жалосћу већь измученъ образъ на ладный мраморный судъ наслони, а за тимъ склоплѣне руке подигне, и осуженый погледъ къ удалѣнымъ высинама пошлѣ, гди по стазама незаборавленя душе мртвы шествую. Усне їой задркћу, и она отвори кошаричицу єдну, метне є предасе, и вѣнацъ одъ бѣлы ружица извуче, и около суда оногъ оплете; „О оче! говораше сирота, срдце смртны може само такве жертве да приноси, кое исчезаваю. Цвећке ово увенуће, и сузама, кое видишь, гди на нѣга спадаю, неће ни трага ни гласа быти. Но, што я къ Теби чувствуемъ, то неће никадъ исчезнути, що ће дуси некадъ Теби у оне струе радости однети, у коима миръ царствуе. О! само єданъ знакъ дай ми, да ме видишь, и да ме любишь, и да дѣтинску мою жертву прїймашь!“

„О прїйма! прїйма Даницо! рекне їой *Обреновићь*, иза дрва оны излазећи. Кажи ми, молимъ Те, шта чувствуешь у то магновенїе, кадъ дѣтинско Твое срце любезноме оцу одкрывашь, и найдубљѣ нѣгове наборе растварашь?

Даница. „ Онда ме таква радость разиграва, кою ми осталый свѣтъ никако дати не може. “

Обренов. „ Ево Ти Данице! оца Твога близу! дуси облетаю єданъ около другогъ. Неговоре они єданъ другомъ, не лете они крозъ отворена чувства єданъ другоме, већь се непосредственно єданъ другогъ дотичу, и гроза чувствованія узглашуюћы єсу поздрави, коимъ єданъ другогъ грле, и коимъ се єданъ одъ другога расстаю. “

Дан: „ Тако ми говоришь Обреновићу! као што црно и жалосно' срдце жели. “

Обрен: „ Говоримъ оно, што за истину признаемъ. “

Дан: „ Благодаримъ Те за то утѣшаванѣ. И я ћу га за истину држати, као што га и Ты држишь, и кадъ другїй путъ веселїя и ведрїя съ овогъ мѣста отидемъ, онда ћу се Тебе и овогъ разговора опоменути. “

Обрен: „ Тако ћу и я више причина имати, да у тїомъ страопочитанїю срце любимъ, кое ми се тако добро и тако благо показало.

Дан:

Дан: „ Чини ми се, ако Те добро разумѣвамъ, да се мени само подсмѣваш, а то Ти Обреновићу, нимало ни пристои. “

Обрен: „ Я се Теби подсмѣвати? “

Дан: „ Да како бы могао єданъ одъ Владимїровићеве стране съ Благоевићкомъ тако говорити, као што Ты самномъ говоришь? “

Обрен: „ А заръ су срца свїю, кои Владимїровићима привржени єсу, тако покварена, да ни єдногъ медьу ньима не има, кои бы у противницыма своима оно чествовао, што добро и благо єстъ? — Но окаяна рука єдногъ одъ Владимїровића убила є Теби оца: и Ты имашь свако право, да на све ньи, у єдноме, мрзишь. “

Дан: „ Я да мрзимъ? И самомъ убїйцы оца мога опроспила самь. Мужу се само пристои, да сузе свое мачемъ освећуе; а жена? — Жена треба, све стрпѣльиво да сноси, и да праштa, а при томъ на єдиногъ Бога упованїе да има. “

Обрен: „ О прекрасна душо! коя си гласъ природе тако право саслушала, како си достойна сваке любве! — О чувай то срце! кое са свимъ свѣтомъ у миру живи, чувай га, и недай, да у бѣдама клоне, коима Ти овай грози! “

За

За тимъ рѣчима узме є за руку, и рекне їой: „ Прекрасно существо! никадъ Ти нисамь непрїятелѣмъ быо, нитъ самь ичїи непрїятель, као што ни сама ниси: само оногъ гонимъ, кои невиность удручава, и уши свое одъ тужба нѣны затвора. “

Дан: „ Обреновиѣи су увѣкъ добри люди были, и Ты морашь добаръ быти. Я почитуемъ Твою добродѣтель. “

Обрен: „ Но ладна она немарность єдногъ за другогъ о Даницо! немарность, с’ коїомъ посреди браће наше стоимо, и гледамо, шта само раде, и она нечувствителность медьу нама престала є веће измедь’ мене и Тебе Даницо! Два дана довольна су была, да ме найскреннїимъ Твоимъ прїятелѣмъ и почитателѣмъ учине. “

Дан: „ Гледай добро! да Те кои одъ Владимїровиѣа не чуе. Невѣруемъ, да бы Ти чувствованїя таква добро прїймили. “

Обрен; „ Нека їй, некъ чую! свакоме ћу у очи рећи, да є нечовекъ, ако оваква чувствованїя гази. — Даницо! не одбацуй почитанїя, кое изъ срдца, Тебе и Твою велику душу познаваюћегъ, и добротомъ Твоїомъ тронутогъ, происпиче! Чувствованїя моя єсу чиста, као роса, и вѣковѣчна, као знанѣ, да Ти їй приносимъ. “

Дан:

Дан: Умиланъ поклонъ! умиланъ цвѣтъ у врту младости! Но я га нећу узабрати! Заиста Обреновићу! нећу ружице узабрати, кою си у Твомъ врту одрааніо! “

Обрен: „ Свирѣпа! єл’ могуће, да толико доброте и толико гордости у єдной и истой груди заедно живи. “

Дан: Нїе то гордость Обреновићу! већь само найтопліе участїе у Твомъ стаю. Твое бодро и чувствително срце задало ми є садъ рѣчь, кою ћешь та пре, та после натрагъ узети: таква су обстоятелства Твоя. Корыстъ Твогъ племена, да, и Твоя собственна, мораће Те натерати, да непрїятелѣмъ оне постанешь, коїой си се итро заклео, да ћешь їой прїятелѣмъ быти. Ты ћешь посреди издае съ єдне, а гоненїя съ друге стране, стояти, а я не бы рада была, да се тимъ страшилама, мене ради, излажешь. —

Обрен: Што мужь Даницо! обећа, томе треба и мужество да има, да обећанѣ и испуни, и да се савъ адъ на нѣга оружа! — Небойсе! Я самь Теби прїятелѣмъ постао, и тешко ономъ, кои бы ме принудити ктео, да Те икадъ изневѣримъ, или кои бы се усудїо, Тебе какогодь увредити! — Пепеломъ оца Твога, благосћу срце Твога,

и свиме, што є и мени и Теби драго, за-
клинѣмЪ Ти се Даницо! да ћу овай ножЪ
на свакога истргнути, кои се усуди, єдино
само право увредити, кое Твоїой слабости,
Твоїой лѣпоти, Твоїой невиности и Тво-
їой доброти пристои! “

Заблистасе ножЪ, кои при тимЪ рѣ-
чима иза пояса истргне, на зрацыма зао-
дѣћегЪ сунца. У истый часЪ зашушти
нешто у трави. И младићь некїй стаса
высока и благородна брзо притрчи, очи
му закрвавиле. То є *Младеновићь*, та-
кодье єданЪ одЪ одмѣнніи Благоенића, и
родьакЪ ДаничїйнЪ, быо. ИзЪ далека є О-
бреновића видїо, гди кодЪ нѣ стои, и гди
ножЪ иза пояса истрже: устрашисе, и по-
мысли, да є ножЪ на Даницу потргао. Раз-
яренЪ истргне мачЪ свой изЪ корица, очи
му закрвавлѣне и мутне быяу, ни дысати
веће неможе, єзыкЪ му заплетати стане, и
єдва, кЪ Обреновићу долетившїй, рећи му
може: „ Проклетый Обреновићу! зарЪ є у
ВасЪ Владимїровића обычай, да и дѣвой-
ке убїяте? — Вуцы мачЪ свой, садЪ ће
Ти се смрћи! —

Спокойно и ладно бацы ножЪ *Обре-
новићь* на землю, и счепа мачЪ свой. Ши-
рокн мачеви почну єданЪ о другогЪ цака-

ши

ти, одзывъ свакогъ удара чусе. *Даница* стане їй молити, да престану; но ни єданъ одъ ньи не чу є, *Младеновића* ярость запушила му уши, и мышицу напрезала: и тако є изванъ себе бьо, да є противнику своме єдно мѣсто за другимъ одкрывао, гди да га удара: кое овай и учини. Веће му є крвь изъ руке текла, но онъ є ни осетїо нїе; крвь? — ню видећи сгрозисе *Даница*, и онесвѣстисе. Са тимъ полети управъ у среду ньи, на мачеве, кое їой се надъ главомъ вїяу, и не пазећи — лако є смртна, противнику задатисе имѣвша, рана ньой задатисе могла, лако є сама мртва остати могла! Но борцы, ню медьу собомъ упазивши, престану одъ борбе, и укоченымъ очима на ню погледати ста-ну. „ Мене! мене, повикне она изванъ себе, убїйте! ако мачеви Ваши жертве неодложно потребую. “ — Оба борца спусте мачеве къ земльи, *Даница* опетъ къ себи додье, и Младеновићу на срце съ овымъ рѣчима полети: „ Любавь Твою къ мени познаемъ Младеновићу! Но оћешь убїйцомъ мужа да постанешь, кои се чистотомъ срца свога, одъ свїю своїи єднопломенника у свему разликуе, кои є ножъ свой зато само истргао бьо, да ми се закуне, да ће ме увѣкъ

бра-

браниши, и кои є пріятель свію добры, шако и Твой! — А Ты Обреновићу! — окренувшійсе кЪ нѣму опрости му ярость, кЪ коіой га є попеченіе о момЪ щастію и о момЪ животу подражило! “

За тимЪ подигне очи своекЪ небу и рекне: „ О душе оца мога, садЪ ми сидьи амо! садЪ дай крѣпосшь моимЪ рѣчима, да струя ньина одбой (Datm) пробіе, кои сшаро непріятельсшво у срцима ове двоице човеколюбію прошивполаже! — Два шако благородна мужа, окренувшисе опетЪ кЪ Обреновићу и Младеновићу, небы требало, мачеве да носе, єданЪ другогЪ да даве, већь у бѣдама єданЪ другогЪ да бране! Требало бы пріятельи єданЪ другомЪ да буду, природа сама опредѣлила їй є кЪ томе. “ ТоимЪ молећимЪ и чувсшвишелнымЪ гласомЪ рекне, и руке ньине сасшави.

„ Шшо є шо? шша быва самномЪ? “ рекне свакій одЪ ньи двоице. ЧасЪ єданЪ у другогЪ, а часЪ у Даницу погледау, и руке, єдна у другу вложене, нису се више расшавиле. *Обреновићь* првый желю іой испуни, и предье кЪ Младеновићу: храбрый Младеновићу! зашшо да се не любимо, зашшо л’ пріятельски да не живимо. НекЪ се мрзи, когодЪ оће, будимо мы єданЪ другомЪ пріятельи! “ И сЪ шимЪ рѣчима

падне Младеновићу на груди. Душе њине загрлесе, као што су се и тѣла загрлила; помиреніе скопча свезе пріятельства из. медь' њи обое яко. Даницу продье милина, кое никадъ дотле чувствовала ніе. И за знакъ заключеногъ пріятелства измѣне обоица свое мачеве.

У груди Обреновићевой сбыласе особита промѣна. И тако му є было, као да є у нѣму у єданъ ма сунце изъ облачка огрануло, кое є све огреяло, и ясанъ свѣтъ на нѣга бацыло. Име Даничійно стояло є у нѣму непрестано дубоко написано. У вображенію нѣговомъ стояо є стасъ нѣнъ у величеству неизреченомъ єднако. Као да се иза дугогъ сна садъ пробудіо, тако му є животъ нѣговъ на ново преображенъ, и као изъ мрака некаквогъ истргнутъ био. Срећанъ, срећанъ и блаженъ, чиніосе самъ себи, да є у ти сновы; и мысао о вечіимъ радостима, кое бы у напредакъ за нѣга проникши могле, забавляла га є непрестано, и преиспунявала му и душу и срце найумилнііимъ начиномъ.

Но са свимъ другчіе было є Даницы. Она є Обреновића младогъ зайста высокопочитовала, и съ найвечіимъ увеселеніемъ свега, што се на гроблю случило, опомињала

няла се. Но спомен҃ъ свега тога быо є свё, шпо се у ньой сбывало. Срећни люди само усудьуюсе, надапшсе, а несрећне неоспавля стра никада. Ели могла она, од҃ъ свїю оставлћна, а од҃ъ судбине шако гонћна, и помыслиши, да бы се єдан҃ъ од҃ъ Обреновића, а шако од҃ъ стране Владимїровића, у ню загледао? Мило їой было, кад҃ъ бы се сешила, да є посшуп҃ъ нћн҃ъ нћму прїянан҃ъ быо, но о любви нћговой к҃ъ себи нїе ни толико саняла, да се на сама помысао о могућпву нћном҃ъ у ньой порадьала нїе. Маши нћна науми, да у село оближнћ изидьу, и у кући своїой, кою шамо имадьау, лћпы пребуду. *Данница* се нїе шоме нимало пропивила; єл' могуће, да бы се шоме склонила, да є о любви к҃ъ младом҃ъ Обреновићу шпо мыслила? И после неколико дана већь пражаше є овай у Ягодини, но нигди є наћи не може.

Замршене однике живопа човечїя озарява често небесна луча, и гласови пуге дружесе с҃ъ найумилнїимъ пѣсмама: звѣзде щастїя спадаю на землю, и покрываю свѣтлосћу своїом҃ъ колибе смрпны; и люди поспаю ангьели, кои нас҃ъ прїяшелски за руку ваптаю, и спраданїя на земльи опрашпаю. Такав҃ъ ангьео была є Даница. Ра-

но

но у ютру подье она єданъ путъ по поляма проодашисе, коя около села, у комъ она пребываше, стое; на подножію планине надье старца некогъ, гди у крви плыва. Чесна му и сѣда глава сва прашна бьія, и мачъ му сломїенъ покрай нѣга на земльи лежаше. Крчећи пружи къ ньой руку, и рекне їой: „Помози! помози непозната младо! — Разбойницы су ме ноћась до овогъ довели! — слуге мое изневѣрише ме!“ —

Устрашена *Даница* отрчи на ньиве, и сазове селяне, да сиромаа старца у нѣну кућу однесу. Тамо му сама постелю постави, и ране превіе. Сама га є неговала, сама по сву ноћь кодъ нѣга пребдила. Люта грозница одъ пешки рана нападне га, и сама несвѣсть наидье га тако, да се ни надали нису, да ће икадъ оздравити, и да бы се онъ самъ їоштъ манѣ надао, да є знао, у чїи се руку налази. *Данца* дозна кое изъ различны писама, коя є кодъ нѣга нашла, а кое изъ самогъ нѣговогъ у огнюшшини грозничной бунцаня, да онъ къ страни Владимїровића принадлежи, и да є єданъ одъ найвећіи непрїятеля дома нѣногъ. За неколико дана пакъ излѣчи га Лѣкарь; одъ Данице дозванъ, одъ врућичине, и сама слабость у удовы му остане;

не; већъ се и освѣсти, и кадъ се толико опорави, да се надати могао, да ће са свимъ оздравити, а онъ любведостойной своїой негальки Даницы сь топлымъ сузама благодарности искаже, да є онъ старый Обреновићь, отацъ Воиновъ: „ о! говораше їой, да мой Воинъ зна, у какву самь бѣду я пао, на крилы любве сыновне долетїо бы къ мени, и у обетїямъ нѣговыма оздравїо бы я са свимъ. “

„ И та желя испуниће Ти се оче!“ одговори му *Даница* весело, и пошлѣ таки єдногъ одъ своїи слугу по Воина, да га у кућу нѣну у селу томъ позове.

Воинъ додье на позыванїе нѣно. *Даница* му є єдина мысао цѣлымъ путемъ была, ону ноћь и снїо є о ньой: цѣлымъ путемъ мыслїо є, да га она изъ саме любве къ себи зове: у сладкомъ очекиваню найвећегъ благополучїя на свѣту куцало му є срце већма; и чувства нѣгова нит' су залѣпоту поля на путу, нит' за тегобу путованя по каменю, гдигди са планине свалѣномъ, знала. По свой дубльини душе одзывалесу му рѣчи: „Та! Даница ме люби! люби! — мене самогъ люби! “ Приспѣ у кућу, и она изидье предъ нѣга; онъ савъ усплаиренъ, весео, устрашенъ, у найвећой

надеж-

надежди, у найвећемъ очекиваню. *Даница* га за руку уваши, у собу єдну уведе, и къ постельи сѣда болесника одведе, болесника, кои отацъ нѣговъ быя, и кога є рука Даничїйна у болести неговала. „О сыне! викне болесникъ, и пружи слабе и дркшаюће руке къ нѣму, о сыне! о єдиный сыне Воине!“ „О оче! оче!“ повикне *Воинъ*, и у чувствованїю радости на постелю и на преи му падне.

Нѣме сузе радости старогъ Обреновића преузношаваху блаженство, у комъ му срце плываше. „О мила! о добра ћерко! рекне Даницы, Ты си ми ангьео, кои си ме смрши избавїо! Твоя доброта, Твоя почителность, Твоя стрпльивость, о Тво — Твоя благородна душа лебдила є надамномъ, Твое сузе орошавалесу мое старо лице, оне су ме увѣкъ, кадъ бы се у лютой тресавицы занео, у животъ повраћале, ова рука, — увативши є за десницу — завїяла ми є дубоке ране, кое ми є злоба човечїя задала, она ме є, ладнымъ зноемъ посутога, отирала, она, о она! — Ты си ми ћерко! и найвећу радость, коя се човеку учинити може, са шимъ показала, шта си ми єдинца могъ дозвала, да га їошть єданъ путъ пре издыса-

дысана мога видимЪ: какО се топи срдце мое у блаженству, нѣга предамномЪ видећи, нѣга, кои ми є зѣница ока мога, зѣница ока, и подпора старости мое! Ты си ћерко! Ты сама, Ты си све то учинила!“

Воинъ Обреновичь речи оца свога слушаюћи савЪ престрнуо бяше. *Даница* се у сузама утопляваше; старца гледаюћи, усне їой заиграваy, но ни рѣчи проговорити не може, благородна нѣна душа ніе благодарности за дѣло свое зактевала, чувствителна само плакала є одЪ радости, и сама нѣна радость састояла є у томЪ. што є старца здрава видила, здрава одЪ онаквы рана, нѣнымЪ рукама, нѣномЪ помоћу.

Воинъ Обреновићъ утопившійсе у чувствованіе благодарности, и у удивлявање прекрасна Даничійна срца, приступи кЪ ньой у изумленію, и рекне їой: єл' могуће, о Даницо! єл' могуће, да си све то Ты учинила? Но Ты си, Ты, и никоя друга, срдце мое само ми казуе, да Ты то быти морашь, коя си оца мога излѣчила, она иста, коя си мене, сына нѣговога, благородствомЪ и величиномЪ душе плѣнила. О Даницо! был' и коя то учинила? был' и коя тогЪ човеколюбногЪ срца была,

да

да и непрїятелю свомЪ тако помогне, као што си Ты помогла? Былъ самь я заклетомЪ момЪ непрїятелю то учинїо? Былъ се я самЪ несрећника кога, а кои бы мой непрїятель быо, смиловао? Не знамЪ, не знамЪ, былъ као мужЪ великодушнїи одЪ дѣвице Тебе быо: слабо є срце мужа свакогЪ, кадЪ га мрзость залудьую. У женско є срце сама природа већу благость положила, ньи є млого мекше одЪ насЪ сама она створила, да бы мрзость мужевлю искоренявале, и у страданїяма човечїимЪ участвовале. Жена се смилява свакогЪ страдаоца, а мужЪ пыта га найпре ладно, како му є име, пре него га се смилуе. — Ни све жене нису Теби єднаке, ни оне све не разумѣваю природе, и тысућа стварїй има, кое имЪ прси ньине отврдьую, тако, да тудьи болѣзнїй нимало не чувствую. Но Ты, Ты ме садЪ и сЪ овыма примиривашь, у Тебе удивлявамЪ огледало нѣжности; у Теби є све оно осуществено, што су гдикои за паучину немогућства држали. Да! Даницо! све Твое сестре преба, Теби равне да буду, ако желе, да їй и у напредакЪ мужеви любе. Срца наша предаюсе свакой жени безЪ свакогЪ противленїя, у коїой Твое срце куца, у коїой Твоя душа обыта-

ва;

ва; а укланясе одъ сваке съ презрѣнїемъ, коя се на природу оружа, и коя спазама иде, кое їой прописане нису.'"

Све Те Воинове рѣчи неможе старый Обреновићь ни найманѣ да разумѣ. Но *Воинъ*, недоумляванѣ и удивленїе нѣгово опазившїй, окренесе къ нѣму, и рекне му: „ ово є оче! Даница Благоевићка, кћи сварогъ Милоша, когъ є Гойко убїо; она є причина, ше си Ты оздравїо, ше си и садъ живъ! Даница Благоевићка оче!" Отацъ, зачудившїйсе, да; управо реѣи, и устрашившїйсе, скочи са постелѣ, но пре нег' што проговорити може, а наполю вику чую, коя се све то већма приближиваше. У єданъ путъ се врата собна отворе, и дванайсть оружаны людїй унутра удьу, сви дванайсть родьацы Даничїйни. Мачеви су имъ голи были, у очима имъ гнѣвъ и ярость пламћаше.

„ Обреновићу! продересе єданъ, къ старцу окренувшїйсе, у зао часъ дошаоси у Ягодину. Неизброена су гоненїя, коя су Благоевићи и ньини привржениць одъ Владимїровића и одъ ньины другова одъ толнкогъ времена подносили, и кровь Милоша Благоевића, кою є окаяна Гойкова рука пролила,

лила, вопила є на небо, и искала є осветe. СадЪ — садЪ є осветy добыла! Сви Владимiровићи до єдногЪ упропаштени су, кои повапани, а кое убїени и разбѣглисе, и Гойко, убїйца МилошевЪ, прїймїо є вѣчь заслужену награду. И Ты намЪ їошт' остаешь; айде за нама; и у тамницы чекай, шта ћемо сЪ ТобомЪ чинити! Ты си одЪ стране Владимiровића, и Ты треба да погинешь, онда ће тек' сѣме ньино утамањено быти. "

Оба *Обреновића* устрашена гледау укоченым' очима у землю, и мышляу, шпа садЪ да раде. Но *Даница* мужествено медьу ньи стане, и повикне: „Не тако браћо! не! Почитуйте увѣкЪ нещастїе, и права гостолюбїя треба увѣкЪ света да ВамЪ буду! Ваше праве непрїятелѣ побѣдилисте. А чега бы се имали бояти одЪ слабога овогЪ старца, и одЪ младића, кои и медь' Вама прїятеля има, и кои на ВасЪ не мрзи? "

„ Змїйни породи єсу Владимiровићи, и ньини другови, одговори єданЪ одЪ найстарїи Благоевића, треба све до єдногЪ да їй искоренимо! "

„ *Даница.* Животомъ моимъ заклинѣмъ Вамъ се, да Вамъ ова обоица нимало пагубна нису! “

Но Благоевићи на то и неслушаюћи опремашисе почну, да оба Обреновића свежу. *Даница* стане посреди ньи, и недаде кЪ Обреновићима ни приступити: стане ïй молити и преклињати, сузе ронећи, да бы само умѣрени у щастїю своме были. Све редомъ почне ïй грлити, и нечувствителне любити полюбцыма єднымъ за другимъ: свиме, што имъ найсвеће на свѣту єсть, почне ïй преклињати, да бы само стѣновита ньина срца тронула. Но све всуе! Благоевићи яросћу и гнѣвомъ заражени и не чуяу, шта имъ она говори, и несосећау, како имъ запламенѣне образе любляше. Сирота Даница! какве муке ніе садъ претрпила? Єдино срце само тронуло є са свимъ, срце младогъ *Обреновића* Само мужество пламтило є изъ нѣговы очїю, шїо узме Даницу за руку, и полако одвуче є одъ Благоевића говорећи: „ иди! о иди Данице! одавде: остави насъ, и предай насъ нашой судбини. Ако и будемо укоренѣной взаимной мрзости на жертву принешени, опетъ ће насъ помысао утѣшити, да є медь' Благоевићи *єдна* душа была, коя є човечески

чув-

чувствовала; и Твой образъ Данице! бићe увѣкъ около мене, и претвориће ми тамницу у самый рай!“

Изъ сузна Даничїйна ока сѣваше пламень мужества, великодушїя и пожертвованїя: србска нѣна грудь стане надыматисе, србско срце све силнїе куцати. „Тебе да издамъ?“ упыта Воина Обреновића, Тебе и Твогъ оца овыма да предамъ? О свирѣпи! — окренесе къ Благоевићима — Я самь старца овогъ у кућу мою прїймила, гди га жедь Ваша за убїйствомъ тражи; я самь младића овогъ къ смртномъ одру гинућега и издышућегъ оца дозвала! Не могу їй одъ Васъ избавити, не могу, но опетъ ми єдно остае, кое ми Вы препетити не можете, могу съ ньима — съ ньим' за єдно умрети! по момъ мртвомъ тѣлу мораћете найпре прећи, докле до ньи дођете, по нѣм' прећи, докле ньи свладате.“

И мужествено стане измедь' мачева ньины: „удрите! сѣц'те! сѣц'те, кои србску грудь не почитуе, сѣц'те, ево Вамъ се сама подмећемъ, сѣц'те, велимъ, србску грудь, коя госполюбїе толико почитуе, да се воле са госпима жертвовати, нег' светыню нѣгову и предъ Богомъ и предъ родомъ обезчестити! Боди мачу! Србкиню,

боди жену, чія трудь люде кодъ себе удомлѣне, брани! Смрть ће ми одъ руку Вашы премила быти, премила велимъ, съ утѣшенїемъ ћу умрети, да самь прву добродѣтель србскогъ рода, добродѣтель гостолюбїя, а жена само, животомъ своимъ искупила. " Благоевићи стояу укочени, незнаюћи, шта да раде. Но у истый ма отвореше врата, и *Младеновићь* успланренъ у собу утрчи: „Шта є то, да одъ Бога надьете? повикне на ньи, ово мѣсто свето є, и тешко ономъ, кои се усуди, злодѣянїемъ каквымъ обезчестити га!"

„ Но у нѣму су сакрывена два наша непрїятеля, одговори му єданъ одъ Благоевића, освета їй є садъ достигла, па заръ — "

„ Неблагодариый! пресѣче му *Младеновићь* бесѣду, а кое за Васъ бдїо, ко се за Васъ старао? — Нисамь ли я быо, кои самь све уредїо, како предпрїятїе наше къ концу да приведемо? Нисамь ли га я руководїо? Ни самь ли га я и къ концу привео? — Я самь и иманѣ мое, да, и животъ мой за Васъ жертвовао, и Вы заръ и єдину награду сада да ми одузмете, кою за труде мое и подвиге одъ Васъ закгевамъ? " —

Сви

Сви на рѣчи Младеновићеве мукомъ умукну.

„ Тако знайте, продужи далѣ, Обреновићь ніе се у гоненія Владимїровића противъ насъ нимало мѣшао. А Воинъ Обреновићь заклеосе, то самь моимъ ушима чуо, Даницы нашой, да ће є одъ сваке бѣде и напасти бранити. И ако Вамъ то їоштъ доста ніе, а оно знайте, Воинъ є мой пріятель. Видилисте ме, како самь неумытанъ къ непріятельима нашымъ био. Воина изузимамъ изъ реда непріятеля, ибо самь навыкао, невинога одъ грѣшнога одлучаваши. Правда и великодушїе обвезую Васъ, да и Вы момъ примѣру слѣдуете, и да побѣде Ваше бѣснымъ дѣломъ убійства предъ Богомъ неоцрините.“

Слово нѣгово дѣйствуе у све ньи, и сви у гласъ повикну: „ тако їй пуштайте, некъ иду, кудъ имъ драго, иека хвале Благоевиће, како су великодушни, некъ се одъ ньи уче, да нещастіе почитоваши треба, почитоваши, а не їоште већма цвелити.“ Са тимъ изадьу сви изъ собе, а *Младеновићь* османе, и *Воинъ Обреновићь* падне му око враша, и найсилніимъ и найнѣжніимъ израженіяма благодари му. А за тимъ се Даницы приближи: „ а како ћу,

 рек-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

рекне їой, одъ плача радости гушећисе, како ћу Тебе Данице! благодарити? како ћу Теби чувствованія почитанія могъ предложити? Не само, што си права гостобія онако мужествено бранила, веће си ми їоштъ и оца жива одржала, и Младеновића пріятелћмъ ми учинила, кои ме є оцу, кои ме є свћту сачувао. О рецы! рецы! чимъ бы толико благородіе и толико величествіе душе наградити могао? "

Данница. „ Онда само човекъ дужность свою испуныое, кадъ никакве награде за ню не тражи! "

Воинъ: „ Тако є! ономъ, кои другогъ срећнымъ чини, довольна су дћла нћгова. Но ономе, кои е срећнымъ учињењъ, жао є, што никаквогъ пута не може да надье, да срце свое благодћю са свимъ одкрые.—Данице! не одбацуй жертве, кою ћу Ти принети, не одбацуй жертве, коя, ако се Теби недопадне, никакве цћне и никакве важности овогъ свћта не'ма. Не одбацуй — мене самогъ! " —

Данница спусти съ дћвоячкомъ стыдљивосћу очи свое доле, и єдва рћчи ове: „ не знамъ, што окешь? " изговори.

Воинъ. „ О! та то є тако разумително! тако ясно, я бы радъ био, да савъ животъ, и сву вћчность съ тобомъ проведемъ,

демъ, и Тебе обожавамъ, и да свакомъ рѣчи узмогу, ово найвеће благо на свѣту єсть мое, и самъ Богъ дао ми га є! "

Даница у изумленію: „О благородный! о безпорочный Воине! Жертва Твоя єсть ми наймилія, и прїймамъ є, срце Твое прїймамъ, прїймамъ Твое, а даемъ Ти " — СЪ тимъ рѣчма падне му на прси. *Воинъ* є загрли, и полюбцемъ любве првый путь полюби. Старый *Обреновићь* склоплѣнымъ рукама Богу се моляше: „Благослови о Боже! дѣцу мою! "— И благословъ божїй изліесе на ньи двое, и они се узму. Унуцы ньини и потомцы садилису цвѣтъ ружицу, коя є поводъ свему овомъ была, у своемъ врту, и она постане цвѣтомъ племена ньиногъ.

Никадъ незаборави жено! да су доброта и благость Твое благо, и да Ти ништ' одъ свїю дарова природа тако неприличествуе, као доброта и благость. Оне Те чине ангьеломъ 'ранителѣмъ мужева, примирителѣмъ раздвоены срца, и обрадователницомъ Твоїи починателя, кои Ти дотле само вѣрни остаю, докле дарове оне добро чувашь! Тешко Теби, ако Ти се никадъ у врву овогъ свѣта изгубе! —

ЗАВѢТЪ,

ИЛИ

ЖЕРТВА БЕЗПРИМѢРНА

Камїонъ єданъ одъ одмѣнніи трговаца у граду Француз скомъ Марзелю, науми, трећій путъ на море да одлази, и у далнѣ землѣ путуе. Срећа, кою є у два прва пута на мору имао, и коя га є богатымъ трговцемъ учинила, раздражила га є къ томе. Съ младомъ своїомъ и любведостойномъ супругомъ *Шарлотомъ* живїо є у найзадовольнїемъ супружтву, и имао є съ ньомъ два сына, кои су врло добри были, и кои су га у ужитакъ найвеће радости приводили. Како га нїе *Шарлота* молила, да се трећегъ пога путованя мане: задовольна съ жребїемъ своимъ, и съ

онымъ

онымЪ, што има, каже му, да су они доста векь одЪ Бога благословени, и да, добро, што имаю, уредьуюћи їоштЪ гдикомЪ добыту надатисе могу, до когЪ бы и кодЪ куће сѣдећи мирніе и пре доћи могли, нег' на дубокомЪ и широкомЪ мору срећу кушаюћи.

„Истина, любима, добра и нѣжна жено! одговори онЪ, истина, да є тако, но я имамЪ два сына. КадЪ се иманѣ мое медьу ньи подѣли, шта ће свакомЪ доћи? свакій ће само полу тако богатЪ быти, као што имЪ є отацЪ био. Добра Шарлото! мы смо їоште млади, надежде наше нису їоште исчезле, да се Фамілїа наша їошт' и умложити неће. (При шимЪ рѣчима спусти *Шарлота* очи доле, и зарумениисе) А зарЪ не желишь Ты любо моя! да дѣца наша онолико срећна буду, колико у силама смртны людій лежи.“

„А зарЪ само богатство срећа дѣце наше да буде? одговори Шарлота на то. Даймо їй добро воспитати, и научимо їй, да оно, што имаю, и добро употребе, па се нестараймо, найвећма срећныма учинићемо їй онда. Облагороди имЪ срце, облагообрази имЪ разумЪ, и научи їй нашимЪ примѣромЪ, да безЪ млого потреба живи-

ти

ти могу, и она ће у свакомъ станю, у комгодъ по времену буду, срећни люди бы-ши.“

„Тако и я любезна Шарлото! мыслимъ, продужи *Камлїонъ* бесѣду, да, єдина радость, и єдино веселѣ да намъ буде, да се у прекраснымъ шимъ дужностима упркуемо: но како несрећанъ може трговацъ быти? Како се лако, и за кратко време и тысуће изгубити могу! Па не може ли онда оно, што му недостае, да закрпи, а оно му предъ ногама бездна зїяти почне, коя му повѣреніе, и сву честь гута. Любезна моя! у младости треба се старати, и сабирати, младость є време жатве; а старость є зима живота човечїя, она трошши све, што су пролеће и лѣто дала.“

„Добро! а заръ се не умложава иманѣ трговца сваке године, и одъ дана на данъ?“ дода *Шарлота.*

„Не тако, као што Ты мыслишь любезна моя! Када човекъ остари, а оно му сама природа неда, да тако раденъ буде, као што є у младости быо. Онда се човекъ у Богъ зна какве мысли упушта, слабо съ временомъ упоредъ иде, будући да є са свимъ незадоволянъ, и будући да се

свегъ

свегъ прошастогъ съ великимъ воображеніемъ опоминѣ. Онда веће гледа, да у миру живи. И любезна Шарлото! не былъ свакій казни достоянъ био, кои бы удобности свое ради гдикои добышъ пустіо, да му пропадне, а знаюћи, да му се увћкъ прилика и нѣму наћи не може?“

„Заръ ниси іошше бѣда заборавіо, у кое си у прва два пута по мору долазіо?“

„А заръ нисамь увћкъ опетъ срећно и благополучно кући дошао? Не бойсе Шарлото! Кратакъ ће садашньій нашъ растанакъ быти: ведріе ће се после небо на насъ смеяти. Богъ вѣрне наше любве покрываће насъ: скорымъ временомъ видићемо опетъ єдно друго, весели и благополучни.“

Данъ растанка додье. *Камлїонъ* полюби Шарлоту свою и сынове свое растаннымъ полюбцемъ. За ньимъ су сви крозъ плачь викали: „съ Богомъ! съ Богомъ!“

Небо є ведро было. И онъ се надао, да ће добро и срећно путоваши. Но у среди найлѣпше нѣгове надежде удари на бродъ, на комъ є *Камлїонъ* быо, морскій некій разбойникъ, и зароби га. И *Камлїона* прода у *Алгиру* єдномъ одъ

зна-

знаменитїи државны чиновника, именомъ *Санду*.

Сандъ види изъ цѣлогъ Кампїоновогъ поступаня, да онъ мора просвѣћенъ мужъ быти; и тако га почне одъ дана на данъ већма почитовати, одличи га одъ свїю осталы раба, и олакша му жалосну нѣгову судбу свакоякимъ начиномъ. Кадгодь бы на само были, увѣкъ бы *Сандъ* съ Кампїономъ, као съ искреннимъ своимъ другомъ и пріятелѣмъ поступао: кадгодь бы *Сандъ* кудъ ишао, увѣкъ бы *Кампїонъ* съ ньимъ ићи морао; кадгодь не бы *Сандъ* знао, шта у овой или оной ствари да ради, а онъ бы увѣкъ одъ *Кампїона* савѣта искао. И тако му є најпосле *Кампїонъ* нуждань и потребанъ постао, да се човеколюбивомъ *Санду* свакїй часъ изгублѣнъ чинїо, када не бы съ ньиме было.

Кампїонъ є почитовао срце свога благодѣя, и радоваосе млогомъ гдикомъ красномъ характеру нѣгове душе. Но ако и єсть благодѣяніяма преиспунѣнъ у излишїю живїо; опетъ зато недостаяло му є оно, што му є некадъ драго было, и што му є животъ саставляло: духъ нѣговъ было є непрестанно у среди супруге и дѣце нѣгове. И ко-

ли-

ликогодь є на то пазїо, да ни найманьомъ чертомъ лица свога пріятеля своґъ неузнемири, но опетъ зато расло є чезненѣ за своима одъ дана на данъ тако, да му образи поблѣде, и очи потамне; и у самымъ нѣговымъ рѣчима показываласе жалость непрестанно. Нїе ни осећао, да є рабъ Саидовъ: повѣреніе овога къ нѣму было є толико, да ни подъ каквымъ надзираніемъ стояо нїе, и да є самъ себи оставлѣнъ быо. Често му є на умъ долазило, да се ослободи, и желю отеческоґъ своґъ срца удовольи: и мысао та долазила му є свагда, кадгодь бы се по брегу проодао, и на предѣлъ погледао, гди му любезно отечество лежи. Но кадгодь бы на пріятеля своґъ помыслїо, увѣкъ бы се сгрозїо, и увѣкъ бы одъ порока неблагодарности претрнуо. Топле сузе роніо бы онда, и тысућу благослова шиляо бы къ своима

Саидъ є на облику Кампїоновомъ познао, да га особита туга мучи: и почне га терати, да му каже, зашто се толико печали. *Кампїонъ* се свагда изговарао, да му ништа нїе, неотећи нѣга да узнемируе. Но *Саидъ* стане внимателнїе на нѣга пазити, и примѣти, да осмеива-

нѣ

нѣ нѣгово, бодро нѣгово изражаванѣ, и брзо преобраштанѣ разговора, кадЪ бы на неке предмете дошли, више жертва благодарности, негол' непомѣшано чувствованїе пріятельскогЪ и искренногЪ срца єсу: и зато почне га строже, но опетЪ сЪ нѣжнымЪ поштедьенѣмЪ, пытати, што є тако скорбанЪ и печаланЪ.

Камлїонъ не може му вѣкь више противусташи, и падне предЪ нѣга на колѣна. „Господару! проговори му єцаюћи, я самь Теби млого, и врло млого дужанЪ; закте-вай одЪ мене животЪ мой, и я ћу Ти га жертвовати; но не срдисе, што гласа природе више вѣкь устегнути не могу. Я самь супругЪ любведостойне єдне жене, и отацЪ два малолѣтна сына. Умилни ньини образи облећу ме по васЪ данЪ, и ни у самомЪ сну неоставляю ме, кадЪ умор-ностьј очи санльиве ми сведе. А овде у излишїю свакомЪ, кое ми милость Твоя дае, да живимЪ, и раскошно да живимЪ, а мои у скорби и печали дане да проводе? Они мысле, да самь я умрео, и плачу за мномЪ горке сузе, а я ньи да заборавимЪ? О кадЪ бы їй само їошть єданЪ путь, само єданЪ часЪ опетЪ видити, и благословити, и кадЪ бы се као умирућ' сЪ ньи-

ма

ма расташи могао! Онда бы радо и радо жалосну мою судбу заборавїо, радо. “ . . .

„ О сиротый мой пріятелю! пресѣче му *Саидъ* бесѣду, и подигне га, и кЪ прсима своимЪ препише. А єси ли їй о Теби извѣстїо? та могао си прилику имашн.“

„ Како самь могао я о Саиду! оно учинити, што є ТвоимЪ рабима найстроже забранѣно? И ако є срце мое непрестанно и горко тужало, и ако ме є кЪ своима непрестанно вукло, опетЪ зашо уздржавала ме є благодарность, кою самь Теби дужанЪ, да зао примѣрЪ другима недамЪ, и остале рабе не раздражимЪ, да роптаю, и Тебе узнемире. “

„ Добро Кампїону! а Ты пиши у Марзель, я ћу Ти самь писмо тамо оправи. ти? “

„ А нећу ли тимЪ начиномЪ рану позледити, коя ће нову болѣтицу породити?“

„ Я Ти заповѣдамЪ, да Твоима у Марзель пишешь, и явишь, да ће Те после неколико мѣсецїй опетЪ видити! “

„ О Боже! шта чуемЪ! єл’ могуће, то да буде? Ил’ є може быти продрзљиво мое желанѣ найблагороднїегЪ мужа увредило, те є намѣрїо, рѣчима тимЪ чувствителнїе да ме казни, и изЪ блаженства могЪ

опетЪ

опетъ у прошасто мое жалосно рабство низвргне? “

„ Праштамъ Ти, Кампїону! срце Твое познаемъ. Никадъ ніе Саидъ способанъ быо, тако свирѣпымъ да буде. Учисе отудъ мое пріятельство къ Теби цѣнити, што Ти желю Твою испунюемъ. Я осећамъ, и чествуемъ Твою болѣтицу, и я самь отацъ. Да, Ты ћешь све Твое видити. Избери првый бродъ, кои Ти подъ руку додье, и поиши у Марзель. Но ово условїе да ми испунишь. Опредѣли самъ време, я Ти нећу прописывати, кадъ ћешь ми се опетъ натрагъ вратити. “ Загрлившїй га: „ Ахъ! Кампїону! Знашь, како є срце мое Твоме пригвождьено: радо бы Те са свимъ одпустїо, и слободомъ обдарїо: но о зашто мора човекъ човекомъ само да буде! Твомъ срцу оставлямъ о пріятелю! можешь ли повѣренію момъ сотвѣтствовати, или не. “

„ О оћу! оћу добрый Саиде! повѣренія Твогъ достоянъ да будемъ. После шесть мѣсецій вратићусе опетъ у Твою службу. То ти се вѣромъ моїомъ, дужносћу благодарности, и чесћу моїомъ заклинѣмъ! Самртанъ часъ лакъ да ми не

буде,

буде, ако рѣчи мое не одржимъ. Но допусти ми, да Те нѣшто замолимъ! “

„ Штогодь узиштешь Кампіону! све, све ћу Ти дати. “

„ Дозволи ми, да прво мое рабско одѣло съ собомъ понети могу. Служиће ми къ томе, да се свега опоменемъ, шта си ми учиніо, и колико самь Теби дужанъ. “

„ Не само то одѣло! веће узми съ собомъ све, штогодь Ти се допада, штогодь бы Теби полезно было, и супрузи Твоїой и дѣцы радости служило. “

Саидъ се састарао, како ће Кампіону путъ удобнымъ да учини. И найзнаменитїе пасоше прискрби му, да не бы како слобода нѣгова у погибель дошла. При томъ му и млого драгогъ каменя и други скупоцѣнны ствариї за жену и за дѣцу нѣгову даде. — Часъ растанка куцне. *Саидъ* стисне руку Кампїонову, и умукне. Сузе му низъ образъ полете: и дубокъ уздыхъ изъ прсїю му изидье. И *Кампїонъ* є смућенъ бы̏о, и само помысао за отечествомъ могла є болѣзань нѣгову умалити и ублажити.

Кампїонъ є врло срећно путовао, и за врло кратко време приспѣ у Марзель.

И

И науми, да се єдномъ одъ пріятеля своіи сврати, и яви; а овай после жену нѣгову и дѣцу о долазку нѣговомъ да извѣсти, и къ позорію састанка преправи, да имъ не бы како нечаянна радость што наудила.

Пріятель Кампіоновъ къ супрузи нѣговой отиде, и преправи є къ срећи, коя ће іой за мало магновенія доћи. Но текъ што *Шарлота* чуе, да іой є супругъ дошао, а она таки кући пріятельской отрчи, или болѣ ређи, одлети, и у обетія нѣгова онесвѣштена падне. Сузе радости ронилесу іой изъ очію, и морале су іой мѣсто рѣчій заступљавати. И по дугомъ часу очи опетъ отвори, и къ себи додье. Тврдо загрле дѣца *Кампіона*, и изъ радости ньине свѣтлило є іоште чисто, и невинно срце, съ коимъ ій и оставіо.

Єдва први часи састанка додьу, и дѣца стану оца молити, да имъ што одъ приключенія своіи преповѣди. Отацъ є проебу ньину испуніо; и приключенія своя преповѣдіо имъ, у преповѣдку свою млого полезны примѣчанія и поученія умѣшавшій, коя су имъ цѣлогъ ньиногъ живота найблагословенніе плоде принела. И млого

рѣд-

рѣдки ствaрїй донео имъ є изъ иностранне части свѣта, а са тимъ распространi имъ вѣжество ньино изобилно. И само рабско одѣло показао имъ: старїи нѣговъ, садъ осамь година имавшїй, сынъ погледи на одѣло то, и горко се запла'че, и изидье наполѣ, да бы мирно какво мѣстанце гдигодь нашао, гди бы се ситъ наплакати могао. Отацъ га упыта, што му є, те плаче, а онъ му одговори: „ О оче! оче! кадъ на одѣло рабско погледимъ, увѣкъ мора да ми се разжали; о како си у рабски оковы стеняо! “ То изрекшїй полїе се сузама їошћъ вeћма. Отацъ га къ преима своимъ пригрли, и єдва га у шѣши.

Пламенитїе полюбїо є садъ *Камлїонъ* супругу свою, него што є на самъ данъ бракосачетанїя полюбїо. Свакїй часъ видьао є, како се она о томъ старала, да дѣцу свою добро воспита, и облагообрази.

Шарлота одведе *Камлїона* у писарницу трговине свое. И како є у ню ступїо, таки му се, при првомъ погледу, бодрость и дѣятелность допадала, у коїой су сви писари и посленницы были. У правой писариицы пакъ не надье *Камлїонъ*

онъ бывшегъ своегъ кньиговодьу, но мѣсто нѣга упази старогъ своегъ пріятеля, когъ є сбогъ чесности нѣгове и сбогъ важны нѣговы вѣжества почитовао, а сбогъ несреће, коя га є пре неколико година постигла, жалїо. „А гди є, упыта *Камлїонъ*, зачудьенъ, *Мерикуртъ* — тако се старый нѣговъ кньиговодьа звао — да ніе болестанъ, или може быти умрео?“

Шарлота му на то одговори: „нитъ є умрео, нитъ болестанъ, веће ево да Ти кажемъ, любезный мой! зашто га овде не има. Годину и полъ распытывалисмо за Тебе, нећемо ли одкудъ чути, гди си и како си. Но све всуе! ни трага ни гласа одъ Тебе. И са свимъ већь очаявши, да ћу Те икадъ у животу видити, почнемъ смрть Твою, као удова, оплакивати. И мыслила самь; да никоимъ другимъ начиномъ споменъ Твой свеће славити не могу, већь да све предмете изъ очїю описнемъ, кои бы, по мнѣнїю свѣта, имену момъ и чесности моїой у чемъ пагубни быти могли. Мерикуртъ се почео безумно надати — а я му нисамь ни найманѣ прилике къ томе дала — да ће мене за супругу добыти моћи. То мени докажу, и я га чесно и по нѣга и по трговину нашу одпустимъ.

Твой

Твой найискреннїи пріятель и савѣтникъ, отацъ *Мелвиль* одобри мое одпуштеніе. Меркуртъ се трудїо после свакояко, како бы нашой трговини наудити могао; но Богъ дао, те намъ ништа наудити не може. И испый отацъ *Мелвиль*, допуспи ми добры Кампїону! да га шако назвати могу, предложи ми, да на мѣсто Меркуршово Твога пріятеля *Лянкурта*, когъ си Ты више пупій предамномъ у звѣзде ковао, узмемъ. И я шо учинимъ. Садъ испытай све любезный супруже! могу ли ее пріятельи надаши, да си съ пословы ньины задоволянъ. Имамъ Ти шо їошшъ казаши: єдна одъ првы нашы трговина звала є пріятеля нашегъ Лянкурта къ себи, и давала му є три пута вєћу плаћу, него шшо смо му мы дали, и даши мо. гли. Устрашена, да намъ не ошиде, разговоримсе съ ньимъ самымъ о томъ: „истина, одговори ми онъ, да ме трговина та къ себи зове; но Вы знаше, шша самь Вама обећао, и єдина смрть може завѣшъ мужа чесногъ пресећи.“

Камлїонъ се пожертвованїю Лянкуршовомъ зачуди, и загрли га и излюби срдачно. И *Лянкуртъ* га замоли, да кньиге трговачке прегледа, и види, єли све точно.

Кам-

Камлїонъ то и учини, и за 8 дана све прегледа: и нїе могао довольно, како срећи, тако и савѣсности да се сраду̇е, како су дѣла сва руководьена.

На срцу превѣрне любве, у кругу највећїи радостїй, кое отацъ уживати може, и посреди највѣрнїи пріятеля протекласу му два мѣсеца; и садъ се *Саида* све то живлѣ опоминяти почне. „*Єдина смрть може завѣтъ мужа чесногъ пресећи*“ звечалесу му те Лянкуртове рѣчи єднако у ушима, и одзывале у срцу нѣговомъ. Време се веће приближивало, да къ *Саиду* одлази: нїе самъ сирома знао, како ће то своима да каже: досада нїе ни рѣчи о томъ споминяо, да имъ не бы мало оно магновенїя скорбныма учинїо, коя имъ є радость, што су се опетъ сви видили, причинила. Што се више данъ, кадъ бы пребало, да одлази, приближавао, све по више смућавало му се око, све то више надымала му се грудь. То примѣти *Шарлота*: и съ превеликомъ нѣжносћу стане га преклиняти, да їой каже, шта га тако печали.

Камлїонъ не може найпосле да оћути, и исповѣди їой страшну тайну и вѣру, кою є Саиду, своmъ благодѣтелю задао, и коя є учинила, те се опетъ са своима

састао

састао. Како є сиротой Шарлотти было, кадЪ то чуе: сва претрнувши повикне: „ и Ты бы могао то мени, мени и дѣцы Твоїой учинити? “Отрчи, и дозове дѣцу, и ньима каже, шта є чула, и сЪ ньима заєдно клекне предЪ нѣга на колѣна, и стане га горко преклинати, да ньима так' невѣранЪ небуде. *Камлїонъ* нїе знао одЪ жалости, што да ради: никадЪ нїе срце човека єдногЪ у таквой туги было, као што є садЪ Кампїоново было, кадЪ є супругу свою и дѣцу видїо, гди га тако силно преклиняу.

„ О! нека ВасЪ дѣцо моя! мой примѣрЪ научи, проговори *Камлїонъ* дркћаюћомЪ уснимЪ, нек' ВасЪ онЪ научи, како свето треба свакїй човекЪ завѣтЪ свой да држи. И да вы оца ВашегЪ, кои завѣтЪ свой свето испуное, изгубите; не плачите! вѣчь се болѣмЪ надайте! што садЪ изгубите, свето получићете некадЪ двогубо у миру и покою и тишини срца ВашегЪ. Кои човекЪ може благополучанЪ быти, дотле, докЪ му грѣхЪ на души стои? Я самь вамЪ Саида описао: видилисте, да є онЪ благодѣтель оца вашегЪ; одсудите сами! не бы ли я найвећїи грѣхЪ на свѣту учинїо, кадЪ бы неблагодаранЪ Саиду био, и завѣтЪ мой погазїо? Утѣш'тесе! ОпетЪ

ћемо

ћемо се скоро видити. Докле *Саидъ* види, да самъ му я вѣранъ, онъ ће мене одпустити, и вама ме опетъ послати. Съ ведрымъ лицемъ и съ безгрѣшнымъ срцемъ повратићусе онда къ Вама, и онда ћемо на земльи, као у раю, живити, ништи ћемо икадъ помыслити, да се више растаемо.“

Дѣца почиу га плачући молити и преклиняти, камень бы одъ жалости пукао, стѣне цѣле могле бы се на нѣга свалити, и онъ бы постоянъ было; часъ самртный да му се приближїо, и не бы се жалость срца нѣговога коснула. *Шарлота* притрчи къ оцу Мелвилю и Лянкуртy, и собщи имъ намѣреніе супруга свога. Шта нису ова двоица радила, шта ли нису говорила, да бы га какогодь одъ тогъ уздржала? Представлялису му, да држанѣ завѣта, коимъ се вышша дужность повредьуе, грѣхъ есть; да нечовеку никадъ рѣчи задане држати не треба, рѣчи, кою є одъ насъ у страшанъ часъ истегао, да скакїй преєстественный завѣтъ самъ одъ себе престае, и да бы га и самъ Богъ, и црква одъ нѣга одрешила.

„И да бы представленїя Ваша како истинна и основана была, одговори *Камїонъ*,

лїонъ, съ достоинствомъ, кое га надъ осталымъ людма извышаваше, и ако Вамъ и самъ мой разумъ у свему право дати мора, опетъ зато противисе свима срце мое, кое у шаквы случаїи, као што є овай мой, само судїомъ єстъ. А чесный Лянкурту! ниси ли самъ пре нѣкогъ времена рекао: єдина смрть може завѣтъ чесногъ мужа пресѣчи? Можете л' ме їоштъ пытати, коме самъ се завѣтовао? Турчинъ є истина мени благодѣтель было, — но ко ће Хрїстянину допустити, да рѣчь, Турчину задану, погази? Нису ли обоица твари єдногъ Творца? Тежко закону, кои овде извиняваши, кои овде разлику полагаши може. Жено! дѣцо! прїятельи! ушѣш'тесе! Саидъ є великодушанъ: скоро ћу се Вама опетъ вратити. Я имамъ повѣреніе къ срцу нѣговоме, онъ є мое искушао?

Данъ одлазка нѣговогъ было є опредѣлѣнъ. Лянкурта наименуе тутороmъ свое дѣце, а оца Мелвиля попечителѣмъ и прїятелѣмъ свое Шарлоше; и састарасе, какогодъ да бы умирао, за свако њино добро, и благослови ій. Врло му є тешко последнѣ магновеніе было, магновеніе, у комъ се одъ њи растати морао. Неотешни, да му яукъ жене нѣгове, и плачь дѣце срце вешма

раздиру, кренесе неколико дана пре, него што є найпре одредіо, быо; и растанне свое рѣчи спише у писмо, кое сузама ороси, и остави га.

Саидъ се зачуди, кадъ Кампіона нѣколико седмица пре у Алгиру види, него што му є обећао, да ће доћи. Ви и га, и удивисе таквой пріятельской вѣрности. „Шта Кампіону! заръ су сви Твои помрли, или су се къ Теби измѣнули?“

„ Нису о Саиду! сви су здрави, и я самь имъ животъ развеселіо одговори *Кампіонъ*, но садъ плачу за мномъ, као за мртвымъ. Благодарность и пріятельство повратиласу ме къ Теби, заповѣдай сада съ моіомъ судбиномъ! “

„ Тешко ми є было, рекне му *Саидъ*, што Те ніе кодъ мене было. Но ако и єсть дужина времена болѣшицу мою ублажала, опетъ ніе могла пріятельства умалити, кое къ Теби осећамъ. На момъ срцу увѣрисе, да ниси одъ мене благо и велико-душніи. Одсада си слободанъ. Єдна часть могъ иманя быће Твоя! Сваку удобность, кою бы зажеліо, да се одъ тешкогъ путованя одморишь, избирай, како Ти є воля, И какосе са свимъ оправишь, а Ты се врати опетъ кући Твоіой, и у крило Твое

су

супруге и Твое дѣце. Сећайсе само у Твомъ отечеству и мене любезно. А ово мало дана, кое ћешь мени поклонити, посветимо пріятельству.“

Гласъ Саидовъ сбуніо є Кампіоново срце тако, да му чувствованія с оіи рѣчима изразити не може. На колѣна падне предъ нѣга: *Саидъ* га подигне, и притисне га къ прсима своима съ нѣжносћу, и рекне му: „не клечи Кампіону! не клечи! срдца наша єдно на другомъ да одпочиваю, она су достойна єдно другогъ.“

Садъ сугубо тешко буде *Камліону*, одъ благодушногъ Саида отићи: Но најпосле закптею и дужности отеческе, и љубавь супружеска удовольства, и оне преодолѣю, доста є већ пріятельству на жертву принео. *Камліонъ* се врати, съ благословомъ *Саидовымъ*, и съ великимъ благомъ, одъ *Саида* добіенымъ, у свое отечество.

Іошть се нису сузе домашньи нѣговы осушиле быле, и онъ имъ натрагъ додье. Но ніе радость ньина о повратку нѣговомъ дотле савршенна была, доклегодь ій ніе увѣріо, да се никадъ више натрагъ, у Алгиръ, враћати неће.

Кампїонъ є єзыкъ турскїй савршенно научїо быо: и непрестанно се са *Сандомъ* преко писама договарао. И непрестанно *Сандово* пріятельство приносило му є млого ползе и у трговини нѣговой.

Фридрихомъ Херманномъ

He-

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

K. Nauwkist sc.

БРАЋА

Недалеко одъ пріятны квитойски приморїя у Америки одрасласу два браша *Теласко* и *Куско*, као два витка дрвета, коя се братски єдно около другогъ вїю — неразлучна єданъ одъ другога у дѣтинству своемъ — тѣсно сюжена у младости своїой. Нѣжной ньиной и братской любви ниси равне подъ небомъ видїо. Отацъ ньинъ поведе їй єданъ путъ обоицу првый путъ у Квито, да їй тамо Богу ньиномъ посвети; и у цркви Бога свогъ сунца зададу єданъ другомъ вѣковѣчну братску вѣрность, и завѣтъ свой држаласу обоица тврдо, ако и єсть више искушенія на ньи долазило, коя су їй поколебавала.

Сваке любве, ако и єси непросвећенъ неображенъ, достойный народе! — Невиность Твоя, беззлобіе Твое и блага Твоя природа морала є свако чувствително сръце тронути! Но зашто є Твоя благодушна и благородна простота, коя Те є облагополучавала, безстыднымъ сребролюбіемъ окаляна! зашто ли є Твоя красна и мирна држава одъ найудьегъ корыстолюбія оплћнћна быти морала!

Као два млада лава бориласусе оба брата у битви єдной съ Спанскимъ своимъ убійцама. *Кусжо*, и младьіи и нћжніи одъ своегъ брата, удье дубоко у непріятеля, но *Теласко* покрые га щитомъ своимъ, и біосе, као бћсанъ, докъ ранћнъ на землю непадне; а *Кусжо*, неранћнъ будући, изнесе своегъ брата изъ непріятеля! и лебдьаше надъ ньимъ съ нћжнымъ попеченіемъ, и *Теласко* оздрави, оздрави своимъ, любећемъ га брату. — Но ахъ! обоица су зароблћна! у очаяніе су обоица пала была! *Теласко*, дрзновеннїи и тврдьіи одъ *Кусжа*, и поносећисе съ свћсћу, да є невинъ, сносіо є и постоянніе нещастіе свое одъ благога *Кусжа*. Пренесу ій медьу тимъ на Спанскій некій бродъ; и *Кусжо* скочи у море, надаюћисе, да ће се вћштиномъ сво-

своїомъ у плываню изъ робства избавити: *Теласко* ніе ни єдногъ магновенія пропустіо, и скочи за ньимъ. Већь су мыслили, да ће се кои часъ избавити, нико ніе за ньима пошао быо, да ій стигне, и уваши, тврдо єданъ другогъ обувативши бориласусе обоица са таласы, за слободу плывавши — но іоште имъ судьено не бы, да до нѣ додьу, другій Спанскій бродъ пошлѣ за ньима чамацъ, и овай ій уваши, тако, да већь више утеѣи не могоше. Садъ су опетъ робовы постали, но нису растављѣни, и онако тѣсно и срдачно сюжени нису са свимъ несрећни были. — Често бы *Теласко Куску* рекао: „ Зашто Куско! зашто не умресмо поне у таласы, но садъ опетъ раби да будемо?“ „ Єй мой Теласко! одговори му *Куско*, недаде намъ се, па не даде! “ — Медьу тимъ утѣшесе обоица на овомъ другомъ броду, дражесну неку Перуанку на ньой нашавши. И она є зароблѣна была, и ньой є жалосна судба угрожавала. — Лѣпа, невинна, и благонаравна сдружисе пріятельски съ земляцыма своима.

Као невинни яганьцы, кадъ у стадо вукова (куряка) упадну, тражилису Перуанцы тіи утѣшенія и покрова єданъ у другомъ:

гомЪ: правомЪ сестринскомЪ любвомЪ бы-
ла є *Нарина*; — тако є младой той Пе-
руанки име было — обоицы привржена.
Іошть су младымЪ ньинымЪ срдцама чув-
ствованія любве непозната была, и єданЪ
братЪ био їой тако мїо, као и другїй.
Какогодь што су *Теласковъ* великЪ и
благородный духЪ, нѣгово необоримо му-
жество у бѣди, нѣгово некорыстолюбіе,
нѣгова прекомѣрна любавь кЪ младьемЪ
своМЪ брату ню у удивленіе полагала, —
тако їой *Куско* сбогЪ любведостойны
своїи свойства мїо био: савЪ нѣговЪ жи-
вотЪ био є єдина любавь, любавь привр-
жена, тако є браца свога, тако сестру
свою *Нарину* любїо. Свеза пріятельства
скопчала є ова три раба єдногЪ кЪ дру-
гомЪ тако тѣсно, да су наумили, да га
проводе, и на какво му драго мѣсто до-
шли, и да бы їй БогЪ зна колико стало. —
По дугомЪ времену додьу у єдно одЪ
Спански поселенія. Ту їй найпре та не-
среѣа постигне, што се єдно одЪ другогЪ
растати морадоше: непрестанна радня, и
свирѣпо поступанѣ при ньой былаcу судба
ньины дана. Но мѣсто неко у шуми опре-
дѣле, и назначе, гди ѣе се свако вече са-
стаяти, како опредѣлѣнЪ часЪ куцне. Ту

су

су се често видьали, ту бы страданія своя за неколико магновенія позаборавили, и у тїомъ чувствованію невиности свое и пріятельства были бы довольно срећни, срећни и задовольни.

Често бы имъ *Нарина* о сладкимъ увеселеніяма своґъ дѣтинства преповѣдала. „ По домашнимъ поляма, веляше имъ, была самь шако радосшна и весела, єдиной природи слѣдовала самь у свему. Ньой вѣрна пела самь се узъ планине, и пролазила шуме и развалине, да бы само поносито море видит' могла. Но шта ме наскоро снадье? У облачно єдно ютро чуемо море, како зуи: маши моя забринесе, срце їой тешко куцаше, и на зло слуташе. Медьу тимъ се извезу изъ брода єдноґъ непріятельи, сви мы узбунимосе, и смутимо, и мало и велико плакаше и викаше, видивши, да се непріятельи нама све више и више приближую. Сви побѣгнемо у пештере, и єдва смо и толико времена одъ суровы оны душа уграбити могли, да у ньи избѣгнемо. Маши моя была є болеона, како да є оставимъ? како браћо? ни подъ кои начинъ нисамь то могла. Непріятельи додьу у колибу, и одвуку ме са собомъ. Како їй ніе маши моя молила!

како нїе плакала, да ме їой само оставе: преклињала є и братимила свирѣпе, но они не само што молбу нѣну не послушаше, већь їошть болесной онако посмѣваусе. Мртву ме изЪ колибе понесу, мати имЪ повикне: „ „ помилуйте ме! “ “ но они за молбу нѣну и немаривши одЪ прсїю материйны одвуку ме. АхЪ! — и кадЪ се освѣстимЪ, и кЪ себи додьемЪ, а я ВасЪ обоицу видимЪ, гди ВасЪ на истый бродЪ носе. То сматрамЪ я за чудо сЪ неба, Вы сте были, кои сте моя страданїя чувствовали, Вы, кои сте жалость мою са мномЪ дѣлили; и зато є срце мое благодарносћу кЪ Вама преиспунѣно. И увѣкЪ ће оно, у сузама гушећисе продужи далѣ — топло кЪ Вама быти, Вы сте ми садЪ више одЪ матере, и сестре: браће нисамь никадЪ имала, но Вы сте ми браћа, браћа и покровителыи мои, Вама могу вѣровати, Вы сте были, и єсте и садЪ избавителыи мои. КадЪ бы кадкадЪ даню одЪ посла на носЪ већь падала, онда бы увѣкЪ на ВасЪ помыслила, да и Вы исто полико, и їошть више труда подносити имате, и да и сЪ Вама исто тако сурово поступаю, као и са мномЪ, и та мысао олакшава ми, тако ми се чини, надницу

мою.

мою. Кадгодь се на грабивость сребролю-бїе и свирѣпость высокоумны ти Спанїолаца — све саме погрѣшке, за кое нашЪ народЪ и не зна — разлютимЪ, о! онда помыслимЪ само, како сте Вы добродѣтелни, онда се чисто и сЪ пороцы Спанїолаца помируемЪ, ибо они су, право да ВамЪ кажемЪ, млого несрећнїи одЪ насЪ."

Тако говораше имЪ *Нарна*, и зато се обоица ньой тако навыкну, да ни єдногЪ магновенїя безЪ нѣ быти не могоше: т. є. по васЪ данЪ посломЪ забавлѣни былису у мыслима своимЪ непрестанно кодЪ *Нарне*; а єл' ноћь настала, и єсу л' лукави ньини стражари поспали, а оно бы свакїй кЪ ньой поштїо, да пре другогЪ кЪ ньой додье; но ни єданЪ нїе ништ' одЪ своїи чувствованїя другомЪ исповѣдїо.

Браћо! коя мыслите, да єданЪ другогЪ постоянно и нерушимо любите — сестре! кое само єдна друге ради живите — чувайтесе, чувайте! — *Теласко* и *Куско* моглису тайнїй єданЪ одЪ другога таити, — оны, коима є свеза братства моликимЪ бѣдама већь искушана и укрѣплѣна, и кое є жалостиво рабсиво єдногЪ

кЪ

кЪ другомЪ све више и више требало, да прилѣплюе, они су, они — . . . но — не! *Теласко* є толико мужества имао, да завой сЪ очїю њины скине, и брату себе обджи. —

Већь се више путїй догодило, да є *Куско* на уречено мѣсто састанка пре *Теласка* дошао, и *Нарину* очекивао. Често бы у пріятельскомЪ разговору одЪ мѣста истогЪ мало и удаљилисе, и не сећаюћисе, да ће їй *Теласко* тражити. Често бы *Нарина* рекла: „ о! та мы се удаљисмо, а *Теласко* ће насЪ тражити, увѣкЪ ми нѣшто недостае, када єдногЪ или другогЪ одЪ ВасЪ не видимЪ. “ Често бы сирома *Теласко* на уречено време дошао, и кадЪ їй нашао не бы, а онЪ бы се жалостанЪ вратїо, мыслећи, да є или *Кускy*, илъ *Нарини* препетство какво на путЪ стало, и недало, да додьу — а сумня каква на њи, или љуборевнованїе (Eiferſucht:) то є далеко одЪ *Теласковогъ* великогЪ духа было. —

Истина, да є онЪ Нарину *љубїо*, то є на неспокойству осећао, когЪ пре тога ніе познавао, но опетЪ му є љубезнїи братЪ быо. Но *Куско* му се све чинїо, као да може безЪ нѣга быти, то є онЪ

већь

вєкъ примѣтїо, и нїе могао, више да о-трпи, срце му се необычнымъ и неописуемымъ начиномъ само съ собомъ борити почне, страовито неко чувствованїе обузимало га є вєке — съ братомъ се морао онъ, и да бы Богъ зна како было, насамо разговорити, и нѣму шугу и мученїя срца свога одкрыти.

Медьу тимъ нїе ни *Кусхо* у своїой любви срєћнїи быо: какогодъ какавъ лизаюћїй и єдућїй пламень надвладала га є са свимъ, но страшећисе, брату своmъ — а боећисе самомъ люблѣномъ существу шугу свою да исповѣди, носїо є двогубу мѣру своїи спраданїя, ибо га є и сама свѣсть грызла, да є предъ братомъ самымъ сгрѣшїо: и опетъ нїе толико моћи имао, да искренномъ исповѣдьу любве свое срдцу своmъ бреме олакша. Самъ нїе знао, шта ради, шта л' чини. Онъ є было залюблѣнъ, и садъ є првый путъ тек' почео да люби, и све нѣгово существованѣ дысало є єдиномъ *любвомъ*.

Нарина є одъ ньи прое наймирнїя и найспокойнїя была. Ньой су оба браша — тако їой се чинило — єднако мила была. Истина, да є благомъ *Кусковомъ* срцу млого склонніе нѣно было, но высокомъ

духу

духу старѣга брата морала є женска душа да се поклони: сталность нѣгова страшила бы є увѣкъ за нѣколико магновенія, но таки бы їой се боязльивость та. у повѣрителность преобразила, како бы видила, да дѣтинска нѣна умиляваня строгость нѣгову могу да ублаже.

Єдно вече — было є врло запарно — лежаше *Теласко* подъ сѣнкомъ кокусна дрвета близу зида врта оногъ, изъ когъ є Нарина требала да додье. Два дана ніе вѣць ни нѣ, ни брата видїо, да, ніе їй опи-мице ни тражїо. Црна мысао породилась у срдцу нѣговомъ, укоченъ, и ништ' о себи незнаюћи лежао є на земльи, ноћь црны облацы їошт' вѣћма помрачена, и далньїи громови предузвѣћавау непогоду. *Теласко*, кое одъ посла, кое одъ туге уморанъ заспи мало, но жестокїй громъ пробуди га наскоро. „ О! повикне садъ, ова буря у єстеству слажесе са свимъ съ моимъ несрећнымъ чувствованіемъ — но онако ће быти, као што самь їошт' пре два дана наумїо, онако, и не другчіе — Куску ћу намѣреніе мое исповѣдити, онъ нек' га чуе, и онъ ће га одобрити “ —

Устане за тимъ, и подье тражити га, но у истый часъ чуе *Нарнїйнъ* гласъ,

гди

гди *Кусха* викаше. Види є, како се на зидъ препела, да види, ел' се непогода разишла, да бы се Спаніолцы нѣни смирили, и да бы она кЪ браћи своїой поишиши мэгла. Муня сѣвне, и спроћу нѣ упази єдногЪ одЪ овы, но ніе управ' разазнати могла, кои є. — „Нарино! одговори їой *Теласко*, ньой приближившїйсе, Ты вичешь могЪ брата, я га нисамь, већь два дана, видїо.“ „О! Ты си Теласко! рекне му она на то, ни ове страшне бурѣ не боишсе, и по ноћи идешь, само Нарини Твоїой ближе да будешь. — Но гди Ти є братЪ? да га само кои одЪ страшны овы и рыкаюћи громова убїо ніе! — О како се грозимЪ одЪ шакве мысли!“ „Не бринисе, любима Нарино! одговори *Теласко*, нашЪ БогЪ луча сачувао га є, сидьи доле, я ћу Ти помоћи, и после ћемо ићи, да га потражимо.“ „Не могу садЪ Теласко! рекне *Нарина*, најпре идемЪ видити, спаваю ли већь мои Спаніолцы, сви су се одЪ рыкаюћегЪ грома устрашили, сви су поустаяли. Но таки ћу опетЪ натрагЪ доћи.“ — *Теласко* се дубоко замысли, и подье кЪ мѣсту састанка. „О! уздане у єданЪ путЪ, Нарина люби могЪ брата, нѣга ће и изабрати.“ — Непогода се већь разишла, и тек' што зора

запла-

заплавила ніе, но Нарина више већь недодье. Учини му се, као да гласъ своґъ брата издальина чу, сакрыесе за дрво єдно, и чуе, гди ово попѣваюћи говораше: „Оди! О оди любезна другарице! Куско Твой чека Те овде! зора већь заплавлюе: оди! о оди сунце жувота! оди и обрадуй мое срце! Твой Куско тописе у жалости! Тегобе носи онъ даню мужествено, кадъ само часакъ у крилу Твомъ ноћу проведе! О! гди си? гди си любо моя? не закоснявай, већь додьи амо! Куско Твой чека Те овде!“

„А Куско! повикне *Теласко*, иза дрвета излазећи, садъ самь шайну Твою дознао. О! обоица смо погрѣшила — обоица любимо єдну и исту дѣвойку, обоица любимо Нарину, любимо, и єданъ одъ другогъ таимо. Но Куско! Ты любишь већма Нарину, нег' Твогъ браша!“ „Не Теласко! одговори *Куско* жалоснымъ гласомъ, не любимъ є већма, нег' Тебе, то не вѣруемъ, и неможе никако ни быти, но любимъ є неописано.“ —

„Єси ли їой любавь Твою исповѣдїо?“ упыта га *Теласко*, любил' и она Тебе?“ „Нисамь! одговори *Куско*, нѣна невиность, и нѣно єднако поступанѣ съ обоицыма

цыма устрашило ме є са свимЪ, и нисамь смѣо усудитисе, да їой све исповѣдимЪ. "

„ Послушай ме Куско! рекне *Теласко*, мы смо браћа! насЪ нетреба ништа да раздваја, а камоли дѣвойка єдна . . . . Нарина нек' избере єдногЪ одЪ насЪ двонце за супруга своГЪ — и срећа єдногЪ браша нека буде другомЪ накнада." „О Теласко! Тебе ће Нарина изабрати, рекне жалоснымЪ гласомЪ младьїи братЪ, Тебе ће она изабрати, Тебе *мора* изабрати, Ты си благодушнїи, и больїи одЪ мене. — А онда ће Куско одЪ жалости умрети." „Не! браше! то нећешь, но Нарина мора да избира! одговори *Теласко*; а и да не ускте, избрати а и да бы ктела, и у напредакЪ сЪ нама да се питра, то ће морати она умрети! " —

„ За име божіе браше! како се грозимЪ одЪ те мысли; повикне *Куско* гласомЪ ужаса. О Теласко! дай, да я умремЪ, и узми Ты ню, а животЪ їой поштеди!" —

„ Она ће морати избирати! одговори *Теласко*, па како буде. СрећнымЪ быти — но я самь веће тврдо наумїо, доста самь се самЪ борїо, и доста ме суза веће стало: она мора, супругомЪ єдногЪ одЪ насЪ двоице постати, или ножемЪ овымЪ умрети, кои сакрывенЪ носимЪ. "

Ку-

Куско преблѣди, ножъ видившій, а брата своѓъ познаваюћи, при томъ и важность говора нѣговоѓъ чувствующи. Но свирѣпо и безсавѣсно чинило му се то дѣло, ако му се и єднако свидило, та є у обетіяма своѓъ брата, та мртву видіо.

Нарина ніе ту ноћь опетъ дошла, погода є учинила, те су Спаніолцы бдили, а и боялисусе непріятеля, кои имъ се приближаваy. Съ особитомъ радосћу дознала є *Нарина*, да велико число ньины народа на Спаніолце иде, и осталу часть ноћи употребила є къ томе, да се іошт' болѣ о томъ извѣсти, да бы сутра на вече браћи своіой извѣстіе о томъ дала, и о томъ се свѣтовала, како бы къ земляцыма своима пребѣгли. Све є дознала по желанію. О! како іой срце одъ радости играло, мыслећи, да ће она прва быти, коя ће любезной своій браћи гласъ тай донети.

Єдва се мѣсецъ у вече засвѣтли, и *Нарина*, пуна чувствованія слободе, и тврдо наумивши, да се никадъ више не врати, сидье съ зида вртна. Како се одъ Спаніолаца толико удали, да є знала, да є чути не могу, а она повикне: „Куско! Теласко!“ Но ова двоица нису іошше дошла была. И она, мораюћи ій чекати, запѣва ову пѣсму:

„ Ой

„Ой премила свима нам' слободо!
Пренебесный, сладкій о животе!
Опетъ си намъ' повраћена!

Ланцы рабства већь спадаю тешки!
Гласъ слободе пѣсме нам' разносе!
Ой слободе, Богомъ нама дане!

Тек' што последню врсту изпѣва, а оба брата, єданъ съ єдне, а другій съ друге стране, и готово обоица у єданъ ма, предъ ню изидьу. Нису се нимало надали, да ће имъ *Нарина* радостанъ гласъ о предстоећемъ ослободьенїю донети. *Теласко* забринутъ быяше, а таманъ облакъ, и жалость показываусе на челу Кусковомъ, єдва га є Нарина своимъ пришествїемъ разведрила.

„Браћо! рекне имъ *Нарина* умилнымъ и страшльивымъ гласомъ, мила браћо! шта Вамъ є? што сте се тако промѣнули? Досадъ сте ми са веселѣмъ на сусретъ излазили, и братски ме къ прсима Вашымъ привлачили, — а данась — о Теласко! како страшно погледашь ме, страшимсе, у Те и погледаши, — а Ты

бла-

блажїи Куско! у очима ТвоимЪ познае се трагЪ млоги пролывены суза! О кажите ми, кажите шта ВамЪ є? ћутите? Имател' тайну какву одЪ мене, одЪ Ваше сестре Нарине? "

„Нарино! почне *Теласко* благимЪ гласомЪ, имамо Ти важну ствaрь одкрыти, ствaрь, одЪ кое срећа живота нашегЪ завыси. Знашь, шта смо єданЪ другомЪ, као браћа были, знашь, шта и садЪ іошт' єсмо! — но особито и друго чувствованіе подкралосе, као смртоносанЪ некій отровЪ, у душу нашу — Нарино! обоица Те любимо — неописано Те любимо, обоица бы желила, да Те имамо и пришежавама, но Ты можешь само за єднога поћи, и єдноме супруга быти. — СадЪ любима и драга Нарино! избери єдногЪ одЪ насЪ двоице, избери, ако є истина, што си намЪ често завећавала, да смо Ти обоица мила. — Избери о єдина Нарино! избери, кога ћешь одЪ насЪ двоице, и избави братску — любавь, коя є досадЪ, као чистЪ пламень, нашемЪ лучесыпаюћемЪ Богу пламтила. — Ты познаешь тай прекрасный пламень, кои се *любвомЪ братскомЪ* называ — ню треба ил' у прсима нашымЪ да задржишь, ил' на вѣки да

уга-

угасишь — но то не може, то несмѣ быти — я ћу томе препетити. Страшна є борба была, но я самь їой преодолѣо, да бы ми браша обдржао. Избирай Нарино! што волешь, или єдногъ одъ насъ двоице, или овай ножъ? “ При овымъ рѣчима падне изнеможенъ предъ ню, и неможе, ни рѣчи да проговори. . . Нѣма и блѣда стояше *Нарина* предъ ньима, са свимъ устрашившисе. — Но *Кусу* є ошшть горе было, то *Теласко* опази, устане, уваши га подъ руку, и одведе га къ Нарини, нѣну руку у нѣгову стисне, къ небу погледи, и чувствителнымъ гласомъ рекне: „О избави, избави себе и браћу, и избери, когъ ћешь! ево Ти даемо полъ часа времена, да се промыслишь.“ И са шимъ отиду ньи двоица. *Нарина*, сама оставши, бризне плакати. — *О Теласко!* рекне тужнымъ гласомъ, єли и то любавь была? Она претня! онай ножъ! — О сиротo срце! што Ти є, што куцашь тако силно? єли радость? ил’ є спра одъ челика, кои ће ми враша смрти отворити? Чега имамъ бояшисе? нисамь ли наумила? — Наумила? — Тако онъ нек’ одбаченъ буде, онай великій мужъ, што є истину говорїо, за кою се толико борїо. — Но Ку-

ско!

ско! умиляшый и блажїи Куско! о сироmо срце! зашто куцашь шако силно, и шако брзо ? “

Као страшльивой птичицы што быва, што првый путъ полешаши починѣ, и не зна, къ коїой одъ две найближе гране да полеши, шако є нашой *Нарини* сада было. — Ни сама незнаюћи, любила є нѣжногъ *Кусжа*; но великій *Теласковъ* духъ плѣнїо є срце нѣно, и немогућно їой было, єдногъ одъ ньи двоице да избере, и другога шимъ да увреди. — „ Тако нек' буде, повикне у єданъ путъ, я волемъ — ножъ ! — шта є животъ спроћу смрши, кою намъ рука любезника нашегъ задае? Да! да! волемъ, о волемъ сто пушій ножъ, онда ћу быши слободна! одъ нѣгове ћу руке умреши. . . Умреши ? недркћи Нарино! небойсе одъ самогъ образа смрши! Брже! брже у ньина обешїя Нарино! докъ Ти э їошшь намѣреніе овако шврдо и посшоянно. “

Са шимъ подье, да їй обоицу потражи, но ови медьу шимъ врашесе другомъ страномъ, и промаше Нарину.

„ Кудъ се дела ? повикне *Теласко* зачудившїйсе. Нисмо ли є подъ овымъ дрвешомъ осшавили ? Шша мыслишь о

шомъ

томъ Ты Куско? Она бѣга заиста одъ ножа, будући да нећe да бира, а ни вишe съ нама да се типра. — Видишь сада самь о Куско! како є нужно было, тако да поступимъ, да бы дознали, на чему смо, и да бы се єданъ путъ већь смирили. — Айде Куско! да бѣгамо одавде, слобода насъ зове.“

„Безъ Нарине да бѣгамо?“ одговори бѣдный Куско жалонымъ глассомъ. Утри ше сузе любезный браше! рекне му *Теласко* блажїимъ гласомъ, сузе те теку Ти за недостойномъ Нариномъ: Нарина се къ Спанїолцыма своимъ вратила, айде Куско! єво Ти браша Твога! айде да идемо!“

Медьу тимъ изидье *Нарина* предъ ньи, мртвобледа. — Устыдившїйсе *Теласко* спусти очи, и уступи неколико коракляїй натрагъ. Медьу тимъ уваши *Куско Нарину* за руку, и радосно викне: „Нарино! єл' могуће, да їошть єданъ путъ руку ову стискуемъ? єл' могуће, да Те їошть єданъ путъ полюбити имамъ?“ Съ жалосћу погледи га *Нарина*, и глава їой падне нѣму на прси. „О! морамосе Куско! расташи! Нарина мора да одлази! Како ли ће, и шта ли ће быти, кадъ

На-

Нарине више не буде. Ко ће онда росне капље пражити, што є богъ луча по? Да не треба, смрть моя таква да буде, као што ми є животъ было, то ми не бы смрти шиляо! О; колико морамъ Богу благодарити, што ми овакву смрть шиље. — — Растаемсе са животомъ — но избавлямъ Васъ, а гди су браћа, коя су Вама равна? и гди є на дївойка, коя бы знала, кога одъ Васъ да избере? коя є та, коя бы се едномъ одъ Васъ прилѣпила, а другога себи изабрала? — не! не! никоимъ начиномъ не могу избирати!“ „Не можешь избирати?“ упыта є *Теласко* разяренъ, и ньой приближуюћисе. —

„Немогу! о немогу Теласко! Доведи ме на судъ дївица, дай ми само, да имъ Ваша чувствителна срца опишемъ, и ако коя одъ ньи одсуди, когъ бы волела, бодрогъ и постояногъ Теласка, иль' нѣговогъ блажїегъ браша Куска, онда ћу и я избирати.“ „Ты насъ варашь Нарино! рекне їой на то *Теласко*, што їошт' никадъ было ніе, што садъ треба, да буде, та Ты си насъ обое еднако любила!“ — „Я Васъ вараши?“ пресѣче му она бесѣду, о Теласко! непознаешь їошт' Нарине; — но често се уче мужеви позно

шек'

тек' цѣну и важность жене ил' дѣвойке познавати и почитовати, *мы медьу тимъ познаемо цѣну мужева таки, и знамо є таки и у достоявати.* — Рец'мо, и да Васъ не любимъ єднако, що опетъ немогу я ништ' пресудити, увѣкъ бы єдногъ ил' другогъ увредила!" „Тако волешь и обоицу одбацыти, одговори їой *Теласко*; о Нарино! єдва се могу уздржати, да се не сумнямъ, да Спанїолца каквогъ любишь." „И що Ти праштамъ, строгїй Теласко! зато, што си другчїс благодушанъ." Съ мужествомъ юначкимъ додье медьу ньи, увати обоицу за руку, и тресећи їй рекне имъ смѣло: „Да, браћо! да, любезницы! већь самь изабрала, — изабрала ножъ!"

Оба брата сгрозесе на те рѣчи, нѣми укоченымъ очима погледау є.

„Вы обоица треба да живите, продужи *Нарина* бесѣду свою, мужеви, као Вы, потребни сте свѣту увѣкъ, шта є свѣту ползе, или мене было, ил' не было. Не плачи о Куско! а Теби ћу Теласко! наборъ на челу Твомъ отрти, кое се їошт' о мени сумня! — Заръ Те не може крвь моя ублажити?" — Съ укоченымъ очима, и у нѣмомъ очаянїю стояласу обоица, више мртва, нег' жива. — О! видимъ люби-

ми мои! видимЪ, продужи далѣ, да нећете Нарине Ваше заборавити, кадЪ се у отечество Ваше вратите! а у нѣга ћете се вратити, браћа наша стое оружана иза оны брегова, и я самь дошла была, да ВамЪ гласЪ шай донесемЪ. — Тако кадЪ се шамо вратите, а оно однесите матери моїой овай низЪ бисера, за знакЪ мое слободе, а спомена ради мене ископайте ми на отечественной земльи — гробЪ єданЪ!“

Теласко клоне, и помолисе Богу, или да му моћь даде, да намѣреніе свое и изврши — да Нарину убїе — или да є смрти избави —Сузе му потокомЪ низЪ образе ронити стану.

„ Поносимсе са сузама шимЪ, рекне *Нарина* то видећи, поносимсе, велимЪ, сЪ ньима, Теласко їй є мене ради роніо.“ Жалосна и шужна обуваши Куска, кои се у шужніемЪ їошт’ плачу гушїо; „Не губисе о Куско! рекне му плачући, Ты имашь їоште брата, кои Ти є више одЪ мене. — Браћо! загрл’тесе їошт’ єданЪ путЪ пре, нег’ се сЪ Вама растанемЪ! загрл’тесе! шако! — о шако! о на вѣки се шако грлите! шако любите!“ *Куско* клекне предЪ ню, и погледЪ нѣговЪ, пунЪ суза, моляше є, да одЪ намѣренія своґЪ одступи, и судбину свою

про-

промѣни. *Теласко* потргне медьу тимъ ножъ, и у очаянїю повикне: „Тако Ты си о ножу! срећанъ, о! камо срећа, да си за мене опредѣлѣнъ! но брже! брже свршуй, што си наумїо!“

Нарина ножь у руцы Теласковой видившїй клекне предъ нѣга на колѣна, и повикне: „іошт' єдну ми желю испуни о Теласко! єдну само! єдну желю умирућой! Додай ножъ брату Твоме Куску, нек' ме онъ убїе, одъ нѣгове руке да умремъ!“

„И одъ нѣгове бы руке радїе умрла о Нарино?“ упыта є *Теласко*. „Одъ нѣгове! любимый Теласко! одъ нѣгове ће ми смрть млого сладьа быти!“ При тимъ рѣчима суза їой низъ образе полети.

У єданъ путъ се разведри погледъ *Теласковъ*, и неколико магновенїя погледавшїй є, прегнесе къ ньой, подигне є, и притисне хъ прсима — брата *Куска*, и рекне їой: „живи съ ньиме.“

Удивленїе Наринїйно и Кусково, радость и весељѣ ньино нѣмо изражавалесу више, него што бы рѣчи изразити могле.

„Живи съ ньиме, продужи *Теласко* рѣчь далѣ, зашто є морао смртный ужасъ исповѣдь любве Твое къ Куску одъ Тебе да испегне? Ахъ Нарине! любишь ме, о лю-

бишь ме врло! — Узми є Куско! узми Твоя є! Тебе люби, Тебе Куско! та одЪ мене ніе ктела чаше смрти да попїе. — Боже Перуйскій! благодаримЪ Ти! сЪ сузама Ти благодаримЪ! “

Нарина и *Куско* падну предЪ ньимЪ на колѣна, но рѣчій нису могли наћи, да му благодаре, онЪ є израженіе сузны ньины очію разумѣо; падне поредЪ ньи, и нѣмымЪ чувствованіемЪ загрли ій обое. А за тимЪ скочи опетЪ на ноге, и рекне имЪ: „Айд'мо браћо! одавде айд'мо! иза оны брда цвѣта намЪ слобода! или ћу є Вама придобыти, или — умрепи! “ . . . . . Айдете о щастльиви! Вы треба слободни да будете! тамо! тамо на отечествненной Вашой земльи цвѣта ВамЪ слобода, слобода и благополучіе! ! ! “

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
У
НОВОМ САДУ

K. Nouvelist fc.

ЛЮБОВЬ и БЛАГОДАРНОСТЬ.

Французи су революціомъ своїомъ пропасть на се навукли, и гнѣвъ осталы народа на вратъ свой натоварили, но опетъ су намъ и примѣре стрпѣливости, привржености, мужества, постоянства, юначтва и благодарителности такве показали, коїи никакви други у несрећи сущи народи показали нису, и кое само найчистїя добродѣтель показати може.

На рѣцы Дырансу, гди она крозъ насипе, маслине, вїнограде и ньиве кривудаюћи тече, живїо є Графъ *Ормессанъ*, найбогатїи землѣдржацъ у свемъ предѣлу, у време революціе. Онъ є мекъ, но строгъ

господарь своїи поданника, милостивъ отацъ, и нѣжанъ супругъ био. Єдина нѣгова кћи звалосе *Юлїя*, добра, и блага, као небо, кое є окружавало, и благодѣтельна и щедра, као земля, по коїой є одила. Награду милокрвне свое и участвуюће душе очекивала є у времена революције Француске, кадъ є врло тешко было, пріятеля наћи, и кадъ є свирѣпость деспота крвожедны и у найболыимъ людма великодушїе искоренявала: и нашла є награду ту у селянину єдномъ, награду, кою є и заслужила.

Салѣръ было є име томъ селянину, и младићу, чїе срдце, любавь и благодарителност тако облагородьена быяу, да се и самой смрти предавао и противїо, да бы само благодѣе свое избавїо. Несрећни случаи довелису отца нѣговогъ, землѣдѣлца у селу Графа Ормессана, до тогъ, да већь цѣлу годину данака своїи платити не може. И мало више гледали су му крозъ прсти, него другомъ коме, будући су се управителъи Графови Ладности и мужества мужа, одъ цѣлогъ села одвећь почитована, бояли, мужа, кои є помилованїя не као милость, но као правицу зактевао. Єданъ одъ управителя рекне му єданъ путъ:

„ Са.

„ *Салѣру*, продаћемо ти кућу и кућице, кадъ не можешь данакъ да плашишь. “ А онъ му съ грознымъ погледомъ, и ладномъ крвлю одговори: „ Свака птица на своме гнѣзду яча! прокушай срећу! “

Већь и последньій рокъ продье, кадъ є требало, данакъ да донесе; и управитель му у име Графово яви, да изъ куће свое изиђи мора. „ Я ћу самъ съ Графомъ да говоримъ, одговори му на то *Салѣръ*, айде! айде сыне са мномъ! “ Графъ є съ кћерю своїомъ Юліомъ у вртту (башти) быо. Старый *Салѣръ* безъ свакога стра, но смиренно къ нѣму приступи, и спокойно му рекне; „ Господине Графу! Управитель ми є явїо, да я моромъ просякомъ да постанемъ. Никадъ нисамь лѣнъ быо, само ме є несрећа постигла. Я имамъ єдногъ сына, и Вы имаше єдну кћерь: да Вы Г. Графу! несрећни будете, да Вы Вашъ дворъ изгубите, и просякомъ постанете, онда бы и Вамъ было, као што є мени сада. Немогу Господине! не! я моромъ мою кућу задржати, да є после смрти мое, сыну мом' оставити могу. Та нећу ни я увѣкъ несрећанъ быти. “

Но Графъ, на нѣга разсрдьенъ, одговори му на кратко: „ Ты ниси толико

година већь данка платїо, и зато морашь се изъ куће чистити. “

Старый *Салѣръ* намргодисе на то, и єдва сыну своmъ одъ єда рекне: „ Та говори ты Якове! кућу мою и кућище покланамъ Теби. Може быти, да ће младость Твоя милостивогъ Господина приволѣти. “

„ Ни нѣгова младость, ни твоя старость, одговори му Графъ, већь, чистисе изъ куће. “

„ Господине! па видите ову сѣду косу, страшно є то, да старъ овако просячити идемъ. Но и то бы учинїо, да ми овогъ овде нїе. Но неће ни онъ просячити! . . Та што си ућутїо Якове? говори и Ты! . . Господине! никадъ никогъ нисамь ошт' молїо, но ево садъ Васъ молимъ, подайте име мое Якову мом', не терайте га у свѣтъ да иде! Погледайте, како ми се очи суза за ньимъ пуне. “

„ Не! не! ты ћешь изъ куће изићи, одговори Графъ, нит' ме више моли, нит' ми више долази! “

Юлїя погледаше медьу тимъ младогъ Салѣра, кои съ намрштеннымъ челомъ, и усне грызећи стояше. Но на ове последнѣ Графове рѣчи избыстре му

се

се очи, и лице му се мало разведри. Отацъ га погледи, и упыта: „ Заръ нећешь Бога Ти Якове! ни рѣчи проговорити? “ „ Нећу, одговори Яковъ. Садъ самь задоволянъ. Подайте му отче! дворъ, нек' се насити: небойтесе ничегъ, свега ћете дост' имати. Вы сте мене ради плакали; я ћу одсадъ за Васъ радити, и, да мора быти, и умрети. Айдемо одавде. “ Са шимъ узме оца своегъ за руку, и изведе га съ особишомъ нѣжносћу изъ врта.

Графъ и *Юлїя* погледау за ньима, онай намргодьенъ, а ова съ дрктаюћим' сузама у краснымъ своимъ очима. Гласъ старца Салѣра дѣйствовао є у *Юлїю* врло. Но їошть више допадало їой се ћутенѣ сына *Салѣра*: и она є шо за врло благородно дѣланіе држала, шшо є волео, кућу изгубити, нег' за себе молити. Неповольность нѣгова промѣнуласе, кадъ є сузе оца своегъ видїо, у сяйность найтржествениегъ чувствованія. Ніе то задовольность было, шшо му се на образу появило, веће само мужество, крѣпость, сила, и преземна радость. А одлазакъ обоице ньи! одлазакъ безъ свакогъ высокоумія и поноса; отацъ съ повѣренїемъ

кЪ сыну своМЪ, а сынЪ сЪ надеждомЪ, да ћe све за оца своГЪ радити! Она є осећала, ако и нїе ясно знала, да є обоимЪ землѣдѣлцыма почитаніе давати дужна, и сЪ сузама запыта оца своГЪ, Графа: „ зарЪ имЪ се никоимЪ начиномЪ помоћи не може, та чини ми се, да су добри и поштени люди! “ Но онЪ їой одговори на то: „ никоимЪ, “ и отиде одЪ нѣ.

КадЪ їой отацЪ отиде, а *Юлїя* приступи кЪ вртоградару (баштовану), кои є при разговору оба Салѣра шакодье быо, и главомЪ машући на мотыку свою подбочїосе. „ Особити су то люди, проговори кЪ Юлїи, милостива Графыньо! особити, велимЪ, тїи Салѣри! “ „ Како то? упыта га она.

„ Мени се чини, одговори вртоградарь, да є старый СалѣрЪ, отоичь првый путЪ у своМЪ животу плакао. ОнЪ є жену свою, и седморо дѣце досадЪ већь сараніо, и никада се нїе заплакао. Два пута га є веће туча потукла, и два пута му говеда цркавала, и никадЪ ни сузе! „ „ Могу ли я томе препетити? “ “ то му є све было, што бы онда рекао. ТакавЪ му є и отацЪ быо. И то свойство

пре-

прелази одъ єдиогъ на другогъ. И сынъ овай нїе му другчїи! поштенъ, раденъ: и послушанъ. Но ни єданъ не да, да му се заповѣда, зато и не могу овде да успѣю. Село наше не бы їй радо изгубило; то знамъ: гдигодь є было, да се што за село ради и говори, свуда су Салѣри водьама были. И дань данашньїй не могу да забораве, да имъ є єданъ одъ праотаца ньины юнакъ быо, и подъ кралѣмъ Францомъ Првымъ славна дѣла у Италїи чинїо. И то є Фамїлїи Салѣра, ако и єсу све сами землѣдѣлцы были, такво честолюбїе и такавъ поносъ уселило, да га є сынъ одъ оца наслѣдїо, и да су се ньимъ они одъ свїю други Фамїлїя у селу одликовали. “

И *Юлїи* самой чинилосе, да є то заиста тако, та видила є поступъ оба Салѣра. Она є пытала вртоградара о несрећи ньиной, и овай їой казао, да бы сами управителъи Графови ради были, да їй какогодь изъ села истисну, будући да имъ довольно покорни были нису. Она зажели таки, да имъ помогне, и наложи вртоградару; да распыта, колико су Салѣри оцу нѣномъ дужни. Дозна, да цѣо ньинъ дугъ до двеста лира изно-

носи. А толико є *Юлїя* у свомъ иманю имала, и таки є ктела, двеста лира вртоградару да да, да имъ овай преда, и да они дугъ исплате, и у селу и далѣ остану. Но вртоградарь бояосе, новце те прїймити; ако му се она и клела, да су новцы тїи нѣни собствени. Найпосле нїе знала вечь другчїе помоћисе, но сама къ ньима да иде, и новце те даде имъ, кадъ оће, да їй спасе. Предъ вечеръ узме новце исте, и крозъ вртъ се у село подкраде, и у кућу Салѣрову тако удье, да є никто не види; и опази, да су врата собня полуотворена. Отацъ и сынъ сѣдяу за трапезомъ, и вечерау. Отацъ узме чашу, и наточи є пуну, и напїе сыну: „ Съ Богомъ рец'мо сыне! овой кући, у коїой смо родьени, и гроблю, у комъ сродни наши леже. “ И сынъ чашу узевшїй одговори: „ За здравлѣ оногъ, кои после иасъ у ову кућу додье! да Богъ да, поштена срца да буде, и више среће у ньой да има, него што смо мы имали! “ „ Или, ако то не, дода старацъ, а оно да му Богъ толико мужества даде, да несрећу свою поднети може! . . Испи Якове! ово стакло да испразнимо! Оно намъ є послѣдньѣ, чини ми се, кое ћу у момъ живо-

ту

ту искапити. Тако сыне! Богъ Те живїо. Срећу и спасеніе свима людма! срећу сваку и нама! Іошть єданъ путь сыне! мирно и спокойно овде да преспимо, па онда, ахъ! — а сутра ћемо на гроблѣ нћи. — Данась є већь доста. О! да оће Богъ даши, да овако мирно и спокойно изъ живота овогъ отидемо, као што ћемо мирно изъ куће ове изићи! Донеси Бога ти! іошть она два голуба! данась све да поемо, што имамо.“

Яковъ скочи на то, и види у єданъ путъ *Юлїю* предъ собомъ: она зарумењившисе, и осмеиваюћисе стояше предъ њимъ, незнаюћи, како ће даръ свой да имъ даде, а садъ, како є рѣчи њине саслушала, кшевшїй, цѣло свое иманѣ съ њима да подѣли. „Я самь дошла, проговори умилнымъ своимъ гласомъ, да, да . . .“ Старацъ на то устане, и рекне їой: „У несрећный часъ дошлисте намъ милостива Графыньо! Изволите унутра! Садъ сви трое єдно у друго гледау, и ни єдно рѣчи не говораше. *Юлїя* извади полагано новце, и пружи їй найпре оцу, а после сыну, но ни єданъ ни другїй не ктеде, да їй прїйми. „На што то, и шта є то? милостива Графыньо! упыта старый *Салѣръ*.

„На

„На, одговори она заплетаюћи, на . . . Новцы су шїи мои, и я вамъ їй одъ добре волѣ даемъ: платите съ ньима дугъ оцу моме, и останите онда овде добри Салѣри! (Отацъ и сынъ сгледаусе одъ чуда, шта їй снадье). Та узмите! узмите, Салѣри!“ рекне имъ съ очима, пунымъ суза.

Сшарый *Салѣръ* мане главомъ. „Добра, милостива ћерко!“ . . уваши є за руку, и пусши є опешъ. Узеши, вели, то бы найлакше было, но зна ли Господинъ шшо о шоме?“ „Не зна“ одговори *Юлїя*. „А смѣмъ ли му казаши, да сше иамъ Вы ове новце донели?“ „Боже сачувай!“ одговори она, но новцы су заисша мои.“ . . „Но я їй не смѣмъ ни подъ кои начинъ, милостива Графыньо! прїймиши.“

Юлїя пружи їй за шимъ сыну: „узми Ты любезный Салѣру!“ Младый *Салѣръ* полюби є у руку, и ороси є сузомъ благодарномъ. „Молимъ Те Салѣру! учини ме срећномъ, и узми їй“ — *Яковъ* мешне руку свою на срце, и съ овымъ рѣчима одговори їой: „Одъ овога часа принадлежи мой живошъ Вама милостива Графыньо! но новаца Вашы узеши нећу.“

„Ме

„ Молимъ Васъ оче! рекне *Юлїя* плачући, узмите, о узмите овай даръ одъ мене.“ и кпеде, да му кесу съ новцы у руку стисне, „о узми Якове! узми.“ Старый *Салѣръ* счепа є чувствително за руку: „О добро, добро дѣте! Богъ да Васъ зато благослови! “ „И да Вамъ сваку срећу даде! дода Яковъ. Нїе знала сирота, како їой было, видећи, да су їой обоица тако чувствително руку списнула. Найпосле бацы кесу на землю, истрчи на полѣ, и тркомъ, штогодь игда могаше, као ловлѣна срна, крозъ врштъ у замакъ свой отрчи.

Старый *Салѣръ* подигне кесу съ землѣ, и ћутећи метне є на столъ. „ Тако їошт' єданъ путъ морамъ, пре него подьемо спавати, да изидьемъ! О да їой неће само ништа за то быти! “ „ Дайте мени оче! кесу, я ћу є матери Юлїйной однети и предати, она ће заиста пре, него Графъ, наћи, да кћи право има.“ „ Но Графыня ће, одговори старацъ, за высокоумїе држати, што новаца некпедосмо да узмемо, и Графъ ће пре, него маши, посшићи, да мы право имамо.“

Сынъ отиде у замакъ, и прїявисе Графыньи старой; уведу га у нѣну собу: и онъ метне кесу съ новцы на нѣнъ столъ,

и преповѣди їой, како є до нѣ дошао. Графыня га запыта: „а бы л' Вы новце те радо задржали?“ „Како бы їй задржали? бы ли могли мы тако непошпени быти!“ одговори *Салѣръ*. Графыня погледи га оштро, и ладно му рекне: „чуемъ, да оѣте изъ села да одлазите. Будући да си Ты тако пошпенъ младићь, шо бы рада была, да мени у службу дођешь. *Салѣръ* мане на то главомъ, и рекне: „све бы могао оставити, само не оца могъ.“ „А да бы я новце ове Твоме оцу поклонила?“ продужи Графыня. *Салѣръ* се зарумени и одговори їой: „Онда бы я врло срећанъ быо. Но не! добрый оче! „Но я моромъ и себи кору леба да заслужимъ! Слуга нећу да будемъ, та мени є име Салѣръ.“

На то упрчи *Юлїя* у собу. И видивши кесу съ новцы своїй рекне: „Знала самь, да ће тако быти. Ах! любезна майко!“ . .

Графыня пружи кесу Салѣру, и рекне му милостивымъ гласомъ: „узми! новцы ови єсу Твои; и ако їошть што устребуеше, додь'ше само мени!“ *Юлїя* є одъ радости скакала и викала: „О садъ ће Салѣри овде остати. Видишь Салѣру! нећеше сутра у ютру на гроблѣ ићи! Видишь!

Ніе

Ніе оно стакло вїна последнѣ было, кое є отацъ Твой искапїо! О! да знашь, како ми є мило, што сте Вы срећни!“ И съ тимъ рѣчима даде му кесу ону, стисне га за руку, и пожели му, срећанъ да буде. *Салѣръ* подье, и опетъ стане, ктеде нѣшто да рекне, и опетъ ућути. „Оћу! о оћу милостива Графыньо! проговори најпосле дркћућимъ гласомъ, оћу Вашымъ слугомъ быти: Вашымъ и Ваше кћери Графынѣ Юлїе!“

Графыня прійми га таки, и заповѣди му, да мало причека. Отиде къ Графу, и преповѣди му све сбывшесе. И Графу самомъ ражалисе, кадъ све чуе; и одпусти Салѣру савъ дугъ, а кромѣ тога поклони му и оны двеста лира у кеси.

Таки Сутраданъ додье младый *Салѣръ* у службу. Вѣранъ, учтивъ, сталанъ и простосрдечанъ будући ніе тако држанъ, као што су обычни и остали послужитељи држани были. Погледъ нѣговъ био є тако благороданъ и повелишеланъ, да є Графъ одъ два посла свагда већи нѣму налагао. Нико живый у кући ніе му онако сувопарно и на кратко заповѣдао, као што се осталымъ слугама заповѣда; блажи гласъ умекшавао му є заповѣсть, и увѣкъ су му

при-

причину казали, зашто му ово или оно налажу. Свакій є радо имао, да га *Салѣръ* у чемугодь послужи: штогодъ є онъ наручити илъ учинити имао, то є све уредно наручено и учинѣно было. Сви су знали, да є онъ своевольно слугомъ кодъ Графа постао, и зато су му сви крозъ прсти гледали, што се онъ само за слугу Графынѣ *Юліе* држао. Предъ нѣномъ собомъ сѣдіо є, за нѣны ледьи стояо є при трапези, на нѣнъ погледъ пазіо є непрестанно: свакій другій морао є чекати, кадъ се она само обазрела, да што заиште. И она сама ніе му заповѣдала, веће га є за свашто молила, видећи, да є онъ не као господьу већь као благодѣтельницу свою послужуе. Никадъ ніе мимо нѣга прошла, да кою рѣчь съ ньиме не проговори, никадъ, да га за оца нѣговогъ не запыта, или да му милостиве рѣчи неда. Понайвећу часть послова своіи налагала є она другомъ комъ слуги, но кадгодь є маленкости какве у соби своіой имала, да се сврше, гди бы и сама она быти морала, никадъ ніе смѣо другій ко то радити, но *Салѣръ*. Или кадгодь бы таква посла имала, гди се више послушанія, и више расмотренія изыскивало, нег обычно, свагда бы *Салѣра* къ таквымъ по-

пословыма употребљавала. Преко *Салђра* є милостынѣ свое по селу раздавала: *Салђр* є редове дрва по врту нѣномъ подкресавао; жижке къ освѣтленїю на дань родьенїя оца нѣногъ наредьивати морао, цвеће, кое є она имати ктела, брао; птицу їой раніо, и на кратко онъ є све радити морао, чимъ се она веселила: къ шиляну на другу страну, и къ доношеню какве ствари употребљавала є она другога. Све то чинила є она зато, што є благодарность нѣгову почитовала, и чувствованїе нѣгово, кога други имали нису, уважавала.

Салђр є чувствовао, да *Юлїя* съ њиме тако благо поступа, и више путїй нїе знао, како благодарность свою, како л' страопочитанїе свое да їой освѣдочи. Све є радїо, штогодь є ню увеселявало. Наймилїи нѣнъ цвѣтъ, драголюбъ, цвѣтао є цѣлу годину за ню: *Салђр* га є цѣле зиме у воспиталицу растѣнїя стакленомъ тако неговао, да га никадъ нестаяло нїе. Свако ютро нашла є *Юлїя* по єданъ драголюбъ на огледалу своме, а на данъ своґъ родьенїя цвѣтъ врло рѣдакъ, и цвѣтъ, кои є *Салђр* поднео. Наймилїя њоой сѣница одъ лишћа была є непрестанно густа и зелена: *Салђр* є сваку гусеницу и сваку бубу

попе-

попечително съ нѣ скинуо: около сѣнице те было є подножїе найблаговонніимъ цвѣћемъ посеяно. Сва челядь славиласу увѣкъ дань родьенїя *Юлїјна* тржественно, душа и срце и глава славе био є увѣкъ *Салѣръ*. И да є она Богъ зна шта зажелила ели само то у силама *Салѣровым'* было, то є веће учинѣно и испунѣно, пре, него што є *Юлїя* и помыслила, да є могуће, то да се учини: Єданъ путъ види она младу и цвѣтаюћу багрену, и рекне матери своїой: „о како бы миловала, да ми овакве две багрене предъ прозоры моїи стое!“ *Салѣръ* се зарумени, то чувшій, и нїе већь мира имао. Брже болѣ отрчи къ вртоградару, и нѣму предложи; да ноћу две цвѣтаюће багрене младой Графыньи предъ прозоре постави. Вртоградарь нїе съ почетка ктео, тогъ посла да се прїйми, и рекне му: „ багрене ће Салѣру! увенути, и осушитисе. “ „Тако ћемо їй съ земльомъ заедно ископати, “ одговори му *Салѣръ*, ништи є то немогуће, я ћу Ти у томъ помоћи, и помоћника толико наћи, коликогодь устребашь. “ И заиста надье помоћника довольно. Сви сеоски младићи скупесе ноћу у врту, и донесу съ собомъ подупираче (ћускїе) ужета и

ве-

велику бурадъ, коя се склапляу. Багрене обкопаю свуд' унаоколо, бурадъ около ньи склопе и спегну, подвальцыма издигну, и подъ *Юлїйине* прозоре отураю. *Салѣръ* є савъ одъ радости дркшао, видећи, да багрене предъ Юлїйины прозоры стое: вртоградарь га за руку спусне, и съ весељемъ му рекне: добро є! и врло добро! багрене ће цвѣтати, за то Ти я добаръ стонмъ." *Салѣръ* се на прстима у Юлїйину собу украде, прозоре отвори, цвѣтаюће гране багрене уредно савїе, и цвѣтиће одъ ньи у собу увуче; и цѣлу ноћь одъ радости не заспи.

Кадъ *Юлїя* у ютру устане, и у собу удье, предъ коїомъ су багрене стояле, а она, цвѣтове багренне видећи, *Салѣра* повикне, и неопоминюћисе ючерашнѣгъ своегъ желанїя, већь мыслећи, да є онъ само неколико грана на прозоръ нѣнъ привезао. Но кадъ къ прозору приступи, и цѣла дрва види, гди предъ прозоры стое, онда їой тек' падне на умъ, да їой се то юче зажелило было; и съ срдачнымъ благоволенїемъ рекне: „ о добрый Салѣру! " Одкине за тимъ єдну цвѣтаюћу гранчицу одъ багрене, и задене є за прси, да бы се тако

ко (їошть є мыслила, да є и то мало) добромъ Салѣру благодарна показала.

На то отвори враша преднѣ собе, и весело и гошово нѣжно осмеиваюћисе: „добро юшро Салѣру!“ рекне му. Овай се зарумени, грамчицу багрене за прсима їой видивши. *Юлїя* ніе по томъ ни рѣчи о свемъ томъ приключенїю съ ньимъ говорила, по свой прилицы, шшо їой женскїй успалъ (инсшинкшъ) не даде, да му оно рекне, шшо бы му радо рекла была, а шшо му ладно: „хвала Ти!“ рећи не кшеде. Но *Салѣру* є довольна награда была, шшо му є съ грамчицомъ багренномъ на прсима своима у собу ушла, и добро юшро! рекла. Онъ бы предъ ню на колѣна пао, и са шимъ свое сшраопочишаніе за шолику нѣну милосшь показао быо. Никако ніе могао, онай умиланъ погледъ, коимъ га є оно юшро погледала, да заборави; — никадъ ніе о ньой другчіе мыслїо, но све съ сшрукомъ онымъ багренне на прсима нѣнымъ.

И одъ шогъ доба умѣшаласе у чувсшвованїя ньина, коя су єдно къ другомъ имала, нѣка нѣжносшь. *Юлїйно* благоволеніекъ *Салѣру* посшало є чувсшителніе, и зашо се она боязльивіе съ ньиме

одсадъ

одсадЪ разговарала, шако, да є умлого случаева, гди му є найпре: „добрый СалѢру!“ рекла, сада само пріятельски и милостиво га погледала. ОдсадЪ га є вѣкь слабо кЪ себи дозывала, и слабо кадЪ, кадЪ бы друштва имала, налазила є за нѣга посла, само да не бы и друге служити морао. Нѣгово страопочитаніе кЪ ньой было є врло чувствително: онЪ е и черте лица нѣногЪ тако вѣкь изучіо быо, да є све, штогодь є она зажелила, пре, него бы изговорила, вѣкь учиніо и свршіо.

Но нек' не помысли читатель, да су се *СалѢрЪ* и *Юліа* любили. Истина, да є темель любве вѣкь положенЪ было. Но у *СалѢровомЪ* и найживлѣмЪ воображенію ніе ни образа было, кои бы боіомЪ любве начертанЪ быо. Све, што є радіо радіо є изЪ єдиногЪ страопочитанія слуге, сЪ чистымЪ доброжеланіемЪ кЪ своіой заповѣдницы. А одЪ нѣне стране было є све єдина доброта кЪ вѣрномЪ и услужномЪ слуги. Истина, да бы *СалѢру* и єданЪ єдиный ободрителный погледЪ доволянЪ быо, да му чувствованія шаки у любавь превратн: но такавЪ погледЪ ніе *Юлія* СалѢру никадЪ послала. Гдигодь се човекЪ и ужитку не нада, онде не има ни желанія никаквогЪ,

вогъ; и вображеніе є увѣкъ мртво, када погледъ пунъ любве, или примамльиванѣ, или и далня надежда свемогућство нѣно не побуде.

Салѣръ є сто путїй пожелїо было, „єй! да є Юлїя мушко, те бы поне любити могао“ А *Юлїя* є често своїой слушкиньи говорила: „о! да ме Ты тако любишь, као што ме Салѣръ люби, како бы срећни, како бы благополучни обое были!“ Кудъ ћешь веће свѣдочбе, да любве медьу ньима было ніе?

Салѣрова привржениость къ *Юлїи* постаяла є, како кои дань, већа и већа: Ладанъ споля, а савъ запламенѣнъ изнутра. „Онъ заслужуе болю срећу“ рекне она єданъ путъ оцу своме. Но отацъ їой пребацы, да *Салѣръ* ни читати ни писати незна. *Юлїя* пошлѣ Салѣра у кньиго-хранилище (библїотеку) свое, да їой кньигу неку донесе, но онъ не донесе ону, што є она закгевала. „Видишь, рекне му на то, како бы добро было, да добро читати знашь!“ *Салѣръ* поцрвени одъ стыда: и одъ тогъ доба престдїо бы по васъ данъ у соби, и пречитао бы, намѣраваюћи да другїй путъ Юлїй кньигу, кою бы зажелила, безъ погрѣшке, донесе. Често бы

га

га *Юлїя* съ осмеиванѣмъ погледала, кадъ бы читао. Єданъ путъ їой морао цѣлу єдну спрану кньиге некакве очитати, и *Юлїя* се удивила, како лѣпо чита. „Ахъ! кадъ бы знао їоштъ и писати Салѣру! рекне му она садъ милостиво. Онъ неодговори на то ни рѣчи, већь испьй данъ замоли Управишеля, да му писмена начерта, овай шо учини, и *Салѣръ* почне їй съ найусилѣннїимъ прудомъ преписывати, ибо є *Юлїя* зажелила; да онъ и писати зна. И већь после четрнайстъ дана донесе їой писанъ счетъ (рачунъ) о благодѣянїяма, коя є оногъ мѣсеца раздао. То є за дивно чудо Салѣру! рекне му она, шта бы могло одъ Тебе быти!“

Те Юлїйне рѣчи поджегу га їошт' већма, и онъ стане їошт' прилѣжніе читати и писати. Юлїйне кньиге, понайвише стїхови и романи, изобразилесу му єзыкъ тако, да є млого лѣпше говорїо. *Юлїя* му рекне єданъ путъ, да є наумила, да га учинъ какавъ стави. Но онъ ућути, и ни рѣчи на то не одговори: Заръ Ти не бы шо мило было?“ упыта га она. И онъ їой одговори, главомъ машући: „та онда не бы могао Вашъ слуга быти.“ Ты и неможешь на вѣки слугомъ остати.“ Но я

што желимъ“ одговори їой *Салѣръ*. „Добрый Салѣру! коме не бы мило было видити, да га тако любе!“ Одъ тогъ доба ніе му ни рѣчи о намѣренію своемъ рекла.

У то време додье Маркизъ *Гривалъ* у кућу Графа Ормесана, и упознасе. И како є *Юлїю* видїо, одма се у ню залюбїо: и родительи нѣгови заключилису были одавна, да се *Гривалъ* са *Юлїомъ* сачета, ако срца ньина само єдно друго узлюбе. *Гривалъ* є и было младиѣь врло прїятанъ, и задржаваосе дуго у Паризу; и тако є нрави свое изобразїо, но и срца непокварена остао. Знаюћи, шта фамілія нѣгова жели, почне се таки трудити, да любавь Юлїйну придобые. Нѣгова лѣпота, нѣгово страпочитаніе и нѣгова нѣжна любавь мораласу за кратко време и *Юлїю* плѣнити, тако, да се она у нѣга залюби. И съ сладкимъ сузама исповѣди му, на срце му падши, шта къ нѣму чувствуе. Цѣо мѣсецъ оставїо є Графъ *Ормесанъ* обоима времена, да тайну свою уживаю; но за тимъ почне їй настериваши, да Маркизъ Юлїю тржествено проси. Маркизъ што учини, и Юлїя буде садъ нѣгова невѣста. Бракосачетаніе одложе за тимъ дотле,

докъ

док' се процесъ не сврши, кои є Фамїлїя Маркизова съ некимъ водила. И тако є Маркизъ почесто къ Юлїи долазїо, и по-цѣле мѣсеце съ ньоме и съ Фамїлїомъ нѣ-номъ проводїо.

Салѣръ нашъ радоваосе шакодье, и желїо є да бы *Юлїя* любвомъ своїомъ срећ-на была. Зато се и привеже садъ срдечно и Маркизу Гривалу, будућемъ Юлїйномъ супругу, и, као што се надао, своме бу-дућемъ Господару. Надежду свою; даће и онда у Юлїйной служби быти, када она за Гривала подье, исповѣдїо є и самомъ Гри-валу. И овай му съ драгомъ вольомъ обе-ћа, да ће га у службу пріймити. И у сва-чемъ показывао му є уважаванѣ, кое є Са-лѣръ заслуживао, и кое є честолюбїю нѣ-говомъ потребно было.

Салѣръ є све више и више любимцемъ цѣле Ормеса: нове куће постаяти почео. Особито му се случай некїй дао, кои є бу-дућой нѣговой судбини првый правацъ дао, и кои є чувствованія срца нѣговогъ на опре-дѣлѣнъ конацъ водїо. *Юлїя* падне єданъ путъ, и рани ногу єдну. Невѣшшъ некїй Сеоскїй Хїрургъ ктео є, да є лѣчи: но лаж-льиви лѣкови рану већма позледи, тако, да є Юлїю нога болети почела, и да є и грозн-

ница напала. Їошть є Хїрургъ тай весео быо; и *Юлїя* є болѣтицу свою прѣкупила, нит' є рѣчи о томъ говорила, да се рана позледила, да бы само нѣга тимъ пошпедила, и нѣму веселя не прекидала, да є онъ ню излѣчїо. Тако продье неколико дана. И садъ тек' почне Хїрургъ, кои ни рану чисто држати нїе знао, главомъ вртипи. Стане онда едину свою киьигу, кою є имао, премештати, и по ньой му се учини, да є нога Юлїйна такозовомымъ ладнымъ жаромъ поражена. И съ тимъ страшнымъ вображенїемъ додье къ ньима, отвори завой, и уздркѣесе савъ, и поблѣди, видећи, да є рана поцрнила. Шта Вамъ є?" упыта га *Юлїя* дркѣући. „О! како самь несрећанъ! ладанъ жаръ! ладанъ жаръ появїосе на нози!" *Юлїя* побледи, и у страу повикне: „тако ћу морати умрети?" Слушкиня нѣна утрчи къ оцу у собу, и съ врата му повикне: „брже у помоћь! у помоћь! ладанъ жаръ! и Графыня ће морат' умрети!"

Сва се кућа узбуни. Сви преблѣде одъ страа. Отацъ, мати и Гривалъ, сви потрче къ *Юлїи*: за ньима скупесе и слуге, и у среди ньи блѣд' и дркѣућій *Салѣръ*. *Юлїя* нїе готово ни дысала, тако се пре-

стра-

страшила была. Лѣкарь падне предъ Графа на колѣна, почне га увѣраваши, да онъ томе кривъ нïе, и да никаквогъ другогъ средства не има, коимъ бы Юлïю одъ смрти спасти могли, но да їой ногу одсѣку. „Но вѣкь бы требало, садъ да се сѣче! гледайте сами! сва рана, сва поцрнила, као мой шешïръ!“ *Гривалъ* падне у несвѣсть на постелю Юлïйну, и отацъ руке одъ очаянïя склапляше. Но найпосле: „у Каваиллонъ у Каваиллонъ!“ повикне, и у найвѣћемъ очаянïю на столицу єдну посрне, видећи, да нïе могуће, садъ у Каваиллонъ прећи. — Каваиллонъ бïо є найближïи градъ, гди вѣштъ и искусанъ лѣкаръ пребываше. Градъ тай лежао є съ оне стране рѣке Сорга, рѣке истина малене, но и такве, коя често одвѣкь нарасти, и тако брза постае, да све мостове одкида, и да нико преко нѣ прећи неможе. Тек' што Графъ *Ормесанъ* име града Каваилона изрекне, а Маркизъ *Гривалъ*, *Салѣръ* и єдна часть слугу наполѣ поити. *Гривалъ* усѣдне таки коня; и у трк' кЪ брегу брзе рѣке Сорга. *Салѣръ* додье такодье за ньимъ тамо, и остали слуге ишлису.

Медьу тимъ є остао отацъ кодъ Юлïе, коя се за неколико мïнута опетъ о-

свѣстила, онъ є тѣшаше, и помоћь їой обећаваше, особито, кадъ види, да є *Гривалъ* къ брегу рѣке Сорга опрчао. „О! да є, вели, съ оне стране већь!“ *Юлїя*, то чувши, собствену свою бѣду заборави, на ону помысливши, у кою є любезникъ нѣнъ улетіо. Зато даде себе къ прозору однети, съ когъ се рѣка прегледати може. *Гривалъ* приспѣ къ брегу, и стане, но опетъ почне дужъ рѣке яшити, и мѣсто тражити, гди бы найболѣ прећи могао. Усудисе, и у воду съ конѣмъ загази, но конь се успне, и далѣ ићи не кћеде.

Юлїя се сгрози, и Гривалу рукомъ мане, да се враши, и по имену га викне, и не мысливши, да є шако далеко чути не може. „О Боже! повикне, како ме люби Гривалъ! Садъ не бранимъ, умрети!“ У истый ма приспѣю и слуге къ брегу, и *Салѣръ* съ ньима. Страшно є было видити, како се Соргъ рѣка пѣнушећисе, и урлаюћи высоко шаласаше, велика дрва съ собомъ изъ корена истрзаваше, и часъ гране, а часъ коренѣ ньимо у высъ избацаше, како л' цѣле стѣне одъ воклыза съ громовитымъ трескомъ предъ собомъ валяше. „Ахъ! повикне отацъ, одъ самогъ угледа устрашенъ, ша то ніе за животъ главе

могу-

могуће!“ и устый ма скочи *Салѣръ* у рѣку. „Салѣру! о Салѣру!“ повикне *Юлїя*, сва одъ стра преблѣдивши, и више га не видивши. „О Салѣру! вѣрна душо!“ съ дркћућимъ уснама изрекне.

По некомъ времену изидье вѣрный *Салѣръ* на другомъ брегу наполѣ, и одлети пушемъ къ Каваилону, као да є одъ саме смрти бѣгао. Но Каваилонъ є и быо єдино мѣсто, кудъ су по Лѣкара послати могли. „О Юлїо! Юлїо повикне отацъ, садъ се не сумнямъ, да ти неће помоћь доћи! Єдино чудо само спасло є Салѣра. Ошудъ видимъ, да Богъ оће, Тебе да ми сачува.“ — А како ће лѣкарь на ову страну преће, о томъ ни мыслили нису, ибо є рѣдко рѣка СоргЪ дуже одъ неколико часова бѣснила, будући да є источникъ нѣнъ близу быо.

Но *Гривалъ* вратисе натрагъ, самъ на себе єдећисе, што є онако страшльивъ быо, те преко рѣке не предье. *Юлїя* загрли га съ сузама радосныма, и онъ є по сто путїй увѣравао, да бы за ню радо умрео. Отацъ учини медьу тимъ наредбе, да лѣкарь предье, кадъ къ брегу додье. Предъ вече упазе кола нека путемъ одъ Каваилона, и сви полете на прозоръ. Рѣка

є и садъ еднако бѣснила, но вѣкъ є найвѣћа буря прошла была. *Салѣръ*, когъ су шаки познали, ишао є вѣкъ съ лѣкаромъ къ брегу рѣке, и слуге Ормессанови претераю съ великимъ трудомъ чунъ єданъ на ону страну. Лѣкарь къ брегу дошедшій, не кћеде, ниошто, у чунъ да удье. Слуге обколу га, и стану га молити, да брже у помоћь иде. Но лѣкарь ни подъ кои начинъ не кћеде, у чунъ да удье, и *Салѣръ* клекне предъ ньимъ на колѣна. *Юлїя* шо видећи, заплачесе, и рекне; „О Боже; кадъ бы се само намолити дао, да ме спасе!“ Лѣкарь недадесе никако ни осолити, нити у чунъ ући кћеде, да, и къ колима натрагъ подье. Вѣкъ и ногу на потегу метне, а *Салѣръ* се разяри, счепа га около пояса, и донесе га у чунъ, и овай шаки отисну. Лѣкарь клечаше на колѣны, и преправляшесе вѣкъ къ смрши. *Салѣръ* стояше у чуну, и вѣшто га крозъ дрва и сшѣне прокормани, И срећно додьу на ову страну, и изидьу наполѣ. Лѣкарь савъ разлюћенъ удари *Салѣра* палицомъ, *Салѣръ*, дручїе одвећь честолюбивъ, дадесе, ше га Лѣкарь више путїй одудари, но непрестанно га къ селу вући стане.

Сви-

Сви изидьу лѣкару на сусретъ, овай псоваше и викаше непрестанно, и узъ саме степене идуѣи. „Само айдете Господине! и помозите, рекне му *Салѣръ*, па ме после бійте, коликогодь Вамъ є воля.“ Ушедшій у собу, запыта намгодьенъ: „гди є болесница?“ *Юлія* му покаже ногу, и онъ скине завой са нѣ. „О Господине! упыта га маши крозъ плачь, оѣе л' быт' спасена? Оѣете л' іой морат' ногу сѣѣи?“ Лѣкарь маше главомъ и опере рану, и прегледа. Сви у соби заустезаусе да не врисну плакати гледаюѣи, како онъ главомъ маше. Найпосле насмеесе Лѣкарь гроотомъ, и рекне: „я и овай необузданый будала (на *Салѣра* показуюѣи) были смо већь у смртной бѣди; а — Графыня ѣе се за два дана излѣчити, тако, да ни прста на нози изгубити неѣе! — Сви загрле садъ Лѣкара, и стану се радовати чрезмѣрно. Преповѣде му све, шта є сеоскій Лѣкарь радіо, онъ га даде дозвати, и испсуе га, опоменувшій га, да другій путъ незнанѣмъ своимъ люде у толику опасность непоставля!

Слуге изидьу садъ на полѣ. У страу, и у клику радости былису *Салѣра* и заборавили: само *Юлія* погледала га є ви-

ше путїй пріятельски, и тїи погледи былису му найбогатїя награда. КадЪ кликЪ радости векь престане, а првомЪ Маркизу Гривалу *Салѣръ* на умЪ падне, и онЪ чувствованїемЪ тронутЪ повикне - „Салѣру! вѣрный и великодушный младићу! Нико да ми не каже, да сирома нїе способанЪ, и великодушнымЪ быти! Може! о може! само што мы незнамо, великодушїе то и да наградимо!“ — Изидье таки изЪ собе, надье Салѣра, и стисне га за руку, рекшїй му: „благодаримЪ Ти на правомЪ твомЪ благодушїю! — Ослонисе на мое пріятельство, и узми ову кесу новаца!“ —

Салѣръ отури кесу, и намргодисе. „ЗарЪ се животЪ мой одговори Гривалу, новцемЪ купити може. Я самь довольно са тимЪ наградьенЪ, што самЪ у себи знамЪ, да самь Графыню ктео да спасемЪ.“ И ОтацЪ ЮлїйнЪ давао му є новаца, но и овоме кесу сЪ новцы одтури, и намрштисе.

СупраданЪ у ютру донесе Юлїи кафу у собу. Она є їоштЪ у постельи была, будући да є одЪ тешки чувствованїя, коя су є юче прешла, са свимЪ ослабила. Ћутећи метне кафу на постелю, и сгрозисе, босћисе, да му и она неће ктети новаца за награду да даде. Но *Юлїя* видећи, да никако неће,

да

очію да подигне, рекне му умиляпо: „Салѣру! и уваши га за руку. Салѣръ стане садъ їошт' вешма дрктати, уваши и онъ ню за руку, и полюби є. „Салѣру! продужи она далѣ, „Ты си благородночувствителанъ човекъ! Врло бы ми жао было, да си могао сбогъ мене и главу изгубити. Знамъ, да се Ты томе радуешь, што я нисамь више у погибели, но желила бы, добрый Салѣру!.. желила бы заиста, да є бѣда, у коїой самь я плывала, млого века была, да бы се само Ты томе вешма радовати могао, да си ме нѣ избавїо!... Не могу Те ни съ чимъ више, продужи далѣ, наградити, вешь увѣраваюћи Те, да Те милуемъ, и да се срећи Твоїой радуемъ. О да бы Богъ дао, да време додье, да Ти то єданъ путъ и освѣдочимъ;“

„Само учините, одговори *Салѣръ* полагана, да кодъ Васъ остати смѣмъ.“

„То? и само то ожешь? рекне му пріятельски осменваюћисе. Тако ће и быти! Ты ћешь кодъ мене допле, допле остати, док'годъ я узживимъ. Заиста Салѣру! врло, и одвешь врло Те милуемъ!“ Сузе чешће потеку їой низъ лице, и єдва ове речи: „успи ми єдну чашу кафе!“ изрекне, шако є чувствованїе надвладало.

Са-

Салѣръ то дрктаюћимъ рукама учини, и ни рѣчи проговорити не могшїй изъ собе изидье. Онъ є одъ *Юлїе* довольно, ахъ довольно наградьенъ быо, нїе му и она новаца поднела.

У тай часъ помысли *Юлїя* на Гривала, и недопадне їойсс, зашто да онъ манѣ ньой учини одъ Салѣра. То є Гривалу и преговорила, шалећисе съ ньимъ. Но великодушїе Салѣрово удубило їой се више и више у главу. Радоваласе яко, што є онъ желїо, да кодъ нѣ остане. И любавь къ Маркизу Гривалу угушила є зло впечатлѣнїе, кое є у ньой постаяло, кадъ бы Салѣра са Гриваломъ сравнила, шта їой онай учинїо, шпал' є овой требало, да учини. И любезника своѓъ опетъ грлећи, и Салѣра видьаюћи, была є доста и довольно срећна.

У *Салѣра* пакъ узело є вображенїе другїй путъ. Слуге Графови говорилису млого о томъ приключенїю. Кадъ си Ты у воду, говораше му єданъ, скочїо, я самь мыслїо, да є шо Маркизъ, и повикао-самь ахъ Боже! садъ су заручницы пропали! садъ су заручницы пропали! Но ловацъ повикне: „ „ о бѣдный Салѣру! " " и садъ тек' видимъ Маркиза, гди сувъ

на

на брегу їошть стояше. “ „ Право да Ти рекнемъ: млого є приличнїе было, да Маркизъ у воду скочи, него што си Ты скочїо. Салѣру! Юлїя є само Твоя Господьа, и Ты си скочїо за ню у смртъ. Да шта бы їошть за Твою невѣсту учинїо? “

„ Може быти, одговори *Салѣръ*, да бы се онда предомышлявао. Чини ми се, да то, што самь учинїо, ни за когъ другогъ учинити не бы могао, вєкь за добру нашу Графыню. “

„ Добро! добро! продужи ловацъ бесѣду. Но да є Графыня Твоя невѣста была! А да си Ты, на мѣсто Гривалово, нѣнъ заручникъ бло! “

„ Да є Графыня Юлїя моя невѣста была! да є она то была, о онда бы, говораше *Салѣръ*, за ню и у самъ пакао скочїо. “

„ Та! зато и велимъ я Салѣру! рекне му на то ловацъ, зато да, да Маркизъ Гривалъ ни половиномъ тако Юлїю не милуе, као што бы є Ты миловао, да є Твоя невѣста. “

Салѣръ се на то окрене, и повтори: „ да є она Твоя невѣста? “ Садъ представи онъ себи Юлїю у ономъ одѣлу,

кадъ

кадЪ му є оно єданЪ путЪ сЪ граномЪ багрене на своимЪ прсима добро ютро! рекла. Но таки опетЪ исчезне му образЪ тай, и Юлія му се покаже опетЪ као Графыня, и као Господьа гѣгова, као муня каква само изишао є образЪ тай предЪ нѣга, и као муня опетЪ исчезнуо є испредЪ нѣга; ни найманя надежда ніе могла да га заустави, и любавь нѣгова растопила се у истый ма, кадЪ є постала. — Но са шимЪ више стане онЪ о Маркизу Гривалу мыслити. „ Ніе! ніе могуће, повикне изванЪ себе, да є онЪ люби; та и онЪ не бы видіо, да таласи бѣсне, као што ни я нисамь видіо. ОнЪ є не люби, и Юлія ће быти сЪ ньимЪ несрећна! “ Ніе истина никакве надежде имао, да ће є икадЪ добыти, но — ни ГривалЪ ніе му нѣ достоянЪ быо. ТаманЪ облакЪ навлачіо му се на чело, кадЪ бы ГривалЪ Юлію загрліо, и увѣкЪ бы се намргодіо, кадгодь бы чуо, да іой о любви своіой говори.

Какогодь што є Юлію за несрећну држао, тако є и то чувствовао, да є онЪ срцемЪ своимЪ нѣ више достоянЪ, нег' ГривалЪ, и да бы онЪ увѣкЪ за ню више чиниши могао, него ГривалЪ. И одЪ

могЪ

тогъ доба почне онъ Гривалу завидити, нико другїй не бы требало, Юлїю да люби, и Юлїю да притежава, вєкь кои бы све нє ради учинити могао. На себе нїе га умъ ни водїо. И любавь облада срце нєгово особитымъ путемъ.

Салєръ є и онако рѣдко весео быо, а садъ му се права жалость на челу видьаше. *Юлїя* примѣти то наскоро. Она є често видьала, да се онъ у ню загледао, и то као нешто мрачно и млого знашно. Прва нєгова пріятелность къ Гривалу почела є вєкь ладнїомъ постаяти. Єданъ путъ га запыта она, шта му є, а онъ їой заплєтући єзыкомъ нешто одговори, и самъ нїе знао, шта. Найпосле га упыта: „ да Те нисамь я Салєру! што увредила? “ „ Вы, Вы мене увредили, одговори онъ, Вы, коя сте тако добра, тако блага! “ Очи му се при тимъ рѣчима засвѣтле, и руку метне на срце, савъ тронутъ.

„ Сирома Салєръ! помысли *Юлїя*, онъ нїе срєћанъ. “ Шта нїе о нєму мыслила, каколи се нїе трудила, да причину изнадье, шта є Салєру; но нїе найпосле ни сама ктела, дублє да испытуе, неотпєћи, да причину ту изнадье, и на Салєра се, може быши, разяри.

Ни-

Нико другїй у куħи нїе се о томъ бринуо, до самогъ *Салѣра* и *Юлїе.* Сви остали бринулисусе онда о страшной буни у Французской, коя є ову опустошавала, и коя є родъ човечїи толико крви стала. Революцїа се веħь подпалила, Краль (Лудовикъ XVI.) є быо уваħенъ, и стара Монархїа была є републикомъ проглашена. Садъ є веħь найвеħимъ позорищемъ крававы глава южна Французска была. Авиньонъ, Єзъ, Марзель ималису веħь убїйце свое, кои довольно жертва по градовы не нашавши, садъ и по селы задьу, и убіяти и плѣнити стану.

Графъ *Ормессанъ* быо є у предѣлу ономъ као найвеħїи любитель отечества познанъ, онъ є найвеħе жертве нѣму принео. Но садъ му додье изъ Марзеля писмо, и яви му, да и нѣгово име у списку осудьенника уписано стои. Гласъ тай узнемири га, и Маркизъ *Гривалъ* даде му савѣтъ, да съ фамілїомъ своїомъ у Италїю бѣга. Но строги, противъ изселѣнника издани, закони задржавалису Грофа, о ъ тога: „неħу! не! одговори онъ, старъ самь, не могу да дркħемъ, а поноситъ, немогу да просячимъ. Нек' ме убїю! смрть моя у-

чи.

чиниће, те ће моїой фамїлїи мое иманѣ остати, “

Сирота *Юлїя* почне плакати, вѣкь є вображавала, како и она и родителъи нѣни подъ мачемъ убійца оны умиру. Зато почне оца преклинятти, да се спасе. Нико ніе Графа више молїо, да бѣга, но *Салѣръ*, и нико ніе мужественнїи было одъ нѣга, да є ктео Графъ да не бѣга. „Доклегодь капь крви у мени текла буде, дотле неће, увѣравамъ Васъ Графынью! нико у оца Вашегъ ни дирнути, то Вамъ се завѣтуемъ,“ рекне їой *Салѣръ*.

Онъ є и было єдиный, кои се о свему старао. Онъ є по селу ишао, и съ селяны о благодѣянїяма, и о човечеству Юлїйномъ говорїо. Онъ имъ є казао, да ће убійце доћи да Графа убію; онъ имъ є мужество уливао, и гдикое незадовольнике надговорао, како бы само зубъ помолили. И отацъ нѣговъ, старый *Салѣръ*, помагао му є у томъ, и Графъ *Ормессанъ* радоваосе садъ тек', што га ніе изъ села оправїо.

Глува, безмлвна и жалосна нека тишина царствовала є садъ у Ормессановой Фамілїи. Маркизъ *Гривалъ* увѣравао є *Юлїю* често, да бы за ню умрео, и она бы га за награду, онда загрлила. Но ве

ће

ће се посланницы убїйца у Село Графово увуку, и слова говорити почну, да селяне на Графа подигну. Дуго време осуећавао є *Салѣръ*, сЪ оцемЪ своимЪ, труде злодѣя ши: но найпосле опетЪ побуне ови неколико селяна, коима су обећавали, да ће доста грабежа быти. Веђ су почели гдикои Ормессана мучителѣмЪ (тїранномЪ) называти; селяни се посвадьаю медьу собомЪ, и обстоятелства Ормессанова наоблачесе. Найпосле почну се посланницы убїйца радосно смеяти, знаюћи, да ће кровопїйце Авиньонски скорымЪ временомЪ амо доћи.

Салѣръ прокуша іошть єданЪ путЪ срећу, не бы л' како селяне у слоги одржати могао, но ови се посвадьаю опетЪ, и єданЪ одЪ посланника оны потргне мачь на Салѣра, и бы му главу разцѣпао, да ніе пїянЪ быо. *Салѣръ* тресне га о землю, и замоли друге поштене селяне у помоћь; но и ови богме стану изговарати-се, и кудЪ кои може, измицати. Мачь га є мало окрзнуо быо, зато отиде кући.

Ормессанъ изидье предЪ нѣга. „ Шта Ти є Салѣру? " упыта га. „ Мени ніе ништа Господине! но Селяни починю веђ

коле-

колебатисе. Крвопійце обладьую вєкь. Васъ гледаю, да смакну. И то пре, нег' што Вы мыслите. Молимъ Васъ Господине! спас'те кћерь Вашу и Супругу. Ни єданъ часъ неможете вєкь безбѣдни быти. "
„ Но кудъ знамъ бѣгати? кудъ Салѣру? "
„ Єво намъ Господине! одговори *Салѣръ*, два пута, єданъ къ истоку, у планину, па крозъ Ницу у Италію; а другїй преко рѣке Роне у Изъ, гди є їошть све на миру. "

Салѣръ є то велєгласно говорїо тако, да є сва Фамїлія рѣчи те саслушала. Сви се на то стрче, и сви съ ньимъ заедно почну Графа молити, да бѣга. „ Та я немамъ, рекне имъ Графъ, одъ Началства Авиньонскогъ свидѣтелства, могъ отечествољубїя! " *Салѣръ* слегне рамены, и погледи на небо. Медьу тимъ додье имъ *старый Салѣръ*, и дркћући рекне имъ: „ Молимъ Васъ, гледайте, те се брже уклоняйте! ако то не учините, то ћете їошть ову ноћь погублѣни быти. Чета крвожедны людїй доћиће їошть ово вече амо: и замакъ ће обколити, да не бы Вы како избећи могли. Я ћу садъ ошићи, да не бы у какво подозрѣніе дошли. А Ты Якове! Ты ћешь остати кодъ ньи? —

Сынъ

Сынъ му одговори, да ће остати — тако съ Богомъ сынко! я ћу све радити, штогодь узмогу! “

Садъ већь ніе ни *Графу* до стояня было: „ако знашь, рекне Салѣру, коимъ се начиномъ спасти можемо, а Ты насъ спаси! “ *Салѣръ*, на то ништа неодговорившій стрчи доле, забрави врата, и заглави їй гредама и каменѣмъ. Иза куће є текла рѣка Дырансъ, но по ньой є у селу мостъ (ћупрія) быо. *Салѣръ* одреши све псе, и постави неколико слугу узъ зидъ, и наложи имъ, да кадкадъ изъ пушака опалюю, а дверій (капіе) неотвораю. Самъ пакъ упрти кое раану, кое мало готовы новаца, и све драго каменѣ. Па онда изведе устрашену Ормессанову фамілію крозъ вртъ къ плишкой Дырансн, и рекне имъ: овудъ морамо ићи! само се ништ' не бойте! “ Обуваши *Юлїю*, подигне є, и преко воде пренесе. За шимъ пренесе и Графыню, матерь Юлійну: а за ньомъ Графа, найпосле и Маркиза Гривала, заручника нѣногъ. Већь се смркло было, и онъ пренесе и савъ прплягъ преко воде, и подѣли медьу ньи три мужа. Тек' што прплягъ пренесе, а оно чую за собомъ страшну вику, и множе-

ство

ство пушака, гди пуцаю, и лупу на дверима замка. „Єто вєкь убійца!“ повикне *Юлїя*, и загрли Салѣра. „Не бойшесе ништа!“ одговори їой *Салѣръ*, и прижисне є кЪ себи.

Брже болѣ у шушань єданЪ отрче. И *Салѣръ* зажеже свой заслѣпный жижакЪ (Blendlaterne), отвори великїй прплягЪ, и даде свима ньима селянско и просто одѣло, да се преобуку. Ньико пакЪ сакрые у шуплѣ єдно дрво, и подье сЪ жижкомЪ оньимЪ далѣ. „А кудЪ насЪ водишь Салѣру!“ упыта га *Гривалъ*. — „У безбѣдность“ одговори му *Салѣръ* ладно. *Гривалъ* почне їй натеривати, да у мѣсто Дижеръ иду, гди онЪ сродника има. Но *Салѣръ* му одговори: „тамо не има безбѣдности за ВасЪ, но кудЪ ВасЪ я водимЪ, тамо ћете є заиста наћи.“ *Гривалъ* прешапће Юлїи: „ніе нимало разумно, да се чесности и поштеню простогЪ човека повѣравамо.“ „О! одговори му *Юлїя*, животомЪ моимЪ стоимЪ я за чесность нѣгову добра.“

Жалосни и ћутећи идяу сви далѣ. На раскршћу єдномЪ стане *Салѣръ*, накашлѣсе, и добые одЪ нѣкога одговорЪ. Младићь єданЪ изЪ села яви му, да су крво-

пій-

пійце већь дошли. „ОтацЪ Твой, веляше му, уваженъ є: и оће да га убїю, ако се Ты невратишь, и некажешь, гди ГрафЪ *Ормессанъ* пребыва. ЗамакЪ є већь оплћенЪ. И осудьенїе Графа на смрть донелису са собомЪ, началство града Марзеля подписало га є.“ — „О мой оче!“ повикне *СалѣрЪ* у изумлћнїю СЪ оне стране виде буктынћ по полю. „Видишь, како ВасЪ праже, рекне младићь онай, овамо неће доћи, ибо на мосту стое люди, а да се кодЪ врта превести могу, то нико не зна. Но брже, шта ћу Ти оцу казати?“

„Кажи му . . . кажи му . . . да ћу га спасли, како само Графыню Юлїю избавимЪ, одговори му *СалѣрЪ*. Айдете само брже да идемо.“

МаркизЪ *Гривалъ* ишао є сЪ ГрафомЪ за ньима. „Мы повћравамо, вели нашЪ животЪ човеку, кои оца своегЪ спасти може, ако насЪ одда?“ Но ГрафЪ му одговори: „Маркизу! онЪ є већь єданЪ путЪ ЮлїйнЪ животЪ спасао, коме бы болћ могао вћроватн, нег' нћму?“

СалѣрЪ тераше їй, да се попаште, буктынћ по полю почеше се већь приближивати. Већь су преко моста прешле,

већь

већь су бѣгунцы наши и гласове разликовати могли, кои су єданъ другогъ дозывали. Бѣгунцы се устраше, и Маркизъ га запыта: „Но кажи ми, молимъ Те Салѣру! на чему ее оснива та наша безбѣдность?“ „На мени,“ одговори му *Салѣръ*.

Вика по полю долазаше ближе и ближе. *Салѣръ* стане, и рекне Гривалу: „не бы л' ктели, да буктынѣ оне мало смете-ше? Идите овуд' покрай потока, докле иза буктыня не будете: па онда повичите: амо! амо браћо! да живи република! Тако ће те буктынѣ оне смести, и оне ће преко потока прећи, а тимъ начиномъ поћиће оне къ Дижеру, са тимъ ће се другимъ путемъ одъ насъ удальити. Мы ћемо іошт' єданъ часъ на потоку овомъ остати: и гди потакъ овай спада, тамо ћемо на Авиньонскій друмъ наићи, и ньимъ ћемо ићи. Вы дођите тамо къ нама, и тамо ћемо се састати, не можете насъ никако промашити. Я моромъ пртлягъ да носимъ, и водьомъ да будемъ.“ *Гривалъ* се устезаше не што, и некћеде, тамо да иде, а да ме, вели, они потераю, ил' уваће! заиста ми велико дѣло налажешь, и дѣло одвећь пагубно!“ „Юлїю да избавите!“ одговори му *Салѣръ*. Сбацы пртляге, по-

каже Графу путъ, и самъ къ потоку се врати. Гривалъ понесе єданъ пушлягъ, а другїй узме Графъ, и подьу далѣ, но у вѣкемъ страу, нег' найпре, садъ имъ нїе Салѣра съ ньима было. Найпосле чую, гди неколико пиштоля пукну, и виде, да буктынѣ са свимъ другимъ путемъ одлазау, и све на єдномъ мѣсту изчезоше. *Салѣръ* є намѣреніе свое са свимъ докучїо; и после єдногъ часа савъ уморенъ опеть къ ньима додье, *Юлїя* нїе кшела брзо да иде, да бы їй само добрый Салѣръ пре стигао.

Садъ додьу странствовательи наши до некогъ села, гди є некакавъ Гривалювъ пріятель, бывшїй землѣдржацъ, пребывао. *Салѣръ* сврне таки съ друма, како жижке націоналне гарде опази, коя є на улазку села стражу чувала; и пасоше прегледала. Маркизъ *Гривалъ* стане їй принудьивати, да крозъ некакве вртоге у село къ пріятелю нѣговомъ иду. „Па да насъ издаше?“ рекне му *Салѣръ* намрштенъ. „Издамъ?“ одговори му Маркизъ, заръ си само Ты човекъ, кои си мужественъ?“ „Не! Боже сачувай! рекне му *Салѣръ*, но я познаемъ обсщоятелства болѣ одъ Васъ!“ Маркизъ стане съ ньимъ свадьаписе, и заиста и Ормессанова фамїлія буде нѣговогъ мнѣнія.

И

И тако заключе сьи, да крозъ вртове у село удьу, и поне два коня за жене добыю. *Салѣръ* приволисе найпосле и томе, но Маркизъ и онъ моралису напредъ ићи, а Графъ морао є съ женама полагано за ньима ићи. *Салѣръ* имъ є и то казао, кудъ бы се уклонити морали, ако вику какву чую.

Маркизъ и *Салѣръ* приближесе садъ полагано чбуну. Но двоица повикну на ньи: „ко є?“ Маркизъ є ћутїо, а *Салѣръ* имъ одговори: „отечествољубцы, кон су путъ заншли.“ „Овамо! овамо! дайте пасоше, да видимо, проговори єданъ гласъ. — „Брже напрагъ!“ прешапће Маркизъ дркћући. „Не! нипошто, одговори *Салѣръ*, тако ћемо Графа оддати.“ Но Маркизъ већь утекне. „Гарде! повикне гласъ онай, амо! амо! ево непріятеля отечества! ево изселћника! устайте на оружїе!“ Маркизъ побѣгне къ Графу. *Салѣръ* идяше полагано странпутице, и велегласно са два гласа говораше. Гардисте за ньимъ подьу, и онъ ій далеко заведе, а после се странпутицама напрагъ къ Графу врати. „А зашт' нисн за мномъ ишао?“ упыта га Маркизъ. „Зато, да не бы Гардисте на Графа наишли. Садъ насъ праже путемъ, коимъ смо дошли.

Попаштимосе! Таки ћемо у безбѣдно мѣсто доћи.“ „О добрый! добрый Салѣру! рекне му *Юлїя* чувствително, и стисне га за руку. Маркизъ *Гривалъ* идяше незадовољанъ далѣ.

Съ зоромъ наидьу, съ пута на лѣво къ рѣцы Соргиру скренувше, на четыри націонална гардисте. кои, су кодъ шушня єдногъ сѣдили, и друмъ чували. „Стан'те! повикну, одкудъ идете?“ — Самъ *Салѣръ*, неустрашенъ, одговори имъ спокойно: „Мы смо изъ Систерона! и отечествољубцы, одъ кралѣвника истерани. Идемо у Авиньонъ, да имъ се освенимо: дьаво, нек' носи кралѣвнике!“ — „Покажите пасоше Ваше!“ — Пасоше браће! Благодаримо Богу, што главе изнесосмо: а у Авиньону ћемо пасоше добыти!“

Єданъ одъ Гардиста счепа Графа Ормессана, и продересе на нѣга: „Тако морате у Авиньонъ да идете, а не чини ми се да сте селяни? Шта Вамъ є то? шта? дајте де видимо! — Но *Салѣръ* истргне єдномъ одъ ньи мачь изъ корица, а другога прободе, тако, да є таки пао. Кадъ остала двоица свое мачеве повуку, а *Салѣръ* повикне Графу: „онымъ путемъ бѣжите!“ — *Юлїя* и маши отрче путемъ

пимъ

шимъ, и Графъ за ньима. Еданъ одъ Гардиста удари Салѣра палицомъ по глави, но *Салѣръ* є маао мачемъ око себе као лавъ. Другїй Гардиста подье на нѣга, а остала двоица ударе на Маркиза Гривала. Но овай нада бѣгати, и управо къ Графу бѣгаше, Гардисте даду се за ньимъ, и єданъ опали пушкомъ на нѣга. Графъ падне у несвѣсть, и єданъ одъ Гардиста повикне: „ та уби тогъ старогъ пса “ но опетъ зато отрчи далѣ. У истый ма долеши *Салѣръ*, као стрѣла, и єданъ Гардиста у тркъ за ньимъ. „ Потрати! “ повикне на ньи, и убїе єдногъ одъ ньи, што є изнемогшегъ Графа веће счепао бьо; „ Потрати! “ повикне и другїй путь, и сгоди другога тако медьу плећа, да є овай побѣгао. Четвртый їошт' стояше, и *Салѣръ* повикне Графу: „ Ид'те узъ брдо! “ и на четвртогъ се залети, и отера га. И по єдной четврти часа додье опеть са пртлягомъ, кои є пре тога сбацьо бьо. И садъ поиште поляномъ Лильскомъ. Но Маркизъ се изгубїо, и нису га већь више ни видили.

Кадъ зора заплави, а они у поляну неку додьу, коя є съ свїю страна горомъ опасана была; у дно нѣно стицаласе чиста и

быстра вода рѣке Согира. *Салѣръ* повикне: „ садъ смо хвала Богу! избавлѣни!“ И разслаблѣну несрећну Ормессанову фамілію узкимъ и каменымъ путемъ на высь одведе. Стаза постаяла є све закрченїомъ и каменитїомъ, предѣлъ бияше све сувльїи и пустїи; грдно каменѣ высило є надъ ньима, и бѣле развалине, съ мало маовине, представляу предѣлъ онай врло страшанъ. Салѣрове рѣчи: „ садъ смо веће избавлѣни!“ улїю фамілїи свой нову надежду. Но већь су сви сустали были. Сѣдну медьу стѣне. *Салѣръ* извади рану изъ торбе, и кпеде, да їй послужи. Но Графъ рекне му пронутъ: „ сѣди амо Салѣру! И Ты принадлежишь сада моїой фамілїи.“ *Юлїя* гледаше своєъ избавителя умилно осмеиваюћисе, и приближисе оцу своме, да бы и онъ мѣста имао, гди да сѣдне. *Салѣръ* се зарумени, и сѣдне до Юлїе: срце му є одъ радости играло. Додье редъ, да се напію. *Юлїя* се напїе, и да стакло Салѣру. Онъ попїе само две три каплѣ, да бы за ньи више остало. *Юлїя* то примѣти, и сузе їой полете: „ Молимъ Те, Салѣру! рекне му, стакло на ново дадавши му, написе болѣ! заръ оћешь больи одъ насъ да будешь!“

Садъ

Садъ устану опетъ, и подьу далѣ. *Салѣръ* водьаше *Юлїю*, а Графъ свою супругу. *Юлїя* у свомъ простомъ и селскомъ одѣлу ніе Салѣру више Графыня была: вѣкь є дрзновеинніе погледаше, него одпре, и у прсима нѣговымъ породисе садъ желя, кое никадъ имао ніе, да є къ прсима своимъ привуче, и румене нѣне усне єданъ путь полюби. И садъ удье любавь крозъ тысуѣу врата у нѣгово срце. Крвь му почне брже тећи, жиле му яче куцау, и рука, коїомъ є Юлїю водіо, стане му дрктати. *Салѣръ* заборави садъ нѣну судбину, и како бы радо повикао быо: „о! како самь срећанъ!“

Медьу тимъ додьу къ превеликой некой пештери, кою є єстество само у стѣну укопало было, и изъ кое рѣка Соргиръ быстру свою воду сыпа. „Е ли то источникъ воклыскїй?“ упыта *Юлїя*. „Есть! одговори *Салѣръ*. Удьу у пештеру и ноћна помрчина окружи їй у ньой. *Салѣръ* упали свой жижакъ, и уведе їй у другу маню пештеру. „Овде морате, рекне имъ пребываши, докъ чамацъ не надьемъ, да далѣ иѣи можемо.“ Сви погледе пештеру, сада пребывалище свое, съ ужасомъ. *Салѣръ* извади све, што су за єло

пóнели, и потрпа у пештерне яме. Графъ и фамілія нѣгова сѣдяу жалосни и ћутећи около источника, на краю бока нѣговога. *Салѣръ* покаже имъ угалъ (буджакъ), кудъ бы утећи могли, ако бы ко дошао. То є была яма єдна у самой стѣни, и у ню су сићи могли. И садъ подье *Салѣръ* на ливаде, и донесе толико сѣна, да є за свакогъ одъ ньи мекану постелю прострти могао.

Сви су га молили, да и онъ легне, и одпочине. Но онъ то нипошто нектеде, и отиде опетъ далѣ, и донесе лонаца, и блюда (таньира) и неколико покроваца, што є у селу Воклызу покуповао био. За тимъ донесе и друге воде, будући да источникъ самъ за пићење ніе. И тимъ начиномъ стараосе онъ за све, штогодь имъ є нужно было. Онда наложи огань, и *Юлія* му є у томъ помогла. Кадъ су обое на маломъ огньишту радили, и кадъ му э Юлія єло дала, да га окуси, па онда и сама га окусила, о! онда є тако срећанъ био, да среће ше ни за кралѣвину дао не бы. Предъ вечеръ отиде опетъ одъ ньи, но обећа имъ, да ће за двадесеть и четыри часа опетъ доћи, Избавлѣнницы славилису тронути нѣ-

гово

гово благо- и великодушїе; и легну спавати.

Вась сутрашньій дань продье имъ у жаленю и страу. При найманѣмъ шушку устрашили бы се, и *Юлїя* бы рекла: о! да намъ є само Салѣръ овде? о! да се оће скоро векь повратити!“ Сви су осећали, да се избавленію своме, безъ нѣга, никоимъ начиномъ надати не могу. Но єданъ часъ пролазаше за другимъ, и *Салѣра* їошт' не бы. Графъ съ неспокойствомъ упыта: „Гди є за Бога остао?“ Графыня се їошть већма устраши: „ахъ! рекне, ако га буду уватили!“ И на слѣдства такве несреће помысливши падне очајавши и неутѣшима супругу своме на прси. И Юлїя є слѣдства счислявала, и она види, да бы и она, и отацъ, и мати пропали, да имъ се Салѣръ не врати. Зато изидье изъ пештере наполѣ, не бы ли га одкуд' видила. Тек' што за стѣну мало заидье, а *Салѣръ* изидье опетъ съ великимъ пртлягомъ предъ ню. Она му се тако срадовала, да є предъ нѣга истрчала, загрлила га, и съ овымъ рѣчма: „Хвала Богу Салѣру! кадъ си векь дошао!“ къ прсима своимъ притиснула. *Салѣръ* є пригрли, и дуго време подржи є, као

сбунѣнъ, у даркѣуѣимъ своимъ обузешіяма. *Юлія* плакаше одъ радости, и найпосле се одъ нѣга одтргне, и къ пештери врати. И онъ подье за ньомъ ѣутеѣи, готово посрѣуѣи, и плываше у найвеѣой жалости, а у исто време утопляваюѣисе у найвеѣемъ веселю: отацъ му убіенъ; а Юлія га къ прсима своимъ притиснула! Безмысленъ у пештеру удье, и на улазку нѣномъ стане укоченъ, ни рѣчи не говорившій, и гледаше Юлію непрестанно, коя предъ ньимъ стояше. И єдва, кадъ му Графъ проговори, додье опетъ къ себи. Сѣдну єсти и пити, *Юлія* дода и нѣму. Но онъ мане главомъ, и почне найпосле и єцапи. Сви се зачуде, шпо му є, и устрашени стану га молити, да имъ каже, зашто єца: и онъ имъ даркѣуѣи одговори: „Отацъ ми є убіенъ, видіо самь, како є морао да умре: ахъ! и нисамь га могао избавити! Вашъ животъ зависіо є одъ нѣгове смрти!“ Падне сирома на землю, и падне у несвѣсть. — „А єсмо ли мы безбѣдни?“ упыта га Графъ после неколико магновенія. *Салѣръ* уѣути мало, и рекне му намргодьенъ: „ша оца ми є нестало, само дабы Вы безбѣдни быти могли.“ — Те рѣчи изрекао є съ тако рѣдкимъ гласомъ

сомЪ, да є *Юліи* све срце задрктало, и распарано было. Приступи кЪ нѣму, и обуваши га онако на земльи, да га подигне. Нѣну руку осетившїй, устане самЪ, и своюньой пружи. *Юлїя*, осећаюћи, колика є жертва, што є онЪ ньой принео, падне кЪ нѣму, и притисне га кЪ своимЪ надимаваюћимсе прсима. ГрафЪ га полюби, Графыня га кЪ срцу свомЪ привуче, и сЪ благодарносћу га: „Сыне мой добрый сыне!“ зовне. ОдЪ толики и жестоки чувствованїя онесвѣстившїйсе падне благодушный *Салѣрь* на землю: и *Юлїя* му протре человїномЪ, и онЪ додье подЪ нѣномЪ рукомЪ, и нѣнымЪ сузама, онетЪ кЪ себи.

Вечераю потомЪ, и подьу спавати. *Салѣрь* изидье предЪ пештеру, а како га молили нису, да то не чини, и науми стражу да чува. *Юлїя* донесе навилякЪ сѣна сЪ свое постелѣ, и рекне му: „допусти єданЪ путь Салѣру! да и я Теби што учинимЪ, или стыдЪ и срамЪ умориће ме. Спавай! о спавай, молимЪ Те, на овоме сѣну, и мысли, и снивай о мени, о Юлїи, кою си Ты избавїо.“ *Салѣрь* узме є за руку, и ороси є сузама топлымЪ, и на прси свое мећувшїй рекне їой лагано:

„о

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

„о Юліо! на овой постельи бѣће мучено мое срце спокойно!“

Юлїя врашисе плачући у пештеру. КадЪ се сутраданЪ пробуди, а *СалѣрЪ* стояше кодЪ нѣ, и гледаше спроћу заслѣпногЪ своегЪ жижка. Тек' што *Юлїя* очи отвори, а онЪ се на страну окрене. СадЪ примѣти она, да онЪ при нїой стои; но нїе їой то нимало противно было. Само се зарумени сиротица, и на себе се срдити стане, што му любве нѣгове врашила нїе: ибо нѣгово благодушїе узвысило є нѣга кЪ ньой, а станѣ нѣно снизило є ню кЪ нѣму. ОнЪ їой прешапће: „добро ютро! . . . Каж'те ВашымЪ родителемЪ, да самь отишао, да наредбе кЪ избавленїю ВашемЪ учинимЪ.“ Спусти жижакЪ свой на землю, и рекне їой полагано: „остайте ми сЪ БогомЪ, до првога састанка!“ — *Юлїя* му сЪ рѣчма: „само немой опетЪ онако дуго изосташи!“ руку пружи. *СалѣрЪ* клекне предЪ ню, полюби є у руку, и отиде, нит' родителя Юлїйны пробуди.

Юлїя остане лежећи на постельи своїой, нїе знала, шта да ради. Горећа она и ћутећа страсть страхопочитателна она любовь, и ничег' неистезујућа вѣрность моралесу є тронути. Сравни Маркиза *Гривала*

вала съ *Салѣромъ*, како є онай побѣгао, и ню оставїо, а како їой овай єво досадъ вѣранъ остао, и проліе сузе єда за онымъ, а сузе жалости за овымъ. Шта бы могла Салѣру, кои їой толико вѣкь чинїо, одговорити, да їой є любавь свою исповѣдїо? Како бы му могла рећи, да га не люби, нѣму, кои ню так' срдачно любїо, и ком' она животъ свой благодарити има? Ахъ! а свако магновеніе мораласе надати, даће їой онъ любавь свою исповѣдити. Васьдань провела є у пештери у великомъ немиру, немирнїя сбогъ страсти Салѣрове, нег' сбогъ свое судбине.

У вечеръ додье *Салѣръ*, са свимъ задоволянъ. „Іошть неколико часова, рекне їой, и Вы ћете опетъ быти, што сте и были; Графыня Ормессайка, а не селянка.“ *Юлїя* погледи оштро на нѣга. Но онъ истый гласъ и родительима собщи, и таки се крене съ ньима заєдно. Брегомъ низъ рѣку Соргиру єданъ часъ идући додьу у густъ некїй лѣсъ. И шуимъ раскрчи *Салѣръ* путъ крозъ шрнѣ и шушнѣ, докле опетъ до брега рѣке исте не допру; тамо їй чамацъ са два човека очекиваше. Ћутећи удьу у нѣга, и одвезусе низъ воду до Авиньона гошово. Ту

изи-

изидьу изъ чамца, и преко пустогъ, каменитогъ поля ла Кро къ рѣцы Рони додьу, гди ій вѣкій чамацъ очекиваше, кои ће ій низъ Рону возити. Кодъ Арла прелегну сви у чамацъ, и тако продьу покрай чамаца, што су стражу чували, и ови само два ладьара, кои су веслали, упазе, и тако помысле, да никогъ више у чамцу не има. За тимъ савію у источный рукавъ Роне, и єдва усиловенымъ весланѣмъ у море уплове: но Єнглеске шалупе шу ненадьу, коїой су се надали были.

Ютро почне вѣкь заплавльивати, и пловцы наши чую, како се націонални Гардисте довикиваў. Ладьари устрашесе, и рекну, или да се врате, или да ће къ краю возити'. Но *Салѣръ* ій опетъ намоли, далѣ да весслаю. Видећи єданъ одъ ньи, да ће скоро у заливъ Марзельскій доћи, повикне, да неће далѣ возити, тамо стое галіе као начичкане, и да неће никоимъ начиномъ умаћи моћи. „ Но дай, да се натрагъ вратимо, овде стои и онако лѣсъ єданъ. “ . .

„ Я знамъ лѣсъ овай, повикне имъ *Салѣръ*, у нѣму има млого зликоваца. Зора заплавлюе вѣкь, а на брегу има сила божія Гарда. То не може быти. “ — При

томъ

томъ извади пиштоль, и упре у ладьаре, и громовито имъ повикне: „ Ил' натегните платна, и возите къ югу, или ћу Вамъ садъ сасути сачму у прси. Ни рѣчи ми неговор'те о повратку! За двадесеть часова доћићемо къ Тулону. Обећавамъ Вамъ двадесеть дуката " — „ тридесеть! " рекне медьу шимъ Графъ — ако далѣ узвозите, но кои годь ми одъ Васъ о повратку рѣчь проговори, а онъ нек' се нада, да ћу му заиста сачму у главу сасути. Ладьари видећи, да овай за шалу не зна, затегну платна на ново. *Салѣръ* самъ стане на корманъ. Море почне растити, но ладьари упнусе изъ пстны жила, и за неколико часова изгубе већь приморїе изъ очїю.

Салѣръ почне садъ пѣвати, и са шимъ орабри ладьаре, а особито *Юлїю*, коя є већь мыслила, да ће се у чуну на высокомъ мору будући, свакїй часъ удавити. Єдва упазе Єнглеску хоругву (барякъ). *Салѣръ* опали изъ пиштоля, и ладьари двогубомъ ревносћу далѣ веслау. И Єнглеска фрегата, што є предъ Марзельомъ стояла, прїйми їй. *Салѣръ* падне садъ предъ *Юлїю* на колѣна, и єцаюћи, и у сузама давећисе рекне їой: „ Садъ сте

изба-

избавлѣни! о милостива, о добра моя Графыньо! “ Кшеде и скутъ одѣла да їой полюби, но *Юлїя* му руку пружи, и скутъ му изъ руке испргне. Графъ га загрли плачуѣи, и преповѣди Капитану фрегатскомъ и свимъ осталымъ ладьаромъ повѣсть свою, и сви се вѣрности, постоянству и вѣштини нашегъ Салѣра зачуде. Медьу тимъ продье мимо фрегате те хамбуржкїй некїй бродъ за Трстъ, и овай Француузе наше прїйми.

Но у Трсту нису могли остати, и єдва є Графыня три дана у нѣму остати могла, да се одъ морске болести опорави. Найпосле предьу у Швайцерску у Бернъ, и тамо на неколико миля одъ града далеко у усамлѣнъ некїй домъ удомесе. Графъ є съ осталы изселившысе Француузы судбу ньину дѣлїо, и живїо є одъ малогъ блага, што є їошт' спасао, штедльиво. И ту є *Салѣръ* подпора ньина быо. Онъ є вртъ уздѣлавао, онъ є две краве прискрбїо, и свакояко се старао, како бы Фамїлїи Графовой полезанъ быо. Сви трос осећалису, колико су нѣму дужни: да ніе нѣга было, не бы иманѣ Графово задуго траяло; то су они знали и осећали, и ималису срца, коя су то осећапи могла; зато су и поступали съ Салѣромъ, не

као

као съ слугомъ: но онъ є поступао съ њима їошть съ већомъ покорносћу, нег' пре тога *Юлїя* нїе се већь више бояла, да ће їой Салѣръ любавь свою одкрыти, ибо їой такво страопочитанїе указывао, кое є и самой њой досадно было. Но опетъ є често изъ самогъ тогъ страопочитанїя найтоплїю любавь видьала, гди се свѣтли. Та *Салѣръ* бы се по цѣо часъ у ню загледао, и уздысао бы. Онъ є їошт' єднако и сваку и найманю нѣну желю съ найвећомъ радосћу испунявао, нит' и найманѣ какве награде за то искавшїй. Толика нѣгова любавь, и таква некорыстолюбива привржєнность одъ нѣга моралесу, нѣжно пріятельство, и срдечно благоволенїе къ Салѣру у срцу нѣномъ да побуде. Їошть нїе къ томе склонна была, да му за любавь нѣгову узлюбленїе (Gegenliebe) врати, но све є чинила, што є нѣга срећнымъ творило, и што є у силама нѣнымъ было. У Просто одѣло среднегъ чина обучена стараласе съ Салѣромъ о домостроенїю, лаке послове по вршу свршиваюћи, и допуштаюћи, да їой и онъ у куйни помагати може, и молећи га, да їой у празне часе што чита, никадъ пакъ не долазећи, да му руке не

пру-

пружи. *Салѣръ* се чинїо, као да є съ тимъ означенїяма доброте врло задовољанъ. Може быти, да му нећe она само довольна быти, помысли *Юлїя* у себи, може быти, да ће онъ и више їошть закпеваши. Но у томе. се преварила. Само памнопламтећи погледи, коима є ню често мотрїо; само велики уздыси, кои му изъ прсїю излазау; само мрачна, и жалости пуна туга, кадъ бы о Маркизу, и о надежди, да ће га їошть кадъ моћи видити, говорили; само та жалости пуна туга, съ коїомъ бы *Салѣръ* онда изъ собе изишао, и у шуму се уклонїо, да бы усамлѣнъ быо; само то оддавало є *Юлїи*, да є онъ люби; никадъ рѣчи о томъ проговорїо нїе, никадъ ни несмиренномудра погледа на ню бацыо нїе. — То смиренномудрїе нїе ни сама *Юлїя* знала, како да толкуе; а — свака дѣвойка претрпиће Ти Богъ зна шта пре, нег' неизвѣсность, да л' є ко люби ил' не. Често бы за ньимъ ишла, кадъ бы онъ у вртъ ишао; често бы га подъ пазуо узела, и до нѣга подъ сѣнъ дрва сѣла, и учтиво се съ ньимъ шалила; успаюћи превратила бы се за нѣгово раме. *Салѣръ* є горїо, и дркшао, но очи бы шаки одъ

нѣ

нѣ окренуо, уздануо, и опетъ жалосно ню погледао. И кадъ бы га онда запыта-ла, шта му є, а онъ бы само одговорїо: „ Ахъ! я самь врло срећанъ! “ Почне и о Маркизу Гривалу говорити: а *Салѣръ* разяренъ за руку є счепа, и рекне їой: „ онъ ће опетъ доћи, опетъ, онда ћете срећни быти. “ „ А оћешь ли и Ты Салѣру быти? “ упыта га она нерасудно. „ Салѣръ! одговори онъ на небо погледавшїй, Салѣръ ће срећанъ быти, како Вы срећни будете! “ Съ тимъ рѣчима отргнесе одъ нѣ, и уклонисе у шуму.

Юлїя уздане, и науми, за ньимъ да иде, и да му каже, да ће Маркизъ шешко кадъ доћи. И єдва се могла уздржати, да то не учини. И она є већь одсадъ исто тако замышлѣна и жалосна быти могла, као и Салѣръ. И то є яко сбуни. Шшо є давно већь чиста любавь къ Салѣру была, то држаше она за єдино састраданїе. Нѣгово ћутенѣ, и нѣгово безкорысно привржењ къ ньой учинило є, те се она у нѣга залюбила; и онъ є быо срећанъ, срећанъ, и не знаюћи, да є. Ни сама *Юлїя* нїе знала, шта їой се у срцу нѣномъ сбывало. Судба сама морала є све остале нѣне саюзе да раскине, пакъ он-

онда тек' да дозна, да є кЪ Салѣру неразрѣшимы узы скопчана. Маши нѣна была є, после путованя помору, болешльива, и умре. *Юлїя* є ню любила, и како не бы и *Салѣра* любила, кои є умируѣу машерь сЪ невѣростномЪ стрпѣливосѣу чувао и неговао. Већь на самртномЪ часу уздане маши: „о Юліо!“ онда пружи сЪ погледомЪ неизречене благодарности Салѣру руку, и рекне му полагано: „не оставляй є Салѣру! не оставляй є сыне!“ Рука нѣна оладнила є у руцы Салѣровой. *Юлїя* падне нѣму на прси, и плачуѣи и тужеѣи викне: „не оставляй ме Салѣру!“ Клечеѣи, и чувствованіемЪ кипеѣи полюби онЪ укочену Графыньину руку, єдну кЪ прсима своимЪ притисне, а другу пружи кЪ небу, као да бы ктео, тржествено да се закуне.

Устане потомЪ опетЪ, и рекне: „Неѣу ВасЪ никадЪ, никадЪ оставити! а може быти, наѣиѣемо іошть и Маркиза!“ *Юлїя* є чувствовала, шта се онЪ заклео; да є т. є. нипошто оставити неѣе, и да бы и самЪ МаркизЪ дошао, и да ће любавь свою нѣной срећи на жертву принети. ОбразЪ іой се зажари, очи іой запламте: руку му пружи, клекне предЪ

мртво

мртво тѣло матере, притисне руку кЪ своимЪ прсима, и полако говорећи закунесе: „ оћу! о оћу благородногЪ и благодушногЪ Салѣра наградити! “ И одЪ тогЪ доба постану обое млого пріятельнїи єдно кЪ другомЪ, и почну се као братЪ и сестра любити.

И отацЪ їой после єдногЪ мѣсеца умре, супруге свое никако прегорети не могући. *Юлїя* остане садЪ сЪ Салѣромъ сама, и на єданЪ путь є са свимЪ другїй духЪ оживотвори. У тако просто одѣло обучесе, да се нимало одЪ праве землѣдѣлке разликовала нїе. Пре тога се сЪ домостроителствомЪ само шалила, сада пакЪ забављласе сЪ ньимЪ озбыльомЪ. И кадЪ бы їой *Салѣрь* рекао, да то не чини, а она бы се само тїо насмеяла; и све послове дѣлила є сЪ ньиме. И кадЪ бы све свршила, што є свршиваши имала, а она бы сЪ неограниченомЪ повѣритслносћу у нѣговомЪ друштву проводила.

Но тек' што се мало смире, а домаћинЪ дома, у комЪ су пребывали, яви имЪ, да нѣму самомЪ домЪ тай треба, и да тако они изЪ нѣга се изселити имаю. Потраже другїй кои, но не надьу га; и тако

мора-

морадоше изъ Швайцерске да одлазе, будући да ій нигди нису кшели, да трпе. Прейдьу у Нѣмачку, и то, по заклеваню Юлійномъ, пѣшице. *Салѣръ* є кошулѣ нѣне и альине носіо. Но нигди не кшедоше, да ій прійме: чую найпосле, да у Брауншвайгу прибѣжище несрећнымъ изселѣницыма даю, и зато подьу тамо. *Салѣръ* купи кола и коня єдногъ, и тако пушоваше съ ньомъ къ долньой Саксонской. Већь є прилично нѣмачки говорїо, за годину и полъ научїо є подобро єзыкъ тай. И *Юлїя* є проговарала истымъ єзыкомъ, на путу се їошт' већма научила. Найпосле додьу у Волфенбышель но не науме, у граду да остану, већь далѣ да иду, и на селу да живе. *Салѣръ* упознасе съ селяны, и наручи имъ, да му яве, ако за какво кућиште чую, да бы га онъ купїо. А дотле узме єдну собу съ малымъ собицомъ подъ кирїю, и у ньой є пребывао са Юлїомъ.

Єданъ путь одећи посломъ своимъ по граду, упази Маркиза *Гривала*, и савъ поблѣди одъ стра. Извади мораму, да се ньомъ одъ Маркиза заклони, но после се опеть орабри, и за Маркизомъ викне: „Господин' Маркизу!“ Овай се осврне, и по-

гле-

гледа га, но не позна га. „Зарѣ не познаете више Салѣра?“ упыта га *Салѣръ*.

„За име Божіе Салѣру! упыта га Маркизъ; гди Ти є господа? Живе ли іошт' Живил' Юлія іошт'? —

Съ уздіомъ одговори му *Салѣръ*: „Юлія є іошт' жива, но и опацъ и мати умрлису іой. Айдете са мномъ къ ньой!“

Савъ сбунѣнъ, сметенъ, и устрашенъ идяше улицомъ, и єдва му Маркизъ *Гривалъ* слѣдовати може, тако є нагло ишао, да бы шимъ одомъ смешню свою сакрыо. Удье у єдну кућу, и отвори врата собе Юліјне. *Гривалъ* улети одъ радости у ню, и клекне предъ Юлію. Ова сва преблѣди, и придржисе за столицу, тек' што у несвѣсть непаде *Гривалъ* є увѣраваше садъ о непрестанной своіой любви; но она му прекине бесѣду, и упыта га, како є амо дошао. Онъ іой на кратко све преповѣди, и рекне іой: „Айдете любима Юліо! къ матери моіой, и она є овде са мномъ. Съ ньомъ пребывайте допле, докле моя не будете.“

Салѣръ стояше блѣдъ и дркћући на прагу. *Юлія* быяше се забунила, и замыслила. Но у єданъ путь стане предъ Гривала съ величествіемъ особитогъ существа,

и

и съ запламенѣнымъ очима рекне му: „наше судбине, любезный Гривалу; єсу тако рѣдке, да се обычномъ мѣромъ мѣрити не можемо, ако нећете, неправо да намъ учините. Я самь отечество, иманѣ, достоинство и све мое изгубила, и не могу Ваша быти. Срце мое, животъ мой, и све, све, што садъ єсамь, све принадлежи овомъ благодушномъ мужу (уватн *Салѣра* нашегъ за руку, и уведе га у собу). Я бы найнеблагодарнія тварь на свѣту была, и сама себе бы се стыдила, да любву Салѣрову, и вѣрность нѣгову, обое неописуеме, онако не наградимъ, као што наградити могу. *Салѣръ* люби мене Господин' Маркизу! и я *любимъ нѣга свимъ срдцемъ*; Ово чуе онъ садъ првый путь изъ моіи уста. Да, Салѣру! — Загрли га около врата — одавна већь любимъ я Тебе, и последнѣ надежде, да ћу кадъ срећна быти, лишила бы се, када бы другом' коме руку дала. Я самь Твоя Салѣру! Твоя любезница! Твоя супруга! “ Оберучке га загрли, прсима своимъ привуче, и притисне, и првый путь у уста га полюби. *Салѣръ* поблѣди садъ іошт' већма: очи му се суза напуне, и грудь му се надимне. Посрне чисто онесвѣштенъ, *Юлія* га придржи: всуе почне трудитисе, да што про-

гово-

говори; єцанѣ и сузе загушиваy му говорЪ: само падне предЪ ню на колѣна, и обуватн нѣна. Єдва оддане, и єдину рѣчь: „ Юліо! “ проговори. Скочи на ноге: погледи *Юлїю* и *Гривала* укоченымЪ очима, погладисе рукомЪ по челу, спустисе, ослабившїй, на столицу, и пружи руке свое кЪ Юліи, као да є кшео, у помоћь да є зове. *Юлїя* се устраши, тако га видећи, приступи кЪ нѣму, и рекне му: „ Освѣстисе Салѣру! я самь Твоя! Твоя Юлія! “ и сЪ шимЪ рѣчима притисне дркћуће нѣгове руке кЪ ссби. Маркиза су обое заборавили были.

Найпосле полете *Салѣру* сузе струiомЪ: „ да ніе шо санЪ какавЪ само, повикне, любите л’ ме, о любител’ заиста Юліо! “ Она ништ’ говорити немогши, падне му само у обетїя, и онЪ є загрли. МаркизЪ *Гривалъ* види већь у шимЪ излившенїяма давно таяне любве свою судбину, и зато пожели имЪ сваку срећу, загрли Салѣра, и назове га найсрећнїимЪ човекомЪ на свѣту, и изидье изЪ собе тако, да любећисе ни осетили нису, кадЪ є отишао.

СадЪ є лежала *Юлїя*, у пренебесна чувствованїя любве утоплѣна, у *Салѣровымъ* обетїяма. И да ніе срца нѣногЪ давно већь придобыо, сада бы га мучальивомЪ

сво-

своїомъ радосћу и благодарнымъ своимъ честолюбіемъ плћніо быо. Да не бы пакъ подъ бременомъ нечаянногъ свогъ благополучія пао; а онъ изидье изъ собе на полћ. Ниш' є спавао, ниш' бдіо, већь му се свечинило, да саня. Очи су му увћкъ пуне суза быле: шћло му є тако ослабило, да бы га дћше свалило было, ако и єсть новъ животъ у души нћговой горео.

И *Юлія* науми, да страстопуно и усиловенно нћгово станћ брзо оконча, да му се здравлћ нарушило не бы; и зато дозове свештенника, пакодье изселившегсе Француза, и замоли га, да є съ любезникомъ своимъ сачета. Свештенникъ додье, *Салћръ* ніе ништа зато ни знао. И кадъ *Юлія* на свештенниково пышанћ: „ имаши ли произволеніе благо? “ одъ радости викнувши рћчь: „ Имамъ! “ одговори, а *Салћръ* се уздркће, и у лицу промћни. Вась дугій дань лежао є све предъ ньомъ клечећи; и освћдочавао іой обожаваюће страопочитаніе, самъ себе укораваюћи, што се усудіо, ню за жену узети.

Кадъ се сутрадань *Юлія* у нћговымъ обећіяма пробуди, а онъ є съ сузама, съ сузама радости поздрави! И мало по мало само обвыкнуосе онъ своіой срећи, и садъ

іошћ'

ïошт' сбунисе савЪ и зажари, кадЪ га *Юлïя* полюби.

Наскоро за тимЪ надье СалѣрЪ, што є желïо, куѣиште єдно, и купи га. Тамо живи и садЪ са *ЮлïомЪ*, правый и светый примѣрЪ вѣрности, благодушïя, благодарности, супружеске любве, и домашнѣгЪ задовольства и благополучïя. *Юлïя* му є родила сына єдногЪ, и люби *Салѣра* своЪ сЪ неограниченымЪ чувствованïемЪ. ОтацЪ ми є дѣте свое показао, савЪ є дркшао одЪ радости, а очи су му гориле: дркѣуѣимЪ уснама рекао ми є: „; ово є *ЮлïйинЪ* сынЪ! “ И мати ми є исто дѣте довела, и рекла: „ ово є сынЪ найблагодушнïегЪ мужа! “

Прекрасне часе провео самь посреди свете *Салѣрове* и *Юлïйине* любве. СвѣдокЪ правогЪ и пренебесногЪ домашнѣгЪ благополучïя, молïо самь Бога, одЪ ньи одлазеѣи, да ïй одЪ сваке бѣде и напасти сачува, и дуго време у истомЪ благополучïю поживи. За собственно мое благополучïе не бы га срдачнïе молити могао; него што самь га за благополучïе ньи двое молïо, за благополучïе *Салѣрово* и *Юлïйно!* —

Августомъ Лафонтеномъ.

БЯНКА.

У южной Італіи, близу єзера Челанскогъ, и града Челана, у горньой Неаполитанской лежи на усамлѣной стѣни замакъ, кои жителъи оногъ предѣла свакомъ путнику, као паметодостоянъ замакъ, указую. У среди дугулясте и пусте дубраве гора Аппенински подигласе стрменна стѣна; о ню удара брзъ, далѣ у планини извируѣ', потокъ; и рука човечія учинила є іошть неприступніомъ, превысоки, стрменны и неузпужаемы зидовы са свію страна оградивши є. И на нѣномъ попространніемъ вр'у сазиданъ є тай замакъ, о комъ є овде рѣчь. У нѣму су, будуѣи да є са свимъ усамлѣнъ, често и разбойницы пребывали, и зато га и дань данашный гньиздомъ

домъ разбойника (nido de' malandrini) у предѣлу ономъ называю. По єдной само, у саму стѣну усѣченой, уской, и стрменной лѣствицы можешь къ зданію томъ доћи, кое є, рекао бы, одъ стѣне исте одронѣно. И дань данашньій стое зидови нѣгови ненарушени; и више вѣкова прошло є са свимъ своимъ буряма мимо нѣга, и нису му ништа наудили, шако є шврдо зидано, шако шврдъ шемель положенъ му є. Узъ широке степене одъ камена доћићешь у высоке, красне, и іошшъ ненарушене собе, у кое крозъ зидове, за прозоре пробіене, чистъ онай Таліянскій воздухъ съ неописаемомъ пріяшносћу дува. Страшанъ єкъ разлежесе по сводовы оны, кадъ ко по замку оди, страшанъ одзывъ протекшега времена, кадъ су и шамо люди пребывали. Но ни сешишисе нећешь прошедія, кадъ се узъ уску лѣствицу на высоку кулу успужешь, и крозъ пешшеру, у шуми зарашћену, сяйно огледало єзера съ пребогашымъ и прекраснымъ дубравама покрай, около, и иза нѣга на далеко простртыма, упазишъ; свегъ прошедія, велимъ, ни сешишисе нећешь, онакво волшебсшво предъ собомъ сада видећи.

Замакъ тай принадлежи къ великомъ добру, кое се, одъ дна стѣне къ єзеру идући, проспире. Но ни єданъ одъ землѣдржаца нїє їоштъ у усамлѣномъ томъ замку пребывао. А къ западу подъ планиномъ сазиданъ є у селу, такодье къ добру томъ принадлежећемъ, прекрасанъ домъ, и у нѣму имаю садашньи землѣдржцы обычай пребывати, када лѣты на добра своя изидьу.

И зато се сви селяни зачуде, кадъ имъ єданъ путь гласъ додье, да ће новъ нѣкїй прекупитель добара исты у томъ стѣнномъ гньизду да пребыва. Пре него тамо додье, а онъ млого посленника пошлѣ, да му замакъ за обыштаванѣ оправе. Какви гласови нису се о томъ разносили? Сви су єдва чекали, да чудака тогъ виде, о комъ ништа више дознати не могоше, већь да му є име *Капаретгїй*, да є Сердарь, и да изъ Рима у замакъ тай сада долази.

Свако чудо три дни! Свако престае, или поне умалюесе, како ствaрь, коїой смо се чудили, къ нама додье; нип' дражь нѣна више трае, како престане, тайномъ быти. Тако бы и съ чудакомъ нашимъ *Капаретгїомъ* было, да ніе знао житељ

ша

шамошнѣ поступанѣмъ своимъ до тогъ довести, да су му се увѣкъ чудили, и да су га и после више година пребыванѣ своѓъ медьу ньима, пытолюбно гледали и сматрали.

Каларетгій є ноћу, и безъ сваке хуке, да га ни ко ни чуо ніе, само съ кћерю своїомъ, и са некимъ старымъ слугомъ, у замакъ дошао. Но ко є одъ ньи двоице господарь, ко ли слуга, тога дуго време нису могли дознати, док' найпосле сви на ту мысао не спадоше, да є онай слуга, што се свуда за Господара издае, а да є онай Господарь, кои се претвара, да є слуга. И тогъ не бы дознали, да обыташельи замка оногъ нѣколико младића изъ села, за већу свою безбѣдность у пустыньи оной, къ себи узели нису; и ови селяни разгласилису потомъ, да у самомъ замку *Батиста*, мужъ высокъ-и намрштенъ, а не Сердарь *Каларетгій*, уредьуе, да *Батиста* и самомъ *Каларетгію* заповѣда, и да овай съ онымъ страхопочитателно поступа, као што слуга съ господаромъ своимъ треба да поступа. *Батиста* є врло редко изъ замка излазїо, и кадъ бы изишао, само се по найусамлѣнніи углы (бужацы) мало проодао. Когодь бы га на путу сусрео, свакій є казывао, да се одъ

нѣговогъ благородногъ, и млогозначећегъ образа, изъ гордости и оштрине погледа, и изъ величественности нѣговогъ ода заключити могло, да одъ велике фамїлїе быти мора, и да є тако наученъ, да бы владати и царствовати, а не служити могао. А *Капаретгїй* показываосе са свимъ простъ; и говоръ, и обычаи, и одъ самъ издавалису га, да одъ мале фамїлїе быти мора. Истина, да є онъ све, што се правителства тицало, уредьивао, но опетъ су сви мыслили, да онъ то само чини, што му є заповѣдьено. И зато су житељи предѣла оногъ *Батисти*, кадгодь бы га срели, не своевольно тїтлъ превосходителства или сїятелства давали, а *Капаретгїя* само Ходатаемъ своимъ называли, кое є нѣму и мило и довольно было.

Сердарь истый имао є кћерь, именомъ *Вянжу* (Бѣлку). Но ако су житељи предѣла тамошнѣгъ знали, ко є Батиста, ко ли Капаретгїй, тако є и она то знала. Одкако є себе почела познавати, одъ оногъ доба їошт' почела є сумнятисе, кои ће одъ ньи двоице отацъ нѣнъ быти, Батиста или Капаретгїй. Истина, да є Капаретїя отцемъ своимъ звала, но

умъ

умЪ нѣнЪ, и дарови разума, коимЪ жене їошт' одЪ прве свое младости сваку ствaрь могу точно да сматраю, докажу їой, да є нѣжность, кою їой Капаретиїй указуе, нѣжности вѣрногЪ слуге кЪ дѣтету Господара свога, нег' нѣжности оца, подобнїя; а да се очи Батистїйне, коликогодь пупїй на ню погледи, особитымЪ нѣкимЪ огнѣмЪ тїе и чудноватe наклонности кЪ ньой преиспуняваю, и наклонность ту, све нѣкако потайно и крыюћи, но почесто и дѣлы и говоромЪ освѣдочаваю. Нїе се ни то одЪ нѣ украло, да се Капаретиїй увѣкЪ, а особито кадЪ бы Батиста медьу ньима быо, одЪ свакогЪ очїйногЪ величествїя, одЪ сваке опредѣлителне заповѣсти, да и одЪ свакогЪ пресудьиваня дѣла нѣны са свимЪ уздржавао, и да є и єдно и друго Батисти уступлявао. Єдва се, и као крозЪ санЪ, опоминяла, да є, као дѣте їошт', Батисту оцемЪ называла, и да є подЪ краснымЪ и златомЪ извезенымЪ завѣсама сЪ ньимЪ живила. А да є онЪ отацЪ нѣнЪ, то їой є срце нѣно свѣдочило. Капаретиїю є само тако наклонна была, као што вѣрномЪ, но подчинѣномЪ прїятелю наклонни бывати обычествуемо; а Батисти се увѣкЪ сЪ онымЪ страхопочитанїемЪ, и повѣренїемЪ,

и съ оным̀ чувствованїяма приближавала, коима се любавь кћери к̀ оцу, и сына к̀ матери од̀ сваког̀ другог̀ чувствованїя разликуе. *Бянка* бы без̀ сваке дћвическе стыдљивости Батисту изгрлила и излюбила, и све полюбце од̀ нћга прїймила, да є до тог̀ дошло было; а никад̀ се склонила не бы, да полюбце врати, коима бы є Капаретгїй полюбїо, кое бы отац̀ од̀ кћери свое захтевати могао, и при коима бы и єдно и друго у растопленїе од̀ найчистїе нћжности дошли.

Тако є *Бянка* у шестнадесету годину ступила. Ружице дћвическог̀ нћног̀ лица развїялесусе све више и више. Колико є лћпа у образу была, толико є сто путїй лћпша и краснїя разумом̀ своим̀ была. Не знаюћи, ко є родїо, была є увћк̀ стална и дубоко замышлћна, нит' усамлћно живлћнћ од̀ тог̀ излћчити могло, самость раани їошт' и поджиже замышлћиность. Срце нћно, усїяно као ярко сунце, чувствовало є све вћма и вћма, да є нужно, да се с̀ ким̀ тћшнћ састави. Найрадїя бы сиротица была, да є то Батисти исказати могла. Но дћвство нћно задржавало ю од̀ иностранца, ког̀ є за сродника свог̀ држала, а срце їой се од̀ оца затворало,

кои

кои їой тако тућь быо. Венући и чезнући, а ни сама не знаыћи, за чимъ, стоя-ла бы по цћо часъ при жуборећемъ потоку, и слушала бы у сладкой и мучной смешньи жуборанћ нћгово; често бы сиротица съ прозора пустогъ замка на небо гледала, и у звћзде се загледала, као да ће їой съ неба спокойность и изясненїе тайнїй доћи: колико се путїй на кровъ куле пела нїе, да бы на све стране и свудъ унаоколо слободно погледати могла, и да бы тако осетила, да їой є срце пуније и пространније? То чувствително, а никако незадоволћно живлћнћ учинило є, ше су черте лица нћногъ съ младомъ свћжиномъ у дражесномъ прошивству (контрасту) стояле: и при свакомъ нћномъ чувствованїю могао си величествїе превысоке таинственности на ньой видити.

Пролаженћмъ оружаны слугу землћдржки по околнымъ шумама и дубравама учинћно є, ше є предћлъ онай безбћднїимъ бываши почео. И *Бянка* се часъ сама, а часъ са Сердаромъ по брегу єзера проодала, и по шумама скитала, кое су планине околне покрывале. И шу є мћстанце

нѣко изабрала, гди є найгушће шиблѣ сѣнку и мрачакъ простирало, за чимъ є срце нѣно чезнуло: на нѣму се найрадїе задржавала. Батиста самъ ишао є съ ньомъ врло рѣдко, и кадъ бы ишао, и онда се одъ предѣла укланяо, по коима є знао, да люди иду. *Бянка* є примѣтила на нѣму, да є одъ нѣкога времена млого замышлѣнїи, него што є найпре био. Тайни нѣки гласоноше долазау къ нѣму, и донашау му извѣстїя, и однашау писма, коя бы онъ у заключаной своїой соби писао. Коигодь му є у замышлѣно нѣгово око погледао, и когодъ є обликъ нѣговъ, изъ кога є страсть пламтеѣа, но у претворну спокойность увїена свѣтлила, видїо, свакїй є осетити могао, да проста корысть то быти не може, о коїой онъ тако ревносно ради.

Све немирнїя постала є при томъ *Бянка*, све више и више гинула є за срцемъ каквымъ, кое бы младенчески и весело съ ньомъ заєдно чувствовало, и комъ бы се и она весело предати и врученти могла.

Тако замышлѣна проодалась єдно вече покрай єзера. За ньомъ, но мало по далѣ идяше Сердарь. Измедь' златны вечерньи облачића пловилису чамцы по

мир

мирноме єзеру. У плавєтну маглу обвіялисусе брєгови обонспранни. О да є сЪ БапистомЪ на люляюћемсе чамцу тамо одплывати могла! тамо бы му срце нћно нову радость, и ново весељ обећавало! Тамо бы іой, тако є слутила, новЪ животЪ у чудноватo красномЪ образу процвћтао.

ТопотЪ приближуюћисе коньски подковица пробуди є иза тогЪ сна. Гомила некаквы конянника яшаше полагано покрай єзера. ПредЪ ньима яшаше на красніемЪ, и великолћпно накићеномЪ коню высокЪ некій и лћпЪ младићЪ: покрай нћга пакЪ постарЪ мужЪ по одћлу судећи рекао бы, да є свештенникЪ. СЪ незнанымЪ и новымЪ благоволеніемЪ гледала є *Бапка* на младића тога: радосніе и яче куцало іой срдце, черте лица нћговогЪ све то больма разазнавши, што се већма кЪ ньой приближивао.

Іошть ніс онЪ у дубокЪ нћкій разговорЪ сЪ свештенникомЪ онымЪ упустив. шійсе, *Бянке* упазіо. Не са свимЪ близу нћ дошедшій и черте нћногЪ лица видившій, савЪ се у єданЪ путЪ сгрози, савЪ се у образу промћни, и гласЪ му у говору задркће. СвештенникЪ, то упазившій,

погле-

погледи на Бянку, и промѣри є оштрымъ погледомъ, но и на нѣгову облику покажесе удивленіе, ако и ніе шако живо было, као у младића. Какогодь што бы се кои упропастіо, кои бы давно умршу своју другарицу изненада видіо, шако се младићь нашъ стресао, Бянку видившій.

Чета конянника прояши мимо *Бянке*, но младићь, огледаосе єднако за ньомъ, коня све већма и већма заустављаюћи. *Бянка* особишымъ нѣкимъ чувствованіемъ раздражена ніе се могла уздржаши, и она — и она погледаше на нѣга. Конь Всадника нашегъ спази то нѣгово неашанѣ: у єданъ путъ на предње ноге скочи, и младићь га яко скучи, а онъ се разяри, и забуни, и съ стрмине брега єзерногъ у єзеро скочи, и съ всадникомъ своимъ заедно у шаласе пѣнућесе загнюрисе.

Сви притрче брже болѣ, да утопльника спасу; после нѣколико тренућа ока искочи онъ мало на воду, на седлу твр-до сѣдећи, єдномъ рукомъ узду, а другомъ гриву искакаюћегъ и плываюћегъ коня дрћаюћи, и на пратіоце свое осмѣиваюћисе, како су сви одъ стра пребледили были. Крозъ *Бянкіјне* жиле новъ животъ

вотъ продье, кадъ упази, да се высоко нѣгово чело подъ црномъ косомъ изъ таласа подизаше. Особитымъ некимъ и силнымъ чувствованіемъ раздражена умѣшасе и она медь' нѣгове прашіоце, кои му у | помоћи быяу, да се узъ стрменъ брегъ успуже. Єдва смрти избавлѣнъ никогъ другогъ и не гледаше, већь *Бянку*, а съ нѣногъ чела сіяшесе радость и благоволеніе.

Сумракъ поче већь да се ваша. Брже болѣ требало є, да се постараю, гди бы се младићь, савъ мокаръ, преобући могао. Сердарь му рекне, да и онъ и сви нѣгови прашіоцы къ нѣму у село на конакъ додьу, и сви то драговольно прійме.

Гостолюбіе є налагало, да се пре о угошћенію ньиномъ постараю, него ій запышаю, ко су и како су. *Бянка* є уредьивала вечеру; и осећала, да у редушћу своемъ никадъ тако срећна ніе была, као садъ, младића тогъ угошћаваюћи, чіи є образъ ньой непрестанно предъ очима био. Онъ се у другу собу съ свешћенникомъ затворіо, да се преобуче. Іошћъ ніе *Бянка* ни рѣчи съ ньимъ проговорила, и съ великимъ страомъ, и съ неописанымъ усхищеніемъ очекивала є магновеніе, кадъ

ће їой онъ проговорити, кадъ ли она нѣму одговарати.

У томъ нѣномъ чувствованїю улети Сердарь къ ньой у собу, и савъ успланренъ, но полако, рекне їой: „ айде брже за мномъ; “ И не чекаюћи, да му она што одговори, узме є за руку, и рекао бы силомъ є изъ куће къ замку ономъ стѣномъ одвуче. *Батиста*, не знаюћи, зашто тако дуго не долазе, изидье имъ на сусретъ. *Капаретиїй* притрчи къ нѣму, кадъ га спази, и прешапће му нешто на уво, кое *Батиста* преслуша. Мало за тимъ промислившїйсе рекне *Бянки*, да напредъ иде, а онъ се на само съ *Капаретиїомъ* нешто разговараше. Све, што є *Бянка* одъ разговора ньиногъ чути могла, было є то, да є Батиста Капаретиїю за зло прїймїо, што є тако нагло госте оставїо, и зато га натрагъ пошлѣ, да къ ньима брже иде. *Бянка* остане садъ сама съ *Батистомъ*, и обое къ замку идяу, ни єдно ни рѣчи неговорећи, и обое дубоко замышлѣни. Немиранъ идяше *Батиста* по соби тамо амо, оштрымъ но брзо обраћаюћимсе погледомъ *Бянку* погледавшїй. Тек' после нѣколико часова врашисе *Капаретиїй*

на.

натрагъ, и *Бянку* у спаваличцу нѣну оправе, по свой прилицы да бы се ньи двоица на миру разговарати и договарати могла.

———

Новъ свѣтъ появїосе садъ *Бянки*. Ружична свѣтлость растерала їой садъ мракъ, у комъ є досадъ срце нѣно плывало, у свѣтлости той быо є странный онай младиħь ньой увѣкъ предъ очима. Нїе веħь имала више за чимъ, но за ньимъ, гинути. Нїе се веħь више о томъ старала, ко є родїо, нїе више за таинственность пытала, у кою се *Батиста* и *Калареттїй* сада све више увїяу. Да є величествennомъ ономъ младиħу позната, да є съ ньимъ родъ, то їой чувствованїе нѣно казываше, то їой удивленїе нѣгово освѣдочаваше, коимъ є, ню упазившїй, пораженъ быо. Одсада є веħь почешħе на усамлѣно оно и найлюбимїе свое мѣстанце у шуми ишла, и сама у себи смѣяласе на шушань гледаюħи, како ħе се шушань садъ раздвоити, какол' любезникъ нѣнъ изъ нѣг' искрснути. И у село на єзеру была бы свакїй данъ радо ишла, гди бы їой

онъ

онЪ самЪ, или само одЪ нѣга посланЪ любвоноша на очи изићи могао. Но *Батиста* и *Капаретиїй* заповѣдилису їой строго, да на друмове нипошто не иде, на кое люди долазе, и да гледа, све сама да буде, и у усамленію да се развеселява.

Медьу тимЪ є, већь више вечерій, сЪ прозора собе свое у шуми, у коїой мѣстанце оно лежи, видила, да измедь' дрва свеће неке трепте. Найпре э мыслила, да су разбойницы опетЪ поиели, по предѣлу ономЪ, оглашаваписе; но после їой и то на паметь додье, да оно любезникЪ нѣнЪ одкудЪ нїе, што є тамо чека, да додье. Єли то могуће, зато нїе младо нѣно срце ни бранило. И колико є рада была, да истини у трагЪ удье, опетЪ нїе могла, ово одЪ стра, ово пакЪ одЪ дѣвическе стыдльивости и боязльивости, више дана тамо да отиде. Но свако вече гледала є, нећел' опетЪ свећу тамо упазити, и чуваласе да Батисти и Капаретиїю о томЪ ништ' не каже, да їой заповѣсть ньина препетила не бы, оно да чини, што їой срце нѣно чинити налагаше.

Єданъ путь у вече гледала є до полноћи на шуму, и на чудне садъ показующесе, а садъ исчезаваюће свеће у ньой. Гласови мандолине струне чуяусе одунудъ, и полугублћни простираусе крозъ ноћну тишину, єдногласно жуборенћ планинногъ потока наскоро надвысивше. Сви прозори у замку былису мрачни, и оштудъ *Бянжа* судьаше, да сви нћгови обытательи већь спавати мораю. И само крозъ прозоръ, на комъ є она была, свћтлила є єдинна свећа у пустольину ону. И све ближе и ближе долазау гласови жица струнны, и *Бянжа* упази, при малой свћтлости звћзда повысоко и вишко нћко существо, гди изъ шушня изидье, и подъ нћкиъ прозоръ стаде. И ту започне непознанникъ тай потїо, но опетъ ясно, слћдующу пћсму:

* * *

„ Изъ дворова вел'колћпны
Довуче ме у пустыню
Образъ красанъ, мил' и лћпый
Срцу сунцемъ кой сину,

И кой ми се у подлинномъ
Одпре каза преналичномъ,
Небесноме въ любве жари
Подъ таласы озари. “

* * *

„ Кадъ ми съ дѣтства мрачакъ првый
Предъ очима мал’ разсвану,
Ты образе! быя првый,
Те ме онда огрaну!

Надимала грудь ми радость,
О образе! она сладость!
Цѣле часе у Те гледа
Сытъ ангьелскн ти черта! “

* * *

„ А садъ єво съ у подлинномъ
Указуешь мен’ образе!
Съ благосћу Ти томъ умилномъ
Лице Твое све драже.

Одкудъ додье? и явисе?
Какол’, казуй, Ты сшанисе?
Лѣпа госпо! красна л’ дѣво!
Предамномъ Ты садъ єво? “

„ Од-

***

„ Одкудъ, кажи, Ты искрсну?
Ил' у животъ новъ изъ гроба
Ты устаде? и ускрсну
Изъ земляны окова?

Ил' съ небесны Ты высина
Амо сидье, мен' снешена?
Куд' исчезну? казуй ахъ кудъ?
Єданъ додьи їоште путь. "

Тако се пѣсма та сврши. За ньомъ додье и припѣвъ тій и растоплѣны гласова; а медьу тимъ се пѣвацъ стопу по стопу у шушань повратн.

Бянка є гласъ младићевъ при првы нѣговы звуковы съ прерадоснымъ уздрктанѣмъ познала, гласъ, кои є, кадъ се онъ съ пратїоцы своїи разговарао, чула, и кои є и садъ їоштъ у срцу нѣномъ зуїо. И пѣсма сама доказывала їой, до онъ то быти мора. Припѣванѣ о паданю у єзеро, о нѣномъ брзомъ нестаяню, да и све, што є у пѣсми истой, хотя ньой невразумително, стояло, при томъ и опоминянѣ образа нѣкаквога, и удивленїе младића, кадъ є првый путъ видїо — све то освѣдочавало

їой, да онЪ то мора быти, што їой подЪ прозоромЪ пѣвао!

Моліо є у пѣсми и то, да є само єданЪ путЪ види; и срце нѣно натеривало є ню да му молбу ту испуни. Но помышлявала є и на боязльивость, коїомЪ є Капаретшїй одЪ очїю младића оногЪ одвукао, и на немирЪ, кои є БапистомЪ обладао бло, кадЪ му є овай о случаю на єзеру догодившемсе преповѣдао; и зато є мыслила, да оба ова, одЪ коїй єдномЪ она мора принадлежати, у тайномЪ нѣкомЪ и опасномЪ одношенію сЪ непознанымЪ шимЪ младићемЪ стояти мораю. Помысао ту потврде їой и помрачна оставша їой наводьеня пѣсме нѣгове. И дѣвическа стыдльивость и боязльивость учинила є, те є одЪ свакогЪ коракляя претрнула, коимЪ бы непознаномЪ томЪ на сусретЪ изишла, да бы му молбу нѣгову испунила. СадЪ є найвећма чувствовала, да у оваквой буры сама стои, и да никогЪ не има, комЪ бы срце свое одкрыти и одЪ кога бы савѣта искати могла. Но їошть већма подпальивала є любавь, ницати почевша, да у шудьину томЪ прїятеля таквогЪ себи придобые. И тако є одЪ єдне мысли на другу долазила, докЪ є найпосле санЪ не свлада, и различне те,

єданЪ

єданъ другомъ противне. образе у єданъ мракъ не уви.

———

Како прва луча данъ огране, а *Бянка* съ постелѣ свое на ново орабрена скочи, и као санъ какавъ чинило іой се ючерашнѣ видѣніе. Иза планине показывашесе вечь зора, и прво цвркутанѣ птица оживлявaше пустольину ону, у коіой човека не бяше. И сада є жеља, но жеља, коіой противстати не може, наидье, да у шуму ону, гди є усамлѣно нѣно мѣстанце стояло, иде, и таинство нѣно види. Полагано, но чисто летећи силазила є са степеній замка, и стѣне, и брже болѣ потрчи къ дрвима. Престрашена удье у сѣнне сводове, при свакомъ коракляю дркћаюћи, шта ће іой се у овомъ, а шта у другомъ магновеню, догодити. Но са свимъ на миру додье къ мѣстанцу своме; и ту надье клупу одъ зелене праве подигнуту, и низкимъ шиблѣмъ озеленѣну, и стогодишньимъ далекосѣнньимъ кестенньимъ гранама осѣнѣну. Ніе веће могла, првогъ свогъ мѣста да види. Съ удивленѣмъ видила є, како се одъ оногъ доба, одкако на нѣму была ніе, промѣ-

мѣнуло, и како є сада искиѣено. Мѣсто клупе нѣне подигнутъ є было чиπавъ πрестолъ одъ рудине, свѣже грањице былесу надъ ньимъ сведене, и оброжавалесу высоку и мрачну сѣницу. Цѣли ланцы ружица и други пролѣшны чада билису надъ сѣницомъ томъ крозъ гране стары дрва, извіени, и зміевидно кривудау крозъ околный шушањ. Спроѣу πрестола одъ рудине былису чбунови испресавіяни, и на подобіе полице каквє испреплетани, а подъ ньима є олтарь одъ рудине начињенъ, на комъ кишта млада кіпресна шибља, ружицама помѣшана, лежаше. А како їой было, кадъ се престолу приближи, и у сѣницы образъ, облика нѣномъ подобанъ, види? сва сиротица πретрне, видеѣи, како се овай на ню осмѣиваше. И самъ ланчиѣъ одъ злата, и самъ крстъ саливенъ, што є одъ Батисте на поклонъ добыла, и што є више година непретанно на врату носила, было є на образу томъ изображенъ. Подъ образомъ, и на сѣдищу престола надье писмо съ овымъ рѣчма:

„ Овде, гди се она радо бави лѣпотица,
За коїомъ ми давно вѣчь познаномъ сръце куца:

Овде

Овде ньой на славу, престолъ красанъ да
подигнемъ,
Са обликомъ нѣнымъ, за кимъ венућ' я
гинемъ. "

* * *

„ Красна и руменна да увѣнча гране ружа:
Свуд' около, дркћући смѣли ми се сад'
душа
Храму, ньой дигнутомъ, у пѣсми се тужит'
овой,
Може быти, да ће глас' здалека чути
мой! "

* * *

„ Сама, може быти, изићиће тад' преда ме,
Утолиће и дуго мое вел'ко страданѣ.
Съ ньомъ ће пуномѣрна узастопце срећа
доћи
О коїой самь и даню снив'о и по ноћи."

* * *

„ Прерадосно чаюћ' садъ приносимъ, жертвеннику

Образъ любве, што садъ у жалосномъ
клїя нику,

Ружу у сред' среде прежалосны кїпресса. "

Тако читаше *Бянка.* И тако їой се учини, као да є изъ обычногъ своегъ существованія у другїй некїй и волшебанъ свѣтъ прешла, у комъ се животъ по непознаны и новы законы ображава. Стра и милина просѣцау їой грудь нѣну. Одъ пошайна стра, да нова каква чудеса предъ ню не изидьу, подклецавау їой колѣна подъ ньомъ, а при томъ желя, да їой се све сбывшесе што скорїе и изясни, мучи є да све подробно испыта.

Но иза сна тогъ пробуди є лаянѣ псетанца нѣкаквога, кое се около нѣ улагивати, и кое узъ ию скакати поче. Устрашена обазресе, и — колѣна їой подклецну — изъ шушня истрчи истый младиѣь, за кимъ є срце нѣно венуло: сва оневиди, и обнезнанисе: полагано, страшльиво, и ѣуштеѣи приближавашесе къ ньой. И єдва се усуди, да їой у очи погледи, нит' бы се и садъ усудїо, да не види, да се изъ самы нѣны очїю луча милине свѣтли. Полагано приближуюѣисе, и очїю съ нѣ не скидаюѣи, черте нѣне испытуюѣи, и стасу

нѣну

нѣну удивляваюћисе додье предъ ню, и познавшій є, да є она то, кою онъ тражи, повикне изъ дубљине срца: „*Она є! она!*“ повикне, и предъ ню на колѣна падне, и нѣна обуваши.

Како се сада ноћь милине у умилну зору преобратила, како ли су њи двое єдно другомъ говорили, у томъ некъ слободно свакій пера не куша. Та и сами, сами они срећни и благополучни, нису знали, како имъ є онай ма было. И зачудесе обое, кадъ се у сладкомъ и повѣрителномъ разговору надьу. Оберучке є Бянкійну десницу младићъ на прси свое притускао био. Єдва оддане сирота Бянка, и усудисе, запыташи га, каква су то чудеса, коя се съ њима сбываю. И младићъ нашъ почне ово говориши:

„Я самь сынъ Кнеза *Больофорта*, кои є Мїнїстромъ кодъ Краля. Сва Неаполитанска клањасе нѣговоме свемогућству, єдино мое срце осшало, коме онъ заповѣдаши, и никако обладаши не може. Онъ є ктео, мене тако да наспави, како бы, по нѣговой смрши, на нѣгово мѣсто доћи могао: и мене є ктео,

ладносћу своїомъ, и честолюбїемъ своимъ да преиспуни. Но єдина страсть само, єдина, велимъ, испунявала є срце мое одъ младости їошше: нит' є ово и за шшо другого овогъ свћта марило и гинуло.“

„ У найтайнїой соби очїйнога дворца, и шо у соби, у кою само я и найвћрнїи нћговъ слуга улазити смћдосмо, стои строћу нћгове постелћ женскїй нћкїй образъ; онъ самъ повео є очи мое на образъ тай найпре и найпре. Често є онъ мыслїо, да се я єъ играчкама моима забавлямъ, а я самь на нћга погледао, и видьао, да се у смапранћ образа тога са свимъ заблене, и губи. Ледена она нћгова ладноћа, и горда сшрогосшь нћговогъ, обычно увћкъ єднакогъ лица, шопилесе онда у особишомъ чувсшвованїю, у особишомъ трошенїю. Често самь и то видьао да му се и сама суза изъ шамны нћговы и дубоко укопаны очїю помолявала. Но опешъ, омужившӥйсе, повукао бы завћсу одъ зелене свиле на образъ, опрео бы рукомъ и чело свое и очи, а за шимъ више дана было бы їошшь гордьїи, шврдьїи и ладнїи, него шшо є обычно было.“

„ Шшо самь памешнїи я бывао, шо самь съ всћїимъ вниманїемъ на образъ онай

гледа-

гледати почео, кои є толико силе надъ моимъ, одъ свїю боянымъ, оцемъ имао. И коликогодь бы путїй на нѣга погледао, при свакомъ новомъ погледу укопавалесусе ангьелске черте облика нѣговогъ у грудь мою. Штогодь самь жена и дѣвояка видьао, све самь їй съ образомъ онымъ сравньивао, но никадъ нисамь погледа могъ задовольнїе одъ ньи одвратїо, ни єдна ми се онако лѣпа, онако жива, и онако млогозначећа не чиняше, као она кою образъ реченъ представляше. “

„ Тако є самномъ и страсть растила. Дивльимъ чезненѣмъ гонѣнъ пролазїо самь све дворове града Неапля, све Цркве, и колибе, и савъ предѣлъ унаоколо, єда ли бы одкудъ првобытанъ обликъ прелюбезногъ овогъ образа видїо, знаюћи, да нїе могуће, да є то само празанъ образъ вображенїя могъ, кои ме испунюе, и увѣранъ будући, да оно заиста и живи, и за мене опредѣлѣно живи, што предъ собомъ видимъ. Отацъ мой увѣравао ме, да є Госпоя, кою образъ онай представля, давно већь умрла, но то нїе мени довольно было. Ни каквой радости нисамь се лѣпїо, коя младости дне прекраћуе; све су мимо мене пролетиле. Єдина сласть была ми є

да се у собу ону, кадъ ми отацъ кодъ куће био ніе, увучемъ, и цѣле часе у томъ проведемъ, на образу ономъ насићаваюћисе. "

„ И тако ме єданъ путь изненада затече, како самь се у образъ тай загледао очима, пунымъ страсти пламтеће, и нечувшій, да є онъ у собу ушао. Строго и намргодьено запыта ме: „ шта є то Фернандо? " Савъ самь се на пытанѣ нѣгово сгрозіо, и савъ сами претрнуо, као грѣшникъ какавъ; нитъ самь могао, шайнс мое одъ нѣга сакрыти. " „„ Несрећницо! повикне, срећу и блаженство очійно разорила си, и давно већь у гробу трунући привела си сына до лудила! ""

„ Трудіосе свакоякимъ начиномъ, да ме одъ страсти мое излѣчи; шта ми ніе говоріо, и шта ніе представљяо? И одъ шогъ доба затвори собицу ону, да у ню улазити не могу. Са тимъ ме єдине мое радости лиши, и я почнемъ у препирћномъ чезненю венути. "

„ На то отиде онъ на путъ. Новцы подкупимъ стражара собице оне, и уведемъ у ню найвѣштіегъ живописца у Неаплю. И онъ ми образъ онай два пута пренише; єданъ узмемъ себи, а другій дадемъ нѣму,

да

да га чува, боећисе, да онай, што при себи задржавамъ, какогодъ не изгубимъ. Овай у собу мою сакрыемъ, и свакій часъ, кадъ бы самъ у соби было, провео самъ у сладкомъ мечтанію предъ образомъ истымъ стоећи.“

„Єданъ путь, пунъ отчаянне страсти, паднемъ предъ образъ на колћна, и матерь Божію у помоћь призывати почнемъ, и помолимсе ньой, да ми любиму ону сћнь живу поклони. И онда ми є было, као да ме особита нћка луча свћтлости на єданъ путъ крозъ и крозъ продье, и као да ми нћко рече, да ћу оно, за чимъ гинемъ, наћи, ако само у Римъ путовати подьемъ.“

„Отацъ мой, коме самъ то мое желанћ одкрыо, саизволи къ томе, надаюћисе, да ћу се я тимъ путованћмъ залћчити. За чимъ самъ пошао было, то самъ и нашао, „нашао, изъ Рима врашившћйсе, Тебе єдинице моя! видившћй.“

„Брже болћ врашимсе у Неапель, да бы съ образомъ Твоимъ опетъ амо доћи могао, и съ ньимъ да Ти покажемъ, како ме є єдно магновеніе къ Теби на вћки привезало. Потайно ноћу отидемъ изъ очћйногъ двора; потайно, да не бы свештен-

никъ, мой пратіоцъ, о момъ стаю и о причини нѣговой одъ оца могъ извѣштенъ, оца могъ како наговоріо, да ми не препети, да садъ амо додьемъ.“

„И тако додьемъ амо, и сакрыемсе у шумомъ зерасћену планину. Мой слуга, одъ мене посланъ, нећели се како о Теби извѣстити, извѣстисе заиста, да Ты обычай имашь на ово мѣсто сама често долазити. За нѣколико ноћій украсимъ га, и искитимъ съ знаменіяма мое любве. Но ако самь я и гинуо, и чезнуо, Ты ми опеть амо дошла ниси. И тако се усудимъ, пѣсми моіой подъ Твоимъ прозоромъ тайну мою повѣрити. И Ты пѣсму мою чуешь, и послушашь молбу мою, и оно ми дадешь, за чимъ самь я толико гинуо и горѣо.“

Тако є *Фернандо* преповѣдао, и *Бянка* га є съ сладкимъ ужасомъ слушала. Двогубо више заплетено и неизслѣдимо видьаше іой се одсадъ существованѣ нѣно. Но тврдо є вѣровала, да већа нѣка сила при томъ умѣшана быти мора, и да ю є она къ томе опредѣлила, да притежаніемъ любезника буде. И та вѣра умалила є нѣну боязльивость, и сладко заруменившисе

испо-

исповѣди му, да є и онЪ одма, како га првый путь виднла, нѣно срце испунявао.

ОнЪ ю замоли, да му свое станѣ искаже, но *Бянжа* нїе му ништа више одкрыти могла, вѣк: да се їошт' нѣки стварїй, и то стварїй сяйны, одЪ дѣтинства своґЪ опоминѣ; да онда нїе Капаретїя вѣкь *Батисту* оцемЪ называла, да є єданЪ путь ноћу и са свимЪ изненада одЪ првы оны предмета одведена; да су оба мужа више година по далньїимЪ земляма сЪ ньомЪ путовала, и да су после тога у РимЪ отишла, и тамо исто тако сакрывено и потайно живила, као и овде што живе. А о образу їономЪ, кои Фернандо има, нїе му знала, ни рѣчи казати.

Но у єданЪ путЪ чую нѣко шушнѣ у шушню. Брзо и страшльиво побѣгне *Бянжа*, обећавши любезнику, да ће сутра у исто време и на исто мѣсто доћи.

Сва є у радости плывала, ни саняти нїе могла, да животЪ оваквы радостїй дати може, као што су ове, кое є овай часЪ ужила. Строгость нѣнсгЪ облика преобразиласе у осмеиванѣ шїо спаваюћегЪ дѣтета,

кое се у умилне сне заведе. И тако є по высокой своїой стародревной соби ишла, и саме одЪ себе простирале бы їой се руке кЪ шуми, гди їой се ново сунце живота родило.

На то удье *Батиста* кЪ ньой, сЪ особитымЪ нѣкимЪ чувствованїемЪ. Непретвараюћисе покаже їой, на ню гледаюћи, меко чувствованїе, кое є досадЪ увћкЪ одЪ нѣ крыо. Но опетЪ му усне одЪ тешке нѣке жалости и горчине задркћу, и нѣколико магновенїя трудїосе, да нѣшто говорити почне. Но све всуе. Ћушећи увати ю за руку, и брзо умекшанЪ, и сЪ сузомЪ у оку, притисне ю нагло кЪ своме срдцу, нит' *Бянка*, потайномЪ нѣкомЪ дражїю кЪ нѣму вучена, нѣму противустояше.

„ Бянко! почне їой говорити, ово мое грлењѣ морало Ти є казаши, што си Ты може быши давно већь мыслила; я самь Твой отацЪ! “

Бянка, име ово: „отацЪ“ изЪ нѣговы уста чувши, утописе сва у сузе радостне, коїи їой ни сама млада любавь сладьїи измамила нїе; и сЪ двогубымЪ чувствованїемЪ притисне образе свое на Баштиїйну отеческу грудь.

„ Лю,

„ Любима и мила ћерко! продужи *Батиста* рѣчь свою далѣ, вѣрный образе и подобїе матере, кою ћу вѣковѣчно любити, и коя є умирући Теби животъ дала! О зашто да се несмѣмъ, радости и весељу са свимъ предати, коимъ бы Те моїомъ назвао? Зашто да морамъ, у првый ма нашегъ састанка као непрїятельскїй какавъ духъ измедьу Тебе и Твое среће да изидьемъ? — Надъ главомъ ми мачъ трепти. Свакїй часъ може пасти, и уништожити ме. Зато самь увѣкъ одъ Тебе крио, да си моя, нерадъ будући, да и Ты у замршену мою судбу уплетена будешь. Но време є тако дошло: може быти, да одъ Тебе животъ и смрть оца Твогъ зависи. И зашто самь смѣо, сада Ти се казати, шко самь. Ибо тудьинъ не бы могао ту велику жертву одъ Тебе захтеваши, жертву, коя мене може быти, їошше спасти може. Знай мила ћерко! ако Князь Вольоформе дозна, гди я пребывамъ, онда Ти се неће отацъ главе наносити. — Я самь ючеръ пѣсму Твога любезника са прозора чуо, ишао самь данась за тобомъ у шуму, и видїо самь све шта сше тамо радили. Заиста ће нѣга Отацъ нѣговъ овуд' тражити, а їошть є истинніе, да ће

шимЪ начиномЪ и мени у трагЪ уѣи. — Да се Ты сЪ ТвоимЪ любезникомЪ саставишь, то нїе ѣерко моя! могуће. Ибо никадЪ неће отацЪ нѣговЪ дѣвойку, коїой имена неима, кѣерю своїомЪ называти, нит' ѣе, када одЪ имена мога дозна, тко си, каква си племена, кѣери смртногЪ свогЪ непрїятеля тогЪ имена дати. И тако сама нужда налаже намЪ да се Ты одЪ любезника Твога одтргнешь, сЪ кимЪ се єдва любити почела. Ты сама треба, любезника ТвогЪ кЪ томе да приволишь, да изЪ овогЪ предѣла отиде. Ил' бы ктела, Отца ТвогЪ да жертвуешь, и жертвомЪ томЪ самой себи стыдЪ и срамЪ и сваку неволю, а любезнику ТвомЪ отчїйну клетву да купишь ? "

Свака Батистїйна рѣчь бола є срдце *Бянкїйно*, као оштарЪ ножЪ. СЪ висыне двогубога и неизмѣримога благополучїя садЪ у найдублю бездну безнаджђія сбачену себе видити, о то є млого, млого срцу нѣномЪ было! Но нїе се дуго сЪ собомЪ борила, и обеће отцу, изЪ чїегЪ лица любавь и жалость силно ю погледау, да ће заповѣсти нѣговой са свимЪ слѣдоваши.

Но више дана задржаваосе *Фернандо* ту. Нису ли тражїоцы отца нѣговога на

сзе

све стране ишли, да га траже? нїел' веће мачь нѣговъ извученъ и потегнутъ быо, да на Батистїйну главу падне?

Бянка му мучећу свою мысао собщи, и преклинати га стане, да безъ свакогъ закоснѣнїя одавде бѣга, и себе обезбѣди. Како су Папїйне државе наблизу быле, то му є са свимъ могуће было, да їой молбу нѣну испуни. Но *Батиста* їой одговори на то: „Велика и у руку Божїи стоећа предпрїятїя вежу ме, те овде моремъ быти. Пре се не смѣмъ одавде ни крочити, докле годъ ме найвећа нужда не потера. А Ты любима Бянко! чини, што у Тоїой власти стои, да ме спасешь и избавишь.

Клецаюћи и съ срдцемъ распаранымъ вратиласе *Бянка* у шуму, но тврдо є у себи заключила, да отца избави, и осећала є, да ће то, што є наумила, и у дѣйство привести.

Но *Фернандо*, мыслећи, да ће га отацъ онде тражити, и надаюћисе, да ће му любезница тек' сутраданъ доћи, отишао є у найпустїи угаль планине, да бы тамо даню сакрывенъ пребыти могао.

Бян.

Бянка подье и предъ вече, єда бы га нашла. Но и садъ га є всуе тражила, какогодъ и првый путь. Онда остави мараму свою на рудижный, ньой посвећенъ, жертвенникъ (олтарь) и привеже на ню ове врсте: „Изъ вѣнца жалосны кіпресса узми и извади образъ любве и радости, ружу свою. На вѣки су любавь, любавь и радость нама отргнута. Съ неописанымъ страданѣмъ осећамъ я, да Те никадъ заборавити нећу, но и то знамъ, да и Ты мене исто тако заборавити нећешь. Ты морашь мене, а я морамъ Тебе — ахъ! зашто морамъ то да изрекнемъ! — на вѣки изгубити Твое присуствіе баца мене у бѣгу и гибелъ, и отацъ мой мора са мномъ да умре. Зато бѣж' одавде! о бѣжи! нек' сама я одъ болѣ погинемъ. Послушай молбу мою! послушай ме! и недайсе никадъ више на овой земльи видити; и никадъ нога Твоя на ове высине да не ступи!

И са тимъ отиде: цѣлу ноћь ни тренула ніе, мучиласе сирота, и какве мысли нису є наилазиле? у єданъ путъ

чуе

чуе необычну нѣку вику, и топотъ трчаюћы коня, и изидье на прозоръ. Буктынѣ (факле) упалѣне освѣтлилесу особитымъ начиномъ пустыню; оружани пѣшацы и конянницы стану предъ замакъ, и обколу степене, узъ кое се на стѣну иде; други на другу страну отиду, по свой прилицы, да стѣну са свїю страна обколу. Єданъ одъ ньи, као водьа ньинъ, подье съ голымъ мачемъ у руцы, и съ оружаныма узъ степене стѣне иѣи.

Бянка, мыслећи, да неће добро быти, полети изъ собе свое, да отца пробуди. Но онъ є веће будань и на ногу, и о свему извѣштенъ быо. „ Мои дани мила Бянко! свршуюсе сада, проговори їой *Батиста* гласомъ мужественнымъ, но тихимъ. Я ћу пропасти. Сно си доспойно, што се избећи не може. А найвише не одаисе, да си моя кћи. “

У истый ма чую, гди се двери замка обїяю, и оружанницы узъ степене ходне юришомъ пенюсе. „ Водите ме, повикне водьа оружанника къ слугама, водите ме къ вашемъ Господару. Слуге су се на вику необычну у предсобїю скупили были.

„ Єво ме, “ одговори на то *Каларетгїй*, изъ собе изшедшїй.

Оштро

Оштро га Офїцїръ истый одъ главе до ногу промѣри, главомъ мааюћи одговори му: „ Ниспе Вы тай, кога я тражимъ. Водите ме въ Маркизу *Бриняніо*, кои мора овде быти. “

Калаперпій и сви слуге увѣравали су га, да у замку овомъ никогъ не има, кои бы се Бриняній звао.

„ Тако прогледайте савъ замакъ, заповѣди Офїцїръ войницыма, и свакога, кога сакрывена надьете, или жива или мртва донесите амо. “

„ Не трудитесе! не трудите! “ одговори имъ *Батиста*, из собе, у коїой є сакрывенъ быо, изшедшій. „ Єво ме, я самъ, кога Вы тражите! „

Оїфїцїръ предье къ нѣму съ страопочитаніемъ, и рекне му сажалително: „ Іошть Васъ познаемъ, ако Вамъ се обликъ за толико време и промѣнуо. Врло ми є жао, што Васъ сада тако опетъ видимъ. Моramъ, у име Кралѣво, да Васъ затворимъ. “

„ Извршите Вашу дужность “ одговори му Маркизъ мужественнымъ гласомъ.

„ Дужность моя, веляше му Офїцїръ, заповѣда ми и то, да и писма Ваша по-узымамъ. “

„ Єно

„ Єно їй, гди у дымньику (оджаку) гору, “ одговори му *Бріянїй*, на высоколизаюћій пламень указуюћи му.

„ Врло Васъ сажалуемъ, рекне му на то Офіцїръ; садъ ће Васъ на муке метути, док' све не искажете, шта є у писмама шимъ было. “

„ Но неће ме толико намучити моћи, да и рећи искажемъ “ одговори Маркизъ.

Бянка, дотле, по заповѣсти очїйной, у соби оближньой сакрывена бывши, истрчи из нѣ на последнѣ рѣчи и на страшна Офїцїрева представленїя, и плачући у гласъ на прси очїйне полети.

„ Не отче! нећу Те оставити, викне, яко обгрливши га, и да Те Богъ зна каква судба постигне, опетъ Те оставити нећу. Съ Тобомъ морамъ или срећна да будемъ, или смрти и сваку муку да претрпимъ “

Маркизъ се трудяше, да се одъ нѣ одтргне, и рекне Офїцїру: „ не слушайте є, она є луда. “

„ Што Вамъ драго, одговори овай на то, мени є заповѣдьено, да Маркиза Бриняніа у Неапель донесемъ, а нѣгове люде овде да дамъ чувати. И ту заповѣсть

из-

извршићу. Опремтесе Маркизу! да са мномъ идете. "

„ Я самь веће готовъ, одговори *Брињиńй.* Съ Богомъ Бянко! Богъ самъ стараћесе о Теби. " Но ове рѣчи изговорїо є тако дркћаюћымъ гласомъ, да се *Бянка* онесвѣстила и нѣга тако яко обуватила, да се никоимъ начиномъ одъ нѣ одтргнути нїе могао. Постоянно нѣгово и мужественно сердце, кое ни сама помысао на смрть и на муку нїе могло да устраши и укроти, распарасе све, на ню погледавши. Но Офїцїръ їой дозволи, да отца до кола, коя су веће преправлѣна была, пратити може. И на то їой сузе тећи престану, и она сидье съ ньимъ заєдно доле, но раме му рукомъ єдномъ тврдо обгрливши.

„ Овде се морате сада разставити, " рекне имъ Офїцїръ, кадъ већь къ колы додьу.

„ Само мртву моћићете ме съ ньимъ разставити, " повикне *Бянка,* и потрчи прва у кола. Но повуку є натрагъ, и Маркизъ поити унутра. *Бянка,* у отчаянїю крила добивши, одтури войнике натрагъ, и падне предъ конѣ, да бы тимъ начиномъ путъ затворила.

У

У тай ма загрми изъ оближнѣгъ шушня страшанъ гласъ: „Стани!“ Съ голымъ мачемъ излети *Фернандо* предъ ньи. Онъ є онай часъ Бянкійне врсте нашао, и пошао є амо, да му она врсте оне претолкує, кое су снивено нѣгово благополучїе тако страшно разорило.

Свѣтлосіпь буктыня падне му на образъ юношескій. И съ удивленїемъ позна га Офїцїръ. Но *Фернандо* на овога и негледаюћи стане мужественно предъ коиѣ, и крѣпкомъ мышцомъ немирне конѣ за узду држаше, и одъ Бянке одпискиваше, коя є предъ ньима на путу клечала. „Шта ишшешь Бянко?“ упыта є, савъ престрашившїйсе.

„Отца да пратимъ, кога ево на смрть воде,“ одговори му она.

Фернандо претрне савъ, но опетъ шаки къ себи додье, и окренесе къ Офїцїру, кои му каже, да „главомъ своїомъ добаръ зашо стояти мора, да ће Маркиза жива или мртва у Неапель донети. Ни молба, ни претня нїе могла Офїцїра принудити, да одъ тога одступи. Напосле попрети му *Фернандо*, да ће самъ себе предъ ньимъ убити, ако недопусти, да Бянка съ отцемъ своимъ иѣи може.

И

И єдва се на то Офіцїръ приволи, да Бянку у кола пусти.

И Богъ зна, бы ли и то учиніо, да му ніе *Фернандо* рекао, да ће и онъ самъ у колы, за Маркиза опредѣлены, у Неапель иѣи, и тако нѣга (Офіцїра) одъ свакогъ одговараня ослободити.

Све страданіе заборави садъ *Бянка*, видећи, да ће она съ отцемъ, а любезникъ нѣнъ съ обоима иѣи. Онъ іой се чиняше ангьео, кога іой є Богъ на избавленіе послао, и будућность, пре єдногъ магновенія іошть ноћнымъ страшилама преиспунѣна бывши, почне іой у сунчаной сяйности опетъ блистати.

Ни рѣчи не говорећи слушао є Маркизъ *Брињанїй* све то чудноватой судби предавшійсе, дозволіо є младићу *Фернанду* захтеванѣ нѣгово. Сви трое сѣдну у кола; оружани конянницы окруже їй са свїю страна; и тако подьу къ Неаплю, а медьу тимъ у замку покупе писма Маркизова, коя су іошть заостала была.

Два одлична и особита човека постаю често духовы и умовы своима єданъ другомъ

гомЪ нужна, ако са свимЪ противна срдца и чине, да єданЪ другогЪ никоимЪ начиномЪ трпити не могу. И отуда постае саюзЪ нѣкій медьу ньима, кои, изЪ далека сматранЪ чинисе, као да є пріятельство, а управо никаквогЪ другогЪ намѣренія не има, но да и єданЪ и другій силе свое у непрестанномЪ противборству и рапу изоштраваю, и внутренню свою мрзость дотле раане, докле найпосле пламенно непріятельство, при каквомгодь поводу, разнообразна существа не разстави, или єдно о друго удараюћи, оба не упропасти.

У таквомЪ пріятельству живилису одЪ младости іошть свое Маркизъ *Бриянія* и Кнезь *Вольофортій*. Обоица, пуна духа, пуна крѣпости и дѣятелности, кЪ великимЪ стварма тежећи, и обоица како родомЪ тако и богатствомЪ силна былаcу найвећіи достоинства у држави достойна. Но *Бриянїй* имао є поредЪ дарова своїй и препошћено срдце; просподушіе нѣгово, кое є у свакой прилицы показывао, и сбогЪ когЪ є требала, да до найвећіи достоинства додье, ніе му никако дало, да, за времена ондашнѣгЪ владѣнія, до велики чинова допре. Напротивъ тога ніе

Во-

Вольофорте никаквога средства, коимъ бы се лична величина докучити могла, пренебрегавао, и шврдо свое постоянство прекрывао є притворствомъ и внѣшномъ нѣкомъ витковскѣу, коя є у млогимъ државама найвише нужна, да дарови ума на свое мѣсто додьу. И зато є онъ одъ чина на чинъ, одъ достоинства на достоинство ишао, а на *Бринянїя* нїе готово нико у двору ни гледао.

Медьу тимъ оженисе *Вольофортїй*, и узме сестру Бринянїйну за жену; са тимъ се внѣшнѣ ньино пріятельство їошть вѣћма утврди. И заиста нїе *Бринянїй* величини нѣговой и достоинствама нимало завидїо, будући да га є *Изабелла* найнѣжнїимъ свезама оковала, и одъ свакогъ противногъ желанїя излѣчила была.

Супруга Вольофортїйна роди таки прве године *Фернанда*, и кратко време после породьая умре. Толико великомъ любвомъ къ ньой и не горевшїй прегорео ю лако. Никадъ нїе онъ любити знао: єдинымъ честолюбїемъ распалѣнъ нїе никаве друге страсти имао, мыслећи, свака є нѣга недостойна. Но любавь му се зато осветила, и учини, ше се онъ у невѣсту Бринянїйну, у Изабелу, смртно и тако

ко залюби, да є сва друга призрѣнія изъ очію изгубїо.

И тако га є страсть до тогъ вѣкъ довела, да є *жтео* и *морао*, Изабеллу коимгодъ начиномъ да придобые, и своїомъ назове. Гвозденнымъ своимъ постоянствомъ настоявао є за тимъ, никаквогъ средства не пропуштаюћи, кое му є само внѣшна власть и сила духа на руку давала. Но све всуе. *Изабелла* сачетасе съ Брињаніемъ: *Брињанїй*, независимь и съ найвећїимъ Фамїлїяма у држави свезанъ, нїе се непріятельства свемогућегъ *Вольофортїя*. Министромъ поставша, бояо, а ни одъ пріятельства нѣговогъ чему надатисе имао. — Но и нѣгова срећа исчезне наскоро. *Изабелла* роди му *Бянжу*, и на нѣколико дана за породаемъ умре.

Смрть Изабеллійна нит' є пламенне Вольофортїйне любве, нитъ мрзости на онога умалила. кои є Изабеллу, благо оно, поне за нѣко време притежавао, благо, за кимъ є онъ више гинуо, нег' за савршеннымъ удовольствованѣмъ честолюбія нѣговогъ. Са свимъ се страсти заньомъ преда, и све друго, внутренньимъ єдомъ и мрзошћу на Брињанїя горећи, на страну оставн. У то доба владао є вла-

дѣ-

дѣшель, кои раскошно у младости своїой живїо, па садъ дѣшетомъ постао, и не знао, шта управо оће, шта ли неће. На мѣсто нѣга владао є *Вольофортїй*, и віяо є бичемъ своимъ, зубма шкрипећи, све, кое є само доспићи могао.

Неаполитанска почне подъ бичемъ шимъ стењати, и благородникъ и простакъ осећалису га єднако. Скуесе сазаклетїе, да нећака кралѣва, и онако наслѣдника престола, Владѣтелѣмъ поставе, а са шимъ силу и власть мучителя (шїрана) своїи скруше.

Брињанїй, смрћу Изабелљїйномъ нещастанъ посшавшїй, почне удити, и мыслити, како бы у дѣятелности ублаженія неудоволѣномъ своме срдцу нашао. И нѣму се крвавый общеземальскїй бичь веће досадїо бяше. Нѣколико слободніе изречены рѣчїй одъ нѣга ѳдкрыю сазаклетницыма мысли нѣгове, и скорымъ временомъ постане онъ, славанъ онако, и крѣпакъ и разуманъ и мударъ, одъ народа обожаванъ, а одъ други за првогъ човека у држави признанъ, поглаваромъ сазаклетника.

Случаемъ нѣкимъ дозна Владѣніе, да є *Брињанїй* поглаварь сазаклетїя, пре,

него

него є предпрїятїе сазаклетника сазрѣло. *Вольофортїй*, непрїятель нѣговъ радоваосе и подигравао чисто, што ће крвь заклетогъ своегъ непрїятеля видити, гди ће на мѣсту погубленїя тећи. Но за времена іошше дозна *Брињанїй* непогоду, коя му се надъ главомъ купи, и коя му угрожава. И тако спасе себе са Бянкомъ, и іоштъ нѣколико главны учасника сазаклетїя на чуну єдномъ, на комъ ноћу у Римску државу избѣгне. И ништа друго не могаше *Вольофортїй* ограбити, ванъ образъ Изабеллійнъ, и нѣга даде изъ двора Брињанїйна у свой пренети.

И найстрожїи испыти нису никако могли, више што о сазаклетїю истомъ да сазнаю. Заостали и непрочувени сазаклетници разнесу по Неаплю гласъ, да се *Брињанїй* съ друговы своїи у мору утопїо.

Медьу тимъ путовао є *Брињанїй* крозъ Немачку, и имао є средства, како съ Неаплѣмъ да се до говора. Сазаклетїе ніе іошше оставлѣно было. Да бы пакъ што ближе позорищу нѣговомъ, Неаплю ближе быо, усудисе найпосле, и додье у Римъ, а оданде у усамлѣный овай замакъ, гди смога у почешку преповѣдке нашли, и гди є єдногъ одъ своїи найвѣрнїи слугу

за

за Господара замка издао, да не бы тако на нѣга ништко ни пазїо.

Одавна є сазаклетїе на ново опетъ сазрѣло было, тек' да се появи. Но *Брињанїй*, неотешћи безполезне силе да употреблюе, све є закоснявао, и мыслїо, та Краль, и онако болестанъ и слабъ, умреће наскоро, и тако ће нећакъ нѣговъ и онако скоро на престолъ доћи. Но напосле не може веће ни онъ захтеваню сазаклетника да преодолѣ, и веће є опредѣлѣно было, да на пиръ нѣкїй народа Неаполитанскогъ сазаклетїе свое у дѣйство приведу.

Медьу тимъ пакъ извѣсти свештеникъ онай, што є съ младымъ Фернандомъ путовао, старогъ *Вольофортїя* о приключенїяма Фернандовыма, и о особитой наличности Бянкїйной съ Изабелломъ. А кадъ Фернандо їоштъ и побѣгне, а онъ стане старогъ Вольофортїя їоште већма раздражавати, да стварь му извиди. И одъ увода (спїона) дозна, да се свакояки гласови о чудноватымъ Обытательима замка оногъ разносе. Уваше и єдногъ Брињанїйногъ писмоношу съ писмомъ, особитымъ редомъ азбуке написаным, и доведу га предъ Вольофортїя. Овай позна

ру-

рукописъ Бриняніевъ. Писмоноша оддасе, да му є наложено, да писмо по ноћу подъ развалину єдну предъ градомъ сакрые. *Вольофортій* пошлѣ га съ своимъ людма, да налогъ, данъ му, и у дѣйство приведе, а медьу шимъ заповѣди, да оружани све мѣсто, гди ће онъ писмо оно сложити, оружани войницы окруже, да бы шимъ начнномъ и оногъ дочепали, кои ће доћи, да писмо оданде узме.

Стражари су на све стране поставлѣни были, и сви су о шомъ бдили. Мѣсечина мушна ніе имъ дала, да на далеко видити могу, но у єданъ пушъ опазе пса нѣкаквогъ, кои около развалине сне нѣшто нюши. Пасъ писмо изъ развалине извади, у уста га узме, и мимо ньи тако силно и брзо протрчи, да га никоимъ начиномъ стићи не могоше.

Вольофортій ніе знао, одъ єда шта да ради, кадъ су му шай гласъ донели. Медьу шимъ є веће више оружаны войника къ замку Бриняніевомъ послао бьо, да нѣга уваше. И шако очекиваше оружанніке те съ великимъ нестрпѣнїемъ, єда ли ће му Маркиза довесши, и писма нѣгова донеши, изъ коїи бы све дознао, шта су сазаклешници наумили были, да чине.

Ноћу дођу кола сЪ Брињањемъ и сЪ нѣговы пратіоцы у престоланъ градЪ. *Капаретгій* пошлѣ медьу тимЪ гласоношу єдногЪ у истый градЪ, и яви сазаклетницыма све, шта се сЪ БрињањемЪ догодило.

КадЪ є *Брињањій* вечь у опредѣлѣну тамницу баченЪ, онда є требало, да се Бянка и Фернандо сЪ ньиме раставе. Но *Фернандо* каже стражарима, кои су га познавали, да онЪ изЪ тамнице другчіе изићи неће, ванЪ да му отацЪ самЪ додье, и изЪ нѣ га извуче. Стражари нису смѣли, нѣговой вольи противитисе. Но то ніе ктео, да допусти, да Бянка изЪ тамнице отиде.

Вольофортій ніе знао вечь одЪ отчаянія и бѣснила, шта да чини. *Краль*, чуюћи, да є сазаклетіе сковано, кое противЪ нѣга иде, разболесе тако, да су свакій часЪ чекали, да издане. *Вольофортій* види, да се конацЪ величини нѣговой вечь приближуе, и бояосе, да му се изненада како и потайно пре времена не смркне. На то дозна іошште, да му є и сынЪ нѣговЪ, єдино существо, кое є іоштЪ на свѣту мало любіо, сЪ непріятельи нѣговы у договору. БезсавѣстанЪ поити у

там-

тамницу, да Фернандо или своимъ присуш, ствіемъ, или силомъ одъ Бринянія одвучестваня непріятеля свога, садъ скруженогъ, насиписе, и осташакъ силе свое на то употреби, да крвь оногъ, на кога є смрпно мрзіо, што брже проліе.

„ Иди одавде окаянниче! загрліи грломъ своимъ на сына Фернанда, иди одавде таки у твою собу, и тамо казань очекуй. “

„ Већа сила одъ Ваше, сила судбине, коіой се сви покораваши морамо, привезуе ме и пригвоздьава къ овомъ мѣсту, доклегодь у нѣму Маркизъ и нѣгова кћи пребываю “ одговори му *Фернандо* смѣло и съ страопочитаніемъ. „ То знамъ отче мой! да животъ нѣговъ одъ Вашегъ опредѣленія зависи, а одъ живота нѣговогъ зависи мой животъ. И заклинѣмъ Вамъ се, да живити нећу, како нѣгова глава падне. “

Ни рѣчи не говорећи, и одъ єда савъ дрктаюћи стояо є *Вольофортїй* при овой смѣлости сына свога. Грудь нѣгова врила яросћу, и мунѣ упропашћенія бацало є око нѣгово.

„ Не єд'тесе отче мой! продужи *Фернандо* бесѣду свою молебно. Я самъ се онай сили покорїо, коя є и Васъ надвла-

дала. Вы ћете ме разумѣти, и опростити ми, погледайте само у овай образъ овде. “

И съ тимъ рѣчма подье къ Бянки, коя є дркћаюћи у мрачномъ зачелю тамнице стояла; *Фернандо* ю подъ руку уваши, и онда заборави она савъ стра, и съ умилномъ дѣвическомъ стыдльивосћу изидье предъ Вольофортїя, когъ се толико бояла. И како свѣтлость свеће, тамницу озаривше, на прекрасный *Бянкїйнъ* образъ падне, и како *Вольофортїй* прекрасанъ нѣнъ стасъ, и млогознатну нѣну умилность, съ особитымъ величествіемъ тѣсно свезану, упази, а онъ савъ претрне и узбунисе, као човекъ, кои очима своима невѣрује, па што види, за чиме є нѣкадъ гинуо и чезнуо. „ О обсѣно адска! ил’ образе небесный! О Изабелло! “ повикне, штогодъ иґда може, *Вольофортїй*, и савъ се одъ стра уздркће.

„ Ово є кћи Маркизова и Изабеллійна, рекне му на то *Фернандо*, путемъ одъ Бринянїя о свему извѣштенъ. Судба моя скопчана є Отче! съ судбомъ нѣномъ на вѣки. “

Іошт’ єднако стояше *Вольофортїй*, савъ окаменѣнъ, и у Бянку загледавшійсе.

И

И *Фернанду* се учини, као да мекоѣ чувствованіе срдце нѣгово умекшава, чувствованіе, у нѣму увѣкъ породившесе, колико-годь бы путій у Изабеллинъ бразъ погледао. Но на єданъ путъ опетъ къ себи додье, и дивльіимъ погледомъ мѣраше Маркиза и нѣговогъ сына. „ О сумашедый! повикне на нѣга, заръ Ты мыслишь, да ѣешь нѣга ради мене умекшати, показующи ми, шта є одъ мене отео? А Ты смешеняче! повикне на сына, заръ Ты и саняти можешь, да ѣешь ону єрєѣу докучити, за коіомъ самь я са свимъ силама мога духа всуе ишао? И случайномъ наличносѣу заръ волю мою существо да сломіе, кое є изъ проклетогъ саюза произишло? О удна ослѣпо! Гледай бѣдниче! и боля средства тражи, коя бы Те спасла, ибо ѣе Ти се, окренувшійсе къ Брињанію, за мало часова крвь пролити. “

Са шимъ заповѣди стражи, да му сына силомъ у дворацъ одвуку, а Бянку одъ Маркиза оддѣле. И тек’ што се стражари на то преправе, да то учине, а гласоноша єданъ, савъ одъ спра пребледившій и полумрпіавъ, у шамницу улети, и дрктаюѣимъ уснама, и заплетаюѣимъ єзыкомъ буна! буна! и повикне.

„ Тако умри садъ таки, “ повикне *Вольофортїй* на *Брињанїа* зубма шкрипећи, и заповѣди стражи, да га таки прободу. Но смѣло и мужественно стане *Фернандо* предъ *Брињанїа*, и почне га бранити, и *Брињанїй* є тако срећанъ био, и одъ єдногъ войника пушку отео, и њомъ се браніо. Нечаяннымъ тимъ противленіемъ забунѣни наємницы мучителства уступе натрагъ. И у саму тамницу удье звукъ народне смешене вике, и звукъ звона наопако куцаюћы чусе већь у подземной пећери. По ўлицама стои пуцњава пушака, и коньи цычећи и ржаюћи топотомъ прчау. Изъ тысуће грла разаспесе громовита вика: „ треба тїранъ да погине! “ И у єданъ ма войницы спражари тамнице надвладани буду, и оружанницы у тамницу посукпаю, а за њима простъ народъ, кои крви *Вольофортїйне* жеданъ быяше.

Све є већь преправно было, да се ударе. Водье войска разны былису придобыени, мысли народа гласовы разнешены искушане, и на промѣну Владѣнїя већь преправлѣне, кадъ у єданъ путъ сазаклетницы гласъ добыю шта се са Маркизомъ догодило. Ил’ є данась требало, сазаклетіе у дѣйство да се приведе, и сви учасницы, а о-

со-

собито Бриняній да се спасе, или никадЪ! И само є єдну искру огня требало бацыти, и подкопЪ бы се савЪ распренуо. Викаюћи: „ мучитель нек' умре! “ Летила є войска крозь улице. Тысућама саставіо се народЪ сЪ ньоме, и тако ске оно множество у Брињаніеву тамницу и у дворацЪ Вольофортійнъ бѣснуюћи продере.

СпокойнымЪ величествомЪ изидье *Брињаній* предЪ ньи, са свію спрана поздраве га усклицуюћи. Но у истый ма види народЪ и старогЪ Вольофортія, кои се, не могући побећи, а нечаянномЪ овомЪ судбомЪ погруженЪ, у зачелћ тамнице повукао быо. И видећи га повикне на нѣга двогубо побѣснившій. Всуе заповѣдаше имЪ *Брињаній*, да се натрагЪ враше, всуе трудяшесе, сЪ Фернандомъ улазакЪ у тамницу да зашвори. Обоицу ій народЪ узбіе, и последный часЪ веће приближавашесе старомЪ Вольофорпію. Но овай предоумисе, брже болћ кЪ Бянки одшрчи, и дркшаюћу ю єдномЪ рукомЪ обуваши, а другомЪ іой ножЪ у прси упре, и повикне: „ Пре, него я погинемЪ, погинуће ова. “

„ Моя кћи! “ повикне на то *Брињаній*. „ Моя любезница! “ рекне жалостанЪ *Фернандо*, савЪ претрнувшій.

Народъ се савъ сгрози, тронутъ дражю и красотомъ дѣвице, смрти сада предаваеме. И на повторену силну Брињаніеву молбу єдва престане, и іоштъ роптаюћи уступи натрагъ, и стане на двери зданія, да му Вольоформе како умакао не бы. Но глава му ніе іоштъ спасена, смрть му є само на дуже време одложена — бѣшество народа ніе іоште утишано, но само є за єдно магновеніе престало.

Но на єданъ путъ се претвори у велегласну бурну радость. „ Да живи! да живи! “ повикну тысућа гласова у наоколо. Нећакъ Кралѣвъ, прелюбезанъ наслѣдникъ престола, ишао є съ гардомъ своїомъ къ тамницы. Мложество народа разврвисе, и на заповѣсть нѣгову сви мукомъ умукну.

„ Не треба ту никаквогъ насилія, почне наслѣдникъ говорити, насилія, да бы мене на престолъ подигли. Пре нѣколико магновенія издануо є мой уякъ. Я самь сада Вашъ Краль. Прва моя заповѣсть єсть та, да се на миру кући разидьете, и чекате, шта ћу я мужу пресудити, чію смрть желите. “

Опетъ повикну: „ Да живи! да живи! “ и онъ у тамницу Брињанійну удье. „ Марки.

кизу! проговори му, я самь сада Краль. И као Краль не може ми повольно быти, шта сте ктели, мене ради да учините, но могу Вамъ то опростити. Не прегрѣшенїе Ваше, но добродѣтель, коя Васъ є къ нѣму навукла, наградьуемъ Вамъ, изъ тамнице Васъ пуштаюћи, и првымъ до мене поставляюћи. “

Брињанїй клекне предъ нѣга, и полюби га у руку. „ Молимъ Васъ свѣтла круно! Помилуйте; О помилуйте овога, кои внезапнымъ своимъ паденїемъ скрушенъ свѣдокъ овогъ приключенїя єсть, и двогубо страда. “

Краль погледи на Вольофортїя, кои ћутећи єднако у зачелю стояше. „ Дозволявамъ Вамъ, рекне му, да на добра Ваша идете. Єдна часть мое Гарде одпратиће Васъ донде, да Васъ одъ бѣшества народна чува. А Вашъ сынъ нек’ се нада моїой милости. “ —

Вольофортїй стояо є магновенїе єдно дубоко замышлѣнъ. А за тимъ Кралю и неблагодарившїй, и никаквогъ одговора недавшїй, окренесе къ *Брињанїю*, и ово му рекне: „ Брињанїй! на самрти само престаћу, мрзити Те. Но зато опетъ не смѣмъ Ти дужанъ и благодаранъ осташи.

ши. Мой сынъ нека буде Твой; Твоя кћи нек' буде нћгова супруга; Ты си мени животъ спасао, а я Теби жертвуемъ мою волю. Ты остаешь сада мой дужникъ. "

Каролъ Штрехфусъ.

СМѢ-

СМѢСЕ

Лишће древности:

По лугу найстаріе древности блудьаше духъ мой, и додье найпосле на врата райска. „Шта ћешь ту? кудъ си нагао о смртный?“ упыта ме свѣтло и чудно существо, што светый рай чуваше: но блесакъ нѣговъ ублажисе, и мѣсто огнѣнога мача упазимъ му у човечїой руцы палмову гранчицу.

Найстаріе жилище рода могъ да видимъ, дрво жизни, и дрво познанїя и щастльиве дубраве, у коима се отацъ людїй одъ животворца свїю и одъ самогъ Елоима дѣтинской мудросши учїо; да видимъ, зашто самь дошао амо;

„ Рай

„ Рай овай прецвѣтао є, рекне ми существо оно. У бесмртный врт' пресадьено є дрво жизни, а свимъ народима на свѣту цвѣта дрво познанія. Гледай, и познай ме!“ То изрекшій дотакне ме се херувімъ граничицомъ своїомъ, и подигнесе у воздухъ.

И шта самъ видїо! А! Шта є упазило око мое! Какве є гласове твари чуло новоотворено мое уво! Све живо, и кралѣви ньины родова, орао и бикъ, човекъ и лавъ носилису престолъ вѣчно живогъ Творца: єдиный блесакъ, єдина пѣсма у непрестаномъ мицаню. Кудъ є орао летїо, тамо се задувао бикъ тамо се обртао лавъ; а човекъ, ньинъ найпрїятнїи и наймладьи братъ, човекъ є свештеникомъ єстества было, и гласове свїю ньи и жертве вѣчно живуѣему приносїо, ньи приносїо, а света кола твари земне навїяо. Духъ мой топїосе у сагласїю пѣсме свїю сушшества.

Онда изидье у блажїемъ блеску херувімъ опетъ предаме. Палмова гранчица, кою є у деницы своїой носїо, распаднесе, лишће нѣно было є неувенимо лишће древности. „ Узми га, проговори ми, прочитай, и истолкуй га браћи твоїой. „ Рекне и исчесне.

И

И я послушамъ рѣчь существа тогъ, кое [све гласове твари у себи саставля, и кое є свакій умршій родъ людій надживило. На уснама моима стой гласу стары времена! Сыновна моя повѣсти дыши духомъ гранчице райске!

Дрва райска.

Кадъ є Богъ човека у рай свой увео, сва дрва райска поклоне му се до црне землѣ; свако му, као любимцу Божіемъ, подпашаше, врромъ своимъ машући, плодове свое, и сѣнку гранчица своіи на проладьеніе. „О! да оће мене изабрати, рекне палма, та раанила бы га гроздьемъ моій прсію, а поила бы га віномъ мога сока. Одъ могъ бы му лишћа спокойну колибу направила, моимъ гранама осѣнявала бы га.“ „Моимъ цвѣтомъ посыпала бы Те, моим' найболыимъ плодовима пишала бы те“ рекне ябука.

И тако говорау сва дрва у раю. И Єова доведе Адама пріятельски къ свима, каже му имена свію ньи, и допусти му, да одъ свію єсти може, само не одъ дрвета *познанія*.

„Дрво

„ Дрво познанія! рекне Адамъ у себи. Сва друга дрва даю ми само земну и тѣлесну пићу; а ово кое ми духъ узвышує, и кое силе срца мога укрѣплює, ово да ми забранѣно буде?“ Іошт' є мысао ту у себи удручаваю, но када му примѣръ и гласъ наговора проговоре, а онъ окуси злый плодъ, чїи сокъ и садъ їошше у срцу нашемъ ври.

Сви, шпогодь насъ има, сви смо незадовольни онымъ, шпо имамо, и сви гинемо за онымъ, шпо намъ є забранѣно: сви нећемо шиме да будемо срећни, шпо већь есмо; но сви идемо за онымъ, шпо надъ нама спои, надъ нама и далеко одъ насъ.

* * *

„Ты си людма шешку забрану дао, реку дуси вышїи Богу кадъ се Богъ къ ньима враши, шпа є сущеспву, комъ си умъ дао, дражїе, но да до познанія додье? И запо, шпо є заповѣсть Твою прешупїо, оћешь смрћу да га казнишь?“

„ Почекайше мало, видићете, како ћу га казниши, рекне благїй Творацъ. И по самомъ пупу заблудьая, по пупу, кои ће га съ болѣшицомъ покаянія крозъ бодно трнѣ водиши, и по самомъ нѣму прашићу

га

га я къ другомъ дрвету, къ дрвету вышшегъ рая.

Лилисъ и Ева.

Усамлѣнъ одаше Адамъ по раю; онъ питаше дрва, и даваше свимъ животнымъ имена, и радоваше се плодоносной и благословеной швари свуд' унаоколо; но не може измедь сви ти живы ствариї ни єдне да надье, коя бы желанія срца нѣговога съ њимъ дѣлила. Найпосле стане предъ єдним одъ красны существа, о коима кажу, да су пре човека на свѣту была, стане, и укочисе. *Лилисъ* было є име томъ красномъ существу, она є, као и остале њене сестре, на дрвы и на цвећу пребывала, и одъ найкрасніи воня (мїриса) само живила. „ Све швари, рекне у себи, живе у слоги медьу собомъ, о да ми ово красно существо супругомъ постане!“

Отацъ людій чуе желаніе нѣгово, и рекне му: „; Ты си око на существо окомїо, кое за Тебе створено ніе; медьу шимъ, да се памети научишь, а оно нек' Ти буде по желанїю. “: Изрекне за шимъ рѣчь

пре-

преображенїя, и *Лилисъ* покажесе Адаму съ човечїимъ удима.

Радостанъ полети Адамъ къ ньой, но одма погрѣшку свою види, красна Лилисъ понесесе, и изъ обетїя нѣговы испргнесе. „ Єсамь ли я, проговори му, твогъ подрекла? Одъ воздуха небесногъ, а не одъ ниске землѣ створена самь я. Тысуѣолѣтїя єсу мой животъ: крѣпость духова єсть моя сила, и благовонїе моя небесна пиѣа. Нећу нискїй родъ земљостворены съ тобомъ да умложавамъ. “ Одлети, и не кћеде, више супругу своме да се врати.

И Богъ рекне: „ нїе добро, да човекъ самъ на свѣту буде, я ћу му дати супругу, коя ће се къ нѣму лѣпити. “ Онда наидье великїй санъ на Адама, и пророчтвуюћїи санакъ покаже му нову жену. Изъ нѣгова ребра произидье, нѣму єднака. Радостанъ пробудисе, и види у ньой свою половину: и Богъ узме є, и доведе є къ нѣму, и срце нѣгово заиграсе, та нѣму є она сродна была. „ Ти си моя! повикне онъ, и быће Ти име мужица: ибо си одъ мужа створена. “

Зато

* * *

Зато, кадъ Богъ младића когъ люби, а онъ му дае половину, коя є нѣгова, и подобіе срца нѣговога, за жену. Чувствующи, да су єдно за друго створени, постаю обое єднымъ образомъ, и то свакій боговетный данъ у новомъ задовольству, и юношеской лѣпоти. А кои зарана їошть за тудьомъ дражію подье, и за существима гине, коя нѣму не приличествую, онай добыя, за казань, тудьу половину. У єдномъ тѣлу две различне душе мрзе оне єдна на другу, грызусе и єду, и муче єдна другу, да Богъ сачува.

Смрть Адамова.

Деветь стотина и придесеть година имао є веће Адамъ, кадъ рѣчь судіе вышнѣгъ почувствуе: „ *Ты ћешь смрћу умрети!* “

„ Рецы свнмъ моимъ сыновима, да къ мени додьу, рекне онъ плачућой Єви, рецы имъ, да додьу, да їй їошће видимъ и благословимъ. “ Сви сынови додьу на

очійну

очїйну рѣчь, и стану предъ нѣга, више спопшина ньи, и почну се за животъ нѣговъ Богу молити.

„Кои ће одъ Васъ, упыта їй Адамъ, къ светомъ брегу иѣи? Може быти, да ће ми іошше помиловања наѣи, и плодъ дрвета жизни донети!“ Сви сынови поишшу, тамо да иду, и Ситъ, найблаговѣнїи одъ свїю, буде одъ самога оца за посланика изабранъ.

Главу пепеломъ посувшїй, пошли таки тамо, и незаустависе, догодь предъ врата райска недодье. „Смилуй га се о милосрдный! (тако се моляше Богу), и пошльи оцу моме єданъ плодъ одъ дрвета жизни.

Таки на то додье сяйный херувїмъ предъ нѣга, и мѣсто плода одъ дрвета жизни носаше у руцы грану єдну са три листа. „Однеси є оцу Твоме, рекне прїятельски Ситу, и подай му ньомъ некъ се пѣши: вѣчногъ живота нема на земльи. Само се попашти, садъ ће му часъ куцнупи!

Брзо отиде Ситъ оцу своме, клекне предъ нѣга, и рекне: „Не мого Ти оче! плода одъ дрвета жизни донети; само ми

є ову грану ангьео дао, да се сЪ њоме пѣшнишь.

Умирућій узме грану ту, и обрадуесе: на њој є воню райску осетїо; и душа му се уздигне: „Дѣцо! рекне имЪ, вѣчногЪ живота нема за насЪ на овоме свѣту, и вы ћете замномЪ доћи. Но са овогЪ лишћа удыявамЪ духЪ другогЪ свѣта.“ И за тимЪ издане, и духЪ му одлети.

Сынови Адамови укопаю оца свога, и плакалису тридесетњ дана за њимЪ, но СимЪ ніе плакао: већь расади грану ону чело главе на гробЪ, и назове є граномЪ нове жизни, и ускршенія изЪ мртвы.

Мала грана нарасте, и постане высокимЪ дрветомЪ, и млого Адамовы сынова пѣшилисусе другимЪ животомЪ.

И тако є до слѣдујући родова дошла. У врту Давїдовомъ цвѣтала є она прекрасно, докле залудьеный нѣговЪ сынЪ о бесмртїю двоумити не поче: онда се грана осуши, но цвѣтићи нѣни предьу и кЪ другимЪ народима

Пре-

Престолъ величествїя.

Яко се удуби благоговѣный некїй мо-
тритель у расмотренїя о несазданоме, и
заборави при томъ дѣла своя, нужно бре-
ме свакогъ смртногъ на свѣту.

Сѣдећи єданъ путъ у таква расмо-
тренїя удубљенъ предъ поноћнымъ своимъ
жижкомъ заспи, и у сну му се врата не-
бесна отворе, и покаже му се, што є о-
давна желїо, вѣчный престолъ. Свуд' унао-
коло огнѣмъ окруженъ трептїо є онъ на
седмогубым' густым' облацыма, изъ коїи
су мунѣ сѣвале, и у коима су громови пу-
цали: а предъ ньимъ, и иза ньга была є
тамна ноћь.

Устрашенъ пробудисе, но їошть се нїе
болѣмъ научїо. Почне за тимъ чезнути,
да образъ престола види, и задрема на но-
во, и заспи. Четыри ангьела ношау пре-
столъ; очима своима гледау, и крилы своїи
лећау на све стране твари, и извршивау
заповѣсти Эовїйне. Огнѣнъ зной капляше
имъ съ чела ньиногъ, и непрестанымъ
мицанѣмъ былису тако сметени, да нису
знали, како близу престола стояу, и как-
во є величествїе, кое ношау. И тек' што

чо-

човечїй образъ свете колеснице къ нѣму да приступи, а санъ цѣо исчезне му, и онъ постане їошт' немирнїи и неспокойнїи, него што є пре био.

Зажели, и ангьеле да види, и пророчтвуюћїй санъ свлада га и трећїй путъ. Серафїми стояу редомъ около пламтећегъ престола, но лице имъ закрывено быя, а ноге увїене, нити пѣсме ньине чути може, докле найпосле єданъ одъ ньи къ нѣму не приступи, и милокрвно му не проговори; „И ты смртниче! усудьуешсе, у оно гледати, чега мы гледати неможемо? Буди задоволянъ съ лицемъ престолоносаца, и ты єси посреди ньи.“ Онъ то изрекне, и спавалацъ нашъ пробудисе.

Уистый ма пролети комарацъ єданъ испредъ жижка нѣговога, усудисе и у пламень улети, опалисе, и падне. „Нисамь ли быо я лудъ, говораше мотритель у себи, што самь чекао, да ме ангьео памети научи, чему самь се одъ овогъ комарца научити могао?“ — И одъ тогъ доба закунесе, да неће никадъ више о Серафїми мыслити, и постане онымъ, къ чему є човекъ овде на земльи створенъ, посленымъ живошнымъ подъ престоломъ превѣчнога.

Г. Хердеромъ.

А Л Е К-

АЛЕКСАНДРЪ,

и

ИЗВОРЪ БЕСМРТІЯ.

Вѣкъ є *Алехандръ* Македонскій сву Азію и найвѣку часть онда обыпаване землѣ обладао бьо; вѣке га є почела повѣстница Великимъ называти; народи нѣгови почитовалису га, као живо божество; никакавъ владѣтель нїе ни саняо, да се съ њимъ у кошпацъ ваша; и кудгодь се само кренуо, са сваке му є стране гласъ о поданости долазїо — Опетъ му нїе ненаситима нѣгова душа задовольна была. Волшебникъ некій преповѣдїо му єданъ путь, да у сакрывеномъ некаквомъ углу (буджаку) свѣта *Изворъ бесмртїя*, и вода по-

мла-

младьуюћа истичу: и одъ тога доба зажедни не тако за побѣдама и земляма; веће за тимъ изворомъ бесмртія. Често є већь потайно уздысао, што све землеѣпіе и све величество свѣта тако исчезаваю: и да ій на извору бесмртія неопустошимыма учини, то му є садъ све было, о чему є и даню мыслію, и ноћу снивао. Све мудраце пытао є за мнѣніе ньино, и сви су само нагадьали, само се предомышлявали, ни єданъ ніе знао, да му извѣсно што о извору томъ бесмртія каже. Найпосле дозове своѓъ учителя *Аристотела* къ себи. — Далеко одъ рашова и станова кралѣвскоѓъ своѓъ пытомца живіо є овай у Аѳини, учећи и друге и самъ себе. Нерадо є пошао садъ изъ мудролюбне (філософическе) свое тишине; и нерадіе саслушао є рѣчи Александрове. Лако є погодіо, шта Александръ жели: и веће є науміо было, да му желю ту уништожи, претвараюћисе, да о извору бесмртія ништ' не зна. Но опетъ се предомысли, да є *истину* говорити, дужность свакоѓъ мудролюбца, и зато му простосрдачно исповѣди: „Читао самь, вели, нешто у старымъ рукописыма о томъ извору; но неизмѣриме, да и непроодиме єсу смртныма те-

гобе

гобе, кое се тражећимъ га полажу. Као да само Божество радо не'ма, да смртни кЪ извору томЪ иду и теже: теженѣ тако оће за колочовечїе судбине да запне, и точніе смапрано чини ми се, да є са свимЪ безумно; овогЪ свѣта непрестано држаюћисе чинимо, ше намЪ се путЪ кЪ другоме, по свой прилицы болѣму, свѣту затвора. " —

Доста ясанЪ быо є смысао рѣчій Аристотелѣвы: но *Александръ* ніе ктео, да їй разумѣ. Когодь му є показывао, да є ово или оно предпріятїе бѣдно, тай га є управ' побудьивао, да за ньимЪ иде. И нѣму, коме се већь савЪ свѣтЪ покорїо было, чинилосе, као да му є садЪ єдино їошт' остало, да се са судбиномЪ самомЪ бори, и као да та борба нѣму садЪ найвећма пристои. Зато почне, Аристотела све више и више принудьивати, да му све искаже, штогодь о томЪ чудотворномЪ извору зна. *Аристотелъ* приволесе найпосле; и каже му све, што є о нѣму знао; и већь треће ютро дигнесе *Александръ* сЪ млогомЪ войскомЪ, и подье кЪ извору бесмртія. И *Аристотелъ* морао є сЪ ньиме ићи, ако му и ніе найповольніе было.

КадЪ

Кадъ бы хтели, све да преповѣдимо, шта имъ се путемъ догодило, но бы грдну књигу списати могли. Само две три преповѣдчице собщићемо овде, кое су одъ струе времена утекле. Кадъ су већь сто или двеста миля иза Александріе были, а *Александръ* чуе за некаква пустыньика, кога су свуд' у наоколо за света држали, и коме су науке приписывали, коїи у обычны людїй не'ма. Навали, да га види, и съ великомъ пратньомъ додье къ колиби нѣговой, и ступи на врата нѣна. Но пустыньикъ и неустане предъ ньимъ, и само презрителнымъ окомъ на Александра, а смеюћимсе на пратїоце нѣгове погледи, и стане далѣ књигу, предъ ньимъ отворену спонршу, читати. *Парменїо*, найодмѣнїи одъ Александровы пратїоца, стане пустыньика запо укораваши; „ а зашто бы се я, одговори овай, предъ рабомъ моїи раба снебывао? “ „Предъ рабомъ Твоїи раба? рекне му *Александръ* удивлѣнъ, говори *ясније!* шта значи то, што ми садъ рече? “ „Запо ме не разумѣшь мой драгїй! што и самъ себе рѣдко кадъ разумѣвашь. Заръ ниси Ты рабъ страстїй, кое самь я себи покорїо! “ — „А заръ ніе ни Аристотелъ твогъ почи-

танїя достоянъ?“ „Доста самь о нѣму чуо, и сви га хвале и нек' сѣдне до мене, ако ускте. Но чудимсе, како то и онъ съ Тобомъ да иде. Тїя мудрость съ гордымъ велелѣпїемъ, добродѣтель узъ тїранство, жедь за наукомъ узъ жедь за земляма, то значи управ' пустит' вуке медьу овце.“

И ако и єсть пустыньикъ тай Александра шако зло прїймїо, опетъ зато упыта и нѣга, єли што чуо о извору безсмртїя. И овай му одговори овако: „Дужность є свачїя, да сабрана знанїя одъ браће свое некрые; но надамсе, да ће вѣчный промысао и кодъ Тебе истину лудосћу учинити; радуемсе, што обштый непрїяшель човечества путемъ иде, кои ће га крозъ бѣде и тегобе сто путїй пре къ смрти, мего къ неограниченомъ животу привести.“ *Александръ* се рѣчима тимъ зачуди, и подье далѣ, и више стопина миля дублѣ у землю удье, и къ Брахманима * додье, онымъ Индїйскимъ мудрацыма, коима се чини, да свуд' стопе свога Браме виде; кои

*) т. є. у Индїю, више стопина миля иза Александрїе! Персїйске преповѣдке не бринусе о правилности землѣописанїя.

кои свой земный животъ за некій пролазакъ и за искушеніе држе; коима є свака жива шварь оно, што и сами єсу; кои вѣрую, да се душе одъ шѣла преселюю; кои се завѣтую, да ће цѣлый свой животъ наги, сиромашки и у мученіяма провести, и кои савъ свой животъ проводе, о постанку тварій, и о природи Бога мыслећи. И ньи потражи *Александръ*, но и они га съ презрѣніемъ прійме. „Несыпый и крвожедный Грку! рекну му, вѣруемо Ти, да не бы радъ био умрети, знашь, шта бы после съ Тобомъ было.“ „А шта бы ми было?“ упыта ій онъ. „Онда бы, одговоре му, у шѣлу лава или змїе какве живіо, сва животна бояла бы ше се, сва бы одъ Тебе бѣгала, ни єдно те любило не бы. И гладъ и жедь сребролюбна мучила бы те непрестано, по спалѣнымъ пуспыняма бѣсніо бы, и парао бы све, што бы ти се приближило, па опетъ найпосле умрео бы или одъ незадоволѣне ждерльивости, или одъ руку ячега одъ Тебе!“ „То є красно! то є лѣпо! А шта ће одъ Васъ быти?“ „Наша судба стои у руку Бралійны. Но мы ћемо найгоре наше непріятелѣ, наше страсти, укроћавати, и душу нашу добродѣтелю и почитаніемъ къ вышшему суще-

спву поправляти, то се надати можемо, да ћемо се, кадъ се тѣло ово распадне, съ Брамомъ састати и саставити, и у крылу нѣговомъ у нерушимомъ благополучію живити.“ „Жив'те, рекне имъ онъ, жив'те, мени є то драго: но кажите и мени, єсамь ли я на правомъ путу, да къ ономе додьемъ, за чимъ толико гинемъ?“ „Еси,“ одговоре му они. „А оћу ли на нѣму и остати.“ „Погледни Александре! споменикъ Баховъ, кои є спо и педесеть миля одъ насъ далеко. Ты мыслишь и онако, да си му братъ, може быти, да ће те споменикъ тай више научити, него што є самъ Бахъ знао.“

Александръ се крене далѣ. Нове народе покори себи. Найпосле додье и на мѣсто, гди су му казали, да споменикъ тай стои. Густый лугъ сакрываше га; страопочитателна нека боязльивость учинила є, те се нико нѣму приближивао ніе. Александръ и войницы нѣгови, за стра никакавъ незнаюћи, продеру сву шуму. Найдьу на зданіе некакво, и споля виде, да є храмъ некій быо, но садъ є лежао развалѣнъ. Іошт' стоявша врата, великолѣпно искићена, и одъ парскогъ мармора начинѣна, тек' што се срушила нису: упро-

ба

ба храма видиласе споля са свимъ заронѣна. И опетъ зато приближи му се Александръ, што є више могао, а неколицыма заповѣди, да ронъ одкопаю; но шта надьу? — *Гробъ* некакавъ на подобіе жертвеника; рысови и лавови стояу на нѣму изрѣзани. Плюштъ, и лоза вїнова увїяусе по нѣму. Злато и драго каменѣ быяше усадьено. У маовину зарастао стояше на нѣму овай надписъ съ грчкимъ писменыма:

„ Землю сву надвладао самь мужествомъ моимъ, и войскомъ моїомъ. Но могъ побѣдителя нашао самь овде. Ни побѣде мое, ни вѣнцы престола моїи — но само добродѣянїя, коя самь людма указывао, и увеселенїя, коима самь їй научїо, утѣшаваласу ме у последнѣмъ магновенїю смрти. Грчка є Баху, као богу, жертвенике подигла, но Индїя га є видила, гди умире, изворъ безсмртїя тражећи. Кои мени слѣдовао, и ово читао буде, нека буде паметнїи одъ мене; нек' се натрагъ врати, нек' садашнѣ свое благополучїе ужива, и нек' судбину свою спокойно очекуе! “

Ели вѣкъ могуће, болѣ кога свѣтовати, далѣ да не иде. Но Александръ, и друге савѣте не послушавшїй, не послуша ни овай. Разяренъ заповѣди войницыма,

да гробъ Баховъ са свимъ разоре; и подье далѣ. И веке му досадашнѣгъ Индїйскогъ плодоносія нестане, и предѣли све то немилїи, земля све то пуска, и небо све то бурніе постаяти почну; медьу тимъ додьу на землю, о коіой имъ пустыньикъ пророчтвовао бяше. Тамне развалине чиняусе у саму адску бездну силазити; стѣне, надъ ньима высивше, и облацы съ маглом̀ъ потамнише и найведріи данъ. Непотресимый *Александръ*, и къ томе преправанъ, заповѣди, да мложество буктиня (факла) зажегу, и опетъ далѣ подьу.

После два дана ода додьу у єданъ путъ на мѣсто неко, на среди нѣга лежаше гладка стѣна: а са обе нѣне стране идьау стазе. На высу стѣне стояше плоча нека, сви на ню горе погледе; а кадъ тамо, а оно овс рѣчи пламенымъ писменыма на ньой написане стояу: „Бездѣлниче! кои си довде допрео, послушай овай последный савѣтъ! Вратисе! врати! или избирай, одъ ова два пута, кои оѣешь; єданъ одъ ньи води къ извору безсмртія! Но кои ѣе Те там' одвести, то погадьай самъ, ни-ти пытай кога за савѣтъ! Но и то знай, само ѣешь єданъ путъ изабрати! Ако промашишь, и зло изберешь, то ѣешь се мо-

рати,

рати, натрагъ вратити, и умрећешь наскоро, ако будешь їошт' желіо, на ново кь извору безсмртія поћи. А да ти то безсилный какавъ богъ не прориче, то погледай амо, и увћрисе судбиномъ ове плоче!“

Тек' што *Александръ*, и првый до нћга, последнћ те рћчи прочитаю, а громъ пукне, и муня прождере и плочу и рћчи, на ньой написане. Земля сва затутньи, буктинћ све, до єдне, угасесе, и сви войницы попадаю одъ стра на землю, самъ Александръ заустависе їоште, но и нћга єдва ноге држау. И по неколико магновенія тек' заповћди, да се буктинћ опетъ упале, орабрисе на ново, и почне, око' себе гледати. — Одъ две оне стазе бяше єдна тако широка, да є войска по ньой ићи могла. А друга была є тако узка, да є єдва єданъ єдиный човекъ по ньой ићи могао, нит' є могла коня, а камоли колесницу пропустити. *Александръ* стане мало, и почне се мыслити, шта да ради, но шта є имао, млого мыслитисе? съ войскомъ силномъ идући, кою є стазу изабрати могао, но стазу прву? сви войницы подьу за ньимъ; само *Аристотель* остане одъ войске, мане неколико путій, и — ућути. Малу свћћицу у десну, а палицу єдну у

лѣву руку узевшій, и торбицу рааномъ напунившій, подье ускомъ ономъ стазомъ. У мысли удублѣнъ *Александръ* а и радъ, да се вѣкъ еданъ путъ непрестаногъ своѓъ савѣтника ослободи, идьаше далѣ, и неосетившій, да му Аристотеля нема.

И заиста почне га среѣка надеждомъ питати: више дана бьо є воздухъ ведріи, и путъ равніи, изъ дальина му се шуме показывау, на обе стране гора извирау потоцы. Войницы стану, мудрость Александрову хвалити. Но допру вѣкъ и до шума оны, и само небо, рекао бы, оружавшесе противъ смртника овога. Цѣле войске лавова и рысова полете изъ шума на ньи, цѣла ята орлова, и ястреба слете одозго; страшна буря по воздуху урлаше, данъ потамни, мунѣ воздухъ просѣцау, расцѣплѣни растови у пламену сгаряваy, одзывъ стогубый умложаваше страшила ова, земля се потресе, свуда, надъ и подъ ньима сама смрть зіяше; широке струе скрушены облака пресѣцау путове, за небовысокимъ горама слѣдовау неизслѣдиме бездне и развалине; съ друге стране превидѣнія и страшила нека указываусе, загушени гласови пѣваy пѣсме надгробне; ко никада допле одъ стра дрктао ніе, тай є сада морао

дрк-

дркпати. И опетъ зато идьаше войска за Кралѣмъ своимъ драговольно, ни по-сведневно нѣно умаляванѣ не може, у животу оспавше, да задржи, да за ньимъ не иду. — Найпосле укаже имъ се велика нека поляна, радосно сви полете у ню, рашире-се у ньой, но виде, да иста та поляна ни края ни конца не има. Превысоке и стрме-не стѣне окружавалесу є свуд' унаоколо: найкрасніе и найстрашніе стѣне, кое су допле видили, као мармор̀ глатке, безъ свакога шибля, безъ свакога стабла, да, и безъ найманѣ правице! Удивлѣни гледау сви свуд' унаоколо; їошт' веѣма се зачуде, кадъ на врру єдне одъ оны стѣна надписъ некій упазе, кои овако гласаше: „Никадъ ніе *Александръ* далѣ одъ извора безсмр-тія бьо, него што є садъ. Нек' се врати натрагъ, и нек' осети, да є само човекъ! И благо нѣму, ако їошт' у Александрію до-ѣи узможе.“

Никадъ дотле ніе *Александръ* у би-тви одъ страшила смрти дркпао, никадъ дотле ніе се одъ мунѣ и сѣваня ньиных стра-шіо, уста лавова зіяласу на нѣга путемъ, и онъ се страшіо ніе, но садъ — садъ ви-дећи, да му се сва надежда искоренява, и да се наймилїе му предпріятіе уништожа-

ва, садъ га туга на землю свали ниши може утѣшенія своїи пріятеля, ниш' пѣсама своіи пѣвача, ни савѣтованія своіи повелителя воены, ниши гласъ свегъ свогъ воинства сада да саслуша. Три дана и три ноћи лежао є шако на земльи, и безъ єла, и безъ пиќа, и безъ найманѣгъ сна. Гласоношу за гласоношомъ шиљяше на све стране, не бы л' како распышали, и пронашли, кудъ бы изъ поляне те изиќи могли. Но сви до єдног додьу натрагъ, и кажу му, да никакве стазе нашли нису. Четврtый данъ устане, и заповѣди, натрагъ да иду. Никада га нису войницы задовольніе послушали, нег' садъ, но исто то ньино задовольство было є нѣговомъ, и онако векъ ранѣномъ, сриу правый ножъ.

Повраштакъ му є млого лакшіи было: обыштаване землѣ долазау єдна за другомъ, сама природа ніе му се више противила, ни єданъ народъ ніе морао силомъ оружія да натеруе, да га пропусши. Но и онъ ніе му опетъ са свимъ лакъ было, и сама превелика дальина одъ куће была є велика шегоба. *Александръ*, даню и ноћу бригама мученъ, незадовольствомъ гонѣнъ, и упрудьеніяма, коя є самъ на себе навукао, уморенъ, почне спокойства и утѣшенія у ве-

веселеніяма да тражи. Яка пиѣа, у кол є ктео, єдЪ свой да утопи, зажегу му крвь. Разболесе, и іоште му болесть пагубна не быяше, но малый овай случай учини є смртоносномЪ. Желеѣи, да у Александрію додье, гди му є надписЪ онай прорекао, да ѣе му благо быти, ако у Александрію додье, заповѣди, да брже болѣ у ню ипе, заповѣди, велимЪ, и не бранеѣи, шпо є болестанЪ. Неколико нѣговы войника носилису га, и да бы му ношенѣ то лакше было, а они свежу више щипова одЪ слонове кости на подобіе носила, и покрыю ій понявама, и тако га ношау. А да бы зраке пекуѣегЪ сунца одЪ чела нѣговогЪ одвратили, то му чело главе златанЪ щитЪ нѣговЪ поставе, и углаве. То учине войницы, кадЪ є онЪ спавао: пробудисе мало за тимЪ, види све то, и сепное пророчества Сирійскогъ некаквогЪ свештеника, кои му є рекао, да ѣе онда умрети, када земля подЪ ньимЪ одЪ гвождьа, а небо надЪ ньимЪ одЪ злата буде. Устрашисе, и каже то своима, и ови трудьаусе, да гаутѣше, и да му докажу, да то ніе истина. Но све всуе: вображеніе, да ѣе скоро умрети, узнемири га, и ослаби му тѣло, и онако веѣе слабо; и *Александръ* сутра-

данЪ

данъ — умре. И у ковчегу — (сандуку) унесу га у Александрію.

Медьу тимъ є *Аристотель* [цѣо мѣсецъ пре у Александрію дошао бьо, и Александра очекивао, да додье. Што є АлександрЪ, тако далеко шедшій, всуе тражіо, то є мудрацЪ Аристотель таки другій данъ после растанка ньиногЪ нашао, и кЪ извору безсмртія дошао, изЪ кога є пуно стакло чудотворне и помладьујуће нѣгове воде узео. Само є єданъ путЪ заитити могао изЪ нѣга. И науми, бесмртну ту водицу сЪ ученикомЪ своимЪ, сЪ АлександромЪ, да подѣли; но надье га векь мртва. Неописано велика была є жалость Аристотелѣва за ньимЪ; сузе су му потокомЪ текле. Но опеть є знао, да никаква суза изреченія судбе повратити и пресобратити не може, и зато упре опетЪ наскоро сузу свою, предье кЪ мртвомЪ Александровомъ тѣлу, и рекне: „Найблагороднїи Владѣтелю! истина, да си и Ты слабости и погрѣшке човечіе наслѣдіо, истина, да є и Тебе найпагубоносніе украшеніе на земльи, вѣнацЪ владѣтельскій, кЪ многомЪ гдичемЪ злу навукло. Но опетЪ є срце Твое и велико и добро остало! и добродѣтель Твоя заслужила бы може бы-

ти,

ши, — може быти, да си оно и нашао, шшо си тражіо, Добро! кадъ є шако, а оно нећешь поне са свимъ умрешти! Тѣло Твое нек' пропадне; но память Твоя нека буде вѣчна!" — При тимъ рѣчима изліе єдну часть чудотворне оне водице на мртво Александрово тѣло, и зашо — зашо спава гдикои освоишель свѣша вѣковѣчный санъ, и имена му се не зна какогодъ шшо му є и тѣла нестало, но *Александрово име живи* и садъ у найвећемъ блеску, и *живиће на вѣки* у нѣму.

Іошт' є доста воде у спаклу ономъ было, іошт' се и *Аристотель* њомъ помладипи могао, помладипи и обесмрпти. Но мудрацъ знавшій, колика є разлика измедь' оногъ, шшо управо *єсть*, и измедь' оногъ, шшо се само човеку *чини*, ніе за шимъ гинуо, да бесмртанъ буде. „Нису ли, рекне у себи, сви другови младосши мое давно већь умрли? Не знамъ ли я већь изъ искуства, шша се овде спећи, шшал' уживаши дае? Нисамь ли се веће више пушій досадъ одъ непресшане непремѣносши уморавао, одъ непремѣносши часова, времена годишньи, брига, желанія, и осуећены надежда? Нисамь ли веће више пушій промѣне оне желіо, кою проспи

смрћу

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

смрћу а мудрацы *промѣномъ живота* называю? Нисамь ли я младићу овомъ, кои сада мршавъ лежи, говорїо, да се извора бесмртїя окане? Нїе ли безконачный животъ на овоме свѣту само безконачно страданїе? — Судбино! и мени треба ово што се Александру догодило, поученїе да буде. Пріими и мене къ оцевима моимъ, кадъ Ти буде повольно. Узми ову воду, као своевольну жертву одъ мене. Ты бы могла и безъ нѣ чудеса са мномъ учинити, кадъ бы ми приличествовала!“

И съ шимъ рѣчима проспе драгоцѣну ону воду на землю. Само две три каплѣ, кажу, да є задржао, и да є ньима кньиге свое, кое є списао, попрскао; и заиста су кньиге *Аристотелъве* име нѣгово тако незаборавимо учиниле, какогодъ што су дѣла *Александрова* име Александрово бесмртнымъ учинила.

Г. Майснеромъ.

ПРЕ-

ПРЕПОВѢДЧИЦЕ
И
ДОСЕТКЕ.

Селянинъ некій упыта єданъ путъ кнева сеоскогъ: пошто быя оно ћушка єдна, знамъ, да є такса за ню одредьена, но садъ се не опоминѣмъ, колика є. " „ петъ грошића, одговори му на то Кнезь. " „ Є добро! кадъ є петъ грошића, а оно ево ій! " извади петъ грошића изъ кесе, метне ій на столъ, и ћуши Кнеза пояко, па онда отиде. Кнезь стане претити, да ће га суду тужити. Селянинъ отиде Адвокату некаквомъ, да га одъ Кнеза одбрани. — А єл' Те ко видіо, кадъ си га ћушіо?" упыта га Адвокатъ. „Ніе нико! одговори селянинъ, сами смо были!". „Одатле ће страшна парница (процессъ) изићи, рекне

не на то Адвокатъ, него дай мени 10 дуката, па ћу Ти тайну казати, коіомъ ћешь не само ову, већь и сваку, кою бы кадъ имао, парницу добыти.“ „Єл' то за Бога могуће, Милостивый Господине! не само 10 дуката, већь и више бы дао, само кадъ бы знао, да ћу свакомъ мачку на очжакъ истерати моћи, и да ћу Кнезу и светлой Господи рена подъ носъ натрти. — Єво вамъ 10 дуката, толико управ' имамъ у джепу: Него кажте ми Господине! найпре оћул' я тайну ту и научити моћи, пре не дамъ ни крайцаре.“ „Є како не бы могао? рекне му Адвокатъ тайна ова кратка є и разумителна, само отвори добро уши, и слушай: — штогодъ учинишь, а Ты се свега одричи: єто Ти тайне. Єсил' разумео?“ „Єсамь“ „А Ты дай 10 дуката!“ Богъ съ Вама Господине! каквы 10 дуката! та нисамь Вамъ ништ' обећао!“ одговори селянинъ, и поклонисе, па отиде.

———

Старїи и младьїи Кребильонъ, отацъ сынъ, и оба Списателя, буду єданъ путъ кодъ Господина некогъ на обћду. Старїегъ

ріегъ Кребильона упыта неко одъ друштва: „Бога Вамъ! Господине! кое одъ Вашы дѣла (т. є. списанія) сами за найболю држите?“ „То Вамъ не знамъ уирав' казати, но то знамъ, да є ово (на сына своегъ прстомъ указующій) найгоре одъ свію: Сынъ небуде лѣнъ, већь се оцу поклони, и рекне: „Зато и кажу гдикои Господо! да нѣговъ нисамь.“

———

Неко чуе дѣвойку єдну, гди пѣва, но уста їой смрдьау. „Како Ти се допада пѣваньѣ нѣно упыта га єданъ одъ прїятеля нѣговы. „О врло добро! гласъ є добаръ, само вѣштаръ ништ' не валя.

———

Офїцїръ Н. Н. ћуши младића некогъ у кафани. „Єли што Господине! изъ шале, ил' одъ истине?“ упыта га овай. А Офїцїръ му одговори, за мачь уватившійсе: „одъ истине! да како?“ „Є добро! кадъ є одъ истине, я самь мыслїо, да се Вы само шалите, па самь ктео, шалу такву

да

да не пріймамъ.“ Са тимъ устане, и о-шиде за другїй столъ у кафани.

Кардиналъ Мазаренъ быо є врло сребролюбивъ. Кажу о нѣму, да нико болѣ одъ нѣга Еванґелїя наблюдавао нїе: лѣва му рука нїе никадъ знала, да десница милостынѣ дае.

Сребролюбца некогъ упытаю, зашто є куварку свою за жену узео. А онъ одговори; „изъ две причине: прво уштедьуемъ са тимъ, што госпое имати неморамъ, а друго не плаћамъ никакве таксе за куварку.“

Высокоумацъ некїй продье покрай брїячнице, и види крозъ прозоръ, како су се брїячи уиприли, и брїю. Падне му на умъ маймунъ, и поносећисе упыта брїяче: „естел' кои путъ маймуна брїяли?“ „Нисмо, одговори найближїи брїячь, изволите

Вы

Вы само у собу, па ћемо првогъ маймуна у нашемъ вѣку обрїяти.“

———

Богатирь некакавъ даде Єврея (чивутина) Н. Н. къ себи дозвати, да му нешто єтары альина прода. Кадъ се већь погоде, и Єврей плати, а богатирь му рекне: „знашь ли Бога ти! да у Єнглеской садъ Єврея свакогъ са магарцемъ вѣшаю?“ „То не знамъ, одговори на то Єврей, но вала Богу, те я и Вы тамо нисмо, те бы насъ заєдно, и єдногъ до другогъ обѣсили.“

———

Францувъ, именомъ Клементъ Маротъ одпусти єдногъ одъ своїи слугу, и даде му свидѣтелство, да є кодъ нѣга служїо, овако: „Н. Н. служїо є кодъ мене цѣлу годину, и усвему є добаръ, само што є невалялица и пїяница, псовачь и преклинячь, играчь и преварачь, а при томъ и крадльивацъ.

———

Сп. Шамондъ, Француз, было є не само ружанъ у образу, већь и нечистъ и небрига у одѣки своіой, а особито у кошуля ма. Проктему се єданъ путъ, на балъ у маски да иде, и запыта єдногъ одъ свои пріятеля, како бы найболѣ на балъ отишао, а да га нико не позна. „Є! то є найлакше, одговори овай, обуцы само чисту кошулю, неће, вѣре ми, никога ни умъ понети, да си Ты то у чистой кошульи!“

Ботрій, членъ Француске Академіе продаосе єданъ путъ са Херцогомъ Орлеанскимъ. Данъ запаранъ, и сунце є яко пекло, Ботрій гологлавъ покрай нѣга идьаше, и Херцогъ се и невѣштъ чиняше, да му рекне, да шешіръ на главу метне. Найпосле додье рѣчь о любви Херцоговой къ своимъ пріятельима, кое є и Ботрій было. „Есть истина, рекне му Ботрій, да пріятелѣ Ваше врло любите, и ако ій обарене не милуете, а оно ій поне печене радо имате.“

Пре некогЪ времена падне ученЪ некакавЪ ЕвропеяцЪ Алгирцыма у робство. Запыпаю га они, шта зна, и чему се учїо, а онЪ имЪ одговори, да є понайвише сѣдећки живїо. Зачудесе Африканцы томе, и немогоще, да га разумею, а єданЪ одЪ ньи рекне: „Аа! то є толико, као, онЪ є слабо кудЪ и излазїо, већь све єднако є сѣдїо“ „є; кадЪ є то тако, повикну остали, а оно дай да му ногавице (чакшире) одЪ перя обучемо, и на яя га насадимо, нек' намЪ леже пилиће!“

———

Два землѣдѣлца почну се олѣпомЪ и топломЪ пролѣћу разговарати и єданЪ примѣтити: „ако само їошт' неколико дана ова топла киша подржи, то ће све изЪ землѣ прокліяти. “„ Пресекао Ты єзыкЪ, одговори другїй, недао БогЪ, да то буде, та онда бы и мое две саранѣне жене изЪ гроба изишле. “

———

ДокторЪ СвифтЪ, ЕнглезЪ, и найвећи сатїрикЪ (посмѣвачь) ишао є често

по

по васъ данъ съ слугомъ своимъ проодашисе, и ништ' не бы єо вєћь све замышлєнъ ишао. Єданъ путъ се вєћь на 3 до 4 милє одъ куће удалє. И неко упыта слугу: „ а што се васъ двоица одъ куће тако удальисте? “ И слуга му одговори: „ Та тражимо путъ у царство небесно, Господарь мой молисе Богу, а я постимъ.“

———

Краль Французскій Лудовикъ четрнайстый играосе єданъ путъ съ дворянином некимъ карта, и почне се съ њимъ за карту некакву свадьати. Сви околостоећи дворяни ћутау, ни рєчи не говорау. Єто ти имъ однекуда славногъ Граммонта. „Башь добро, те додьосте, рекне му Краль, Вы ћете намъ найболє одсудити, ко право има, ко ли не. “ Вы Ваше Величество немаше право, “ одговори Граммонтъ шаки. „ А како можете рећи, да я право немамъ, рекне му Краль зачудившїйсе, та и не знате, зашто се свадьамо. “ „ Ако ће, одговори му Граммонтъ, да Вы право имате, те бы Вамъ давно вєћь сви ови дворяни право дали, а тледайте ій садъ, ка-

ко

ко ћуте: то є знакъ, да Вы право немате!“

Грѣшнику некаквомъ, на смрть осудьеномъ, оставе на волю, самъ да избере, коїомъ смрћу да умре. „О Господо! одговори имъ онъ, остав'те ме, да одъ тешке старости умремъ.“

Хайнрихъ IV. Краль Француzскій, додье єданъ путъ у мало некакво мѣсто, и неколико Депутата додьу, да га поздраве. Тек' што єданъ одъ ньи Кралю слово говорити почне, а недалеко одъ ньи магарацъ зарже. Краль мане главомъ, и рекне: „Господо моя! говор'те єданъ за другимъ, дручїе нећу ни єдногъ ни другогъ моћи разумѣти.

Поноситъ некій Лѣкарь каже у друштву єдномъ, да є често више дана на селу было. „Єсть! єсть! одговори неко одъ друш-

друштва, стаяло є одпре и у новинама!“ „А како є стаяло?“ упыта Лѣкарь. „Єво овако рекне му овай: „прошасте седмице саранивалису и у предѣлу Лондонскомъ сто и петдесеть и петъ душа манѣ, него досадъ.“

Два трговца свадесе єданъ путъ при чаши вїна, кои є одъ ньи двонце мудріи и итленніи: єданъ другомъ нектедоше право да даду. — Найпосле рекне єданъ: „увѣренъ буди, да ћу Те жедна преко воде превести, и да ћу Те сто путїй пре продати, нег' Ты мене!“ „Вѣруемъ, одіовори другїй, вѣруемъ, да я и ускпемъ да Те продамъ, неће ми нико ни пребіене крайцаре за Те дати.“

Старица нека додье изъ цркве куѣи, укочена одъ презеба. Како додье, а она се сироша до кошулѣ свуче и стане се предъ гвозденомъ своїомъ пећю одкравльиваши. У єданъ путъ се одъ нечегъ устраши, и пећи се шако прикучи, да їой се и кошуля за-

запали, и с' опрошт€нѣмъ стражньица о-пржи. Пеѣь она была є одъ стародревни калѣва, и на ньима є была година 1640 начртана. Како се баки стражньица опр-жи, тако їой се и лѣтописъ 1640 при-цврльи. Брже болѣ отиде Лѣкару некомъ, и покаже му болѣтницу свою, а овай їой од-говори: лѣтописъ снай причрлѣнъ видив-шїй: „Мила майко! болѣтница па давнашня є, я є немогу излѣчити, и да ми Богъ зна шта дашь.“

———

Младиѣу некомъ пише єданъ путъ пріятель, да му неке кньиге купи и пошлѣ. А онъ, по свой прилицы, понешенъ, па упуштенъ, заборави, не купи їй, и не по-шлѣ. После некогъ времена сусретне прія-теля своѓъ на путу, и рекне му: „ збыля! писма, што си ми поради кньига писао, нисамь пріймїо. Но оди къ мени, да ви-дишь, како сокола єдногъ ранимъ, да бы видїо, єл' истина, да двеста година живи-ти може, као што самь чуо.“ „ А шта Ти є, упыта га другїй, нози, пе рам-лѣшь?“ „О! любезный мой! одговори му онъ, ноѣась самь снїо, да самь се на кли-

 ницъ

нацъ (ексеръ) набоо, и заиста ме нога боле.“ „ И право є, рекне му овай зашто спаваш безъ обуће? “

———

У мѣсту некомъ у Швабской начине сунчаникъ. А гдикои Магїстратцы боећисе, да се цїфре, позлаћене, на нѣму одъ кише не отру, собще осталима, да томе препе-те. И зато заключе сви, да широку стрею одъ дасака на сунчаникъ начине, и тако га одъ кише одбране.

———

Госпи некой додье предъ вече куварь, да є по обычаю упыта, шта ће за вечеру куваши. Госпа, нешто разлюћена бывши, по-гледи на нѣга попреко, и рекне му срдито: и кувай, г — — (и безъ слипне — —) То є за Васъ Милостива Госпоїо! но шта ћемо за слуге и челядь? “ упыта є далѣ куварь.

———

СынN

Сынъ селянина некогъ додье изъ Свеучилища (Универсiтета) кући; и затече оца гди съ матеромъ ужина; три яета стояу кувана. У той прилицы науми мудрый сынъ, таки оцу своме науку свою да покаже, и рекне му: „любезный оче! таки ћу Вамъ садъ показати, да всуе на ме трошили нисте. Ево видите, овде су три яета: три ели? е добро! гди три има, ту има и два, то е цела истина, а два и три есу петъ, и то е истина.“ „О! гле'! гле'! нашегъ сына!“ „Iошт' оче! продужи сынъ мудрованѣ свое, гди два има, тамо има и еданъ, а два и еданъ есу три: Тако има овде свега 8 яя.“ — „Оди, да те полюбимъ дечко!“ повикне на нѣга отацъ: „О како си ученъ и преученъ, како се томе радуемъ, са тимъ више, што и Ты съ нама есши можешь, а да намъ свима доста буде. Жено! узми Ты ово яе, а ова два узећу я, осталы 5 пакъ изеди Ты сыне, нама двома доста су три.“

На галiи едной быяше и некiй Шваба. Дигнесе буря, и море побѣсни, а да се потопе, те да се потопе. Шваба спрома-

стане се брзо брзо Богу молити. Но море їошт' већма побесни, и бѣда їошт' већа буде. Шваба притрчи брже болѣ къ цѣви, на кою се говори, и стане на ню викати: „О Боже! Боже! избави насъ, избави!“ на цѣвь, велимъ, стане викати, не бы ли га Богъ брже чути могао.

Полковникъ Торшонъ упыта кочїяша своегъ, были съ ньиме путовао. „Зашто не бы, одговори овай, съ вама бы ишао, кудгодь бы Вы пошли.“ „А бы л' и у пакао?“ „И у пакао, да како?“ Но помысли, молимъ Те, да е тамо дьаволски врело, и будуѣи да Ты напредъ сѣдишь, то бы Ты првый у огань дошао,“ “Не тако Господинъ Полковниче'! одговориму кочїяшь, я знамъ, гди е мое мѣсто, Васъ бы на вратима пустїо, да сидьете, а я бы на кольима наполю сѣдеѣи остао!“

Послужитель господина некогъ понесе сданъ путъ ело на трапезу, но запне за прагъ, посрне, и съ еломъ падне, кое се све

све проспе. Домаћинъ му безъ сваке ярости рекне на то: „ и я бы то знао. “ „ Вѣруемъ господине! одговори му слуга, да бы знали, кадъ сте одъ мене видили. “

———

На пржицу градскомъ продавао є шальивацъ некій различне праове; измедьу други викаше: „ пра за буве. “ Додье купацъ некакавъ къ нѣму, и купи праа тога, и запыта га, а како треба, съ праомъ тимъ поступати: а онъ му одговори: и увати буву, отвори їой уста, и саспи їой праовай унутра, и тако ће свака моратъ цркнути?

———

Исто таки пыталису еданъ путь славногъ Описателя єстества Г** Б**, не бы л' онъ знао средство какво, коимъ бы мольце истребити могли. Сви су се надали, да ће онъ найболѣ одъ свію знати, кое ће средство то быти. А онъ одговори: “ Будући да сва досадашня покушенія, да се мольцы истребе, нимало помогла нису, то їошт' єдино средство остае, коимъ їй умртвити можемо: научимо їй читати, па како узнаю читати, а они ће се свима списаніяма и кньигама, кое су противъ ньи изишла, сви одъ смея поискидати. “

———

Лондонацъ некій стане єдногъ одъ своїи сасѣда (комшїя) укораваши, што є сына свога рано оженіо. „Зашт' не причека мало, док' се дѣше опамети.“ „Нећу Богме! одговори овай, ако будемъ чекао, док' се дѣше опамети, нећу никадъ дочекати да се ожени, ибо, кадъ се опамети, неће никадъ кшети женитисе.“

Умршій Кнезь Епїскопъ Вырцбуржкій наидье у ловъ идући на дѣше селско, кое свинѣ чуваше. Приближисе и нѣму, и стане се съ ньимъ разговараши, и упыта га, „а колико имашь наднице, што свинѣ чувашь?“ „На годину єдну кабаницу, и двое опанке;“ „одговори му свинарче. „И ништ' више? продужи Епїскопъ далѣ; и я самь, видишь, пастырь, па самь опетъ болѣ одѣвенъ одъ Тебе.“ „Вѣруемъ, одговори му свинярче, у своїой простоти и безазленности, но Вы имате ваљда и више свиня да чуваше:“ Епїскопъ се насмее, окренесе къ своима, и рекне имъ: „упамтите добро господо;“ свинярче обдари, и отиде далѣ.

Французскомъ Кралю Хайнриху V. донесе кроячъ нѣговъ кньигу, кою є онъ о

нуж.

нужнымъ уредбама къ ползи државе списао, донесе є, и преда є нѣму. Краль прочита неколико листій, и окренесе своме горничару (камердинеру), и рекне му: „иди брже по канцлера, и дозови га, да ми альину измѣри, кроячь мой не чува више игле, већь сачинява уредбе државне.“

Дворянинъ некій дошао є до велики достоинства, и рекне єданъ путъ у друштву некомъ, да ни стопе за то корачіо ніе. „Вѣруемъ, одговори му госпа єдна, да то учинили нисте, пузити ніе корачати.“

Селянинъ поведе ярца у градъ на продаю. Сретну га на путу две госпе изъ града, и єдна му рекне: „Какавъ ти є то шутъ ярацъ чича? гди су му рогови?“ „Чекай госпо! чекай! одговори селянинъ, док' га само у градъ одведемъ, таки ће му рогови нарастити.“

Иностранацъ некій отиде посломъ у градску кућу градића некогъ, да є види. Писари видећи га, да є са стране, почну се съ ньимъ шалити и питрати. Потужисе градьанима, своимъ познаницыма, и ови

му рекне, да Градоначалнику иде, и ствaрь шу яви му. И онъ то учини, додье предъ Градоначалника, и овако му се потужи: „ Неки обешеняцы у овой кући титралисе са мномъ, а я имъ нисамь нимало повода дао; чујући, да сте Вы поглаварь њинъ, то самь дошао, да Вамъ то явимъ, и замолимъ Васъ, да ми удовлетвореніе дате.“

———

Судія некій вр'овный додве, обштеземальскій судъ да држи; и отећи, на столицу да се посади, узгрне оба скупа своґъ кафтана, поклонисе и рекне: „ и съ овымъ се судъ вр'овный отвора.“ Сви околостоећи да пукну одъ смеја! —

———

Чиновникъ у селу некомъ устане рано у ютру, и погледи крозъ прозоръ. У истый ма продье старацъ некакавъ изъ села исподъ прозора, изъ града идући. „ Добро ютро! рекне му чиновникъ са прозора, како си, шта има ново у граду? “ А онъ му одговори: „ 'вала Богу добро! мале Крадљивце вћшаю тамо и садъ, а предъ великима морашь шеширъ да скидашь. Да Богъ да добро ютро! “ И са шимъ му се до землѣ поклони, метне капу опетъ на главу, и ошиде своимъ путемъ.

Слав-

Славна Французска фамілія Левій поносисе съ старымъ своимъ порекломъ тако, да каже, да одъ саме матере божіе произлази. И запно има образъ некій, на комъ єданъ одъ праотаца нѣны предъ матеромъ божіомъ клечи, и она му говори: „ Устайте Госпор' Сыновче! “ а онъ їой одговара: „ Ово є моя дужность госпоїо тетице! “

Старацъ некій, їоште бодаръ и руменъ, стане у друштву потврдьивати, да су године нѣгове млого пробытачніе одъ млады, да болѣ види, да ячіи єсть, и више заповѣдаши има, него кадъ є младъ быо. „Како бы то было?“ рекне му друштво, зачудившисе. „ Єв' овако одговори старацъ: „ Болѣ видимъ, него за младости, зато, што, кадъ 10 дуката на столу стое, а оно видимъ я 20, тако два пута више, него што самъ у младости видіо. — А ячіи самъ сада зато, што, кадъ съ коня силазимъ, а оно и седло съ собомъ свучемъ, за младости мое остаяло є седло на коню. — Тако имамъ садъ и више заповѣдаши, нег' за младости, за младости є требало, само єданъ путъ што да рекнемъ, и веће є было учинѣно, а садъ морамъ и

по

по десеть путїй да вичемъ и зипарамъ, док' слуге послушаю, и учине — тако десетъ путїй више имамъ да заповѣдамъ.

У градићу некомъ почне Депутатъ Н. Н. Кралю францускомъ Лудовику. XIII. слово да говори. Лудовикъ га є съ великимъ стрпѣнїемъ слушао. Ботрій, кои є съ Лудовикомъ путовао, помысли, да ће Кралю по вольи учинити, ако Депутату истомъ слово пресѣче. И зато га упыта: „Пошшо су Бога Ти! магарцы кодъ Васъ овде?“ Депутатъ га погледи ошшро, и промѣри одъ главе до пеше, па му одговори: „Ваше бое, и Ваше величине продаюсе за 10 шалира.“

Ученикъ єданъ рекне другомъ, кои є крашку альину обукао: „Море шшо Ти є, ше си шако крашку альину начинїо?“ „Є Бога Ти, одговори овай, имаће доста времена, да расши, док' другу начиним.“

У Лондону обяви шальивацъ некакавъ у новинама: „у овай и овай часъ, и овде и овде могу любишельи художесшва кола видиши, коима конь не шреба. “ Млоги нышолюбивцы додьу у опредѣлѣно време, да ру-

рукодѣліе по виде; а кадъ тамо, а онъ имъ покаже — колица, што люди предъ собомъ тураю:

Запытаю некогъ: „ шта трае найдуже на свету? “ А онъ одговори: „ вѣра и вѣрность! “ „ Како то? “ упытаю га далѣ: а онъ одговори: „ Тако! ибо вѣра и вѣрность употребляюсе найманѣ, и не иду крозъ толике руке. “

Графъ Рочтрскій сусретне єданъ путъ у шумицы Лондонской славногъ Ісака Баррова, и рекне оныма, съ коима є ишао; „ да видите, садъ ћу мало са Барровомъ да се прошалимъ “ и повикне му: „ Господине Баррову! кланямъ Вамъ се до самы подвеза “. Барровъ му одговори: „ Милорду! а я падамъ до самы табана предъ Васъ. “ „ Я самь Вашъ до средине землѣ “ рекке Рочтеръ. „ А я Вашъ Милорду! до противножаца (Gegenfüſſler) одговори Барровъ. „ Господине Баррову. Я самь Вашъ до дубльине самогъ пакла! “ „ А оно и останите тамо, одговори Барровъ, не'ма болѣгъ мѣста за Васъ. “ Све друштво исмее Графа нашега на то.

Опацъ

Отацъ некїй оправи сына своґъ на путъ, и рекне му, да свудъ добро и особишо гледа, како люди по другимъ земляма домоводе (економишу). Сынъ упамти очїйнъ савѣтъ добро, и сврнесе єданъ путъ у крчму неку; и види, гди крчмарь велике комаде говедьине соли, управо є черегъ єданъ воловскїй быо. И онъ таки упише у писаоницу свою: „Овде знаю люди месо, а особито говедьину, одъ квара и трулежа врло добро чувати. Найпре колю и соле само по єданъ черегъ одъ вола, а друга три пушшаю дотле на пашу, док' їй не устребаю.

Дѣвойчицу неку са села упыта свештеникъ, кои є дѣцама катихїсїсъ у недельный данъ предавао: „знашь ли ѣерко! шта си за грѣове Твое заслужила?“ „О! Поно! не закшевамъ за ньи ни крайцаре“ одговори на шо безазлена дѣвойчица.

По смрши Молѣровой почну сви стїхошворцы надгробїе му правиши. Єданъ одъ ньи донесе надгробїе, кое є онъ сачинїо, Кнезу Кондейскомъ, и преда му. Овай га узме, и рекне му: „Благодаримъ Вамъ Господине! зашо, но волїо бы, да ми є Молѣръ Ваше надгробїе дао!“

При

При обсадьенїю тврдынѣ Н. падне кумбара єдна непрїятельска управ' предъ ноге Офіцїра некогъ у тврдыньи. „А! видимъ, вели Офіцїръ, да ме и кумбаре вечь почитую, ибо, да ме не почитую, бы ме ова управ' у главу лупнула.“

———

Луда нека, и высокоумацъ буде єданъ путъ у друштву некаквомъ. И будуѣи да є врло говорльивъ бьо, то цѣло друштво почне вечь да зева. Найпосле окренесе къ Маркизки Рошфортки, и самъ съ собомъ задоволянъ упыта є: Не говоримъ ли Госпо! као кьига каква?“ „Єсть испина, одговори она, само штета, што нисте у телечу кожу везани.“

———

У Мадриду предье одмѣнъ некїй Спаніолацъ у цркви къ богатырки Н. Н. и дода їой свеще водице; и види на прсту єдномъ скупоцѣно каменѣ, а врло ружну руку, и подоста велегласно рекне: „волїо бы прстенъ онай, него нѣну ружну руку.“ А она, злапанъ, око' врата бывшїй му, ланацъ погледавши, одговори му: „И я бы волела шай уларъ, нег' говече, о комъ є.

———

Га-

Говорљиваць некїй, кои є више земаля видїо, имао є обычай, са свакимъ, съ кимъ се састао, о путованьма своима разговорашисе; и кадъ бы се у преповѣданѣ, шта є гди видїо, упустїо, а онъ не бы вѣкь ни мѣре ни разлога у томъ знао, вѣкь бы лагао, и срца несгрѣвао тако, да су му се често у друштву изрикомъ смеяли. Неотѣкши више, да му се слышательи посмѣваю, заповѣди слуги своме, да увѣкъ при ручку и вечери за ньимъ стои, и да га шаки гурне како бы онъ што прекомѣрно рекао. Случисе єданъ путъ, да на великой некой части преповѣдани стане, и преповѣди, да є цркву єдну видїо, коя є 5ооо коракляя дугачка была: — У истый ма гурне га слуга иза леђа, да є прѣсно слагао, а онъ, то разумѣвшїй, а ктевшїй, да погрѣшку свою поправи, дода їошше и томе. „5ооо дугачка, а 5 широка.“

Неудата нека попужисе знанцу своме Н. Н. съ кимъ є пре некогъ времена у купѣли была: „Не можете Господине! ни помыслити; шта нису люди на мене изнели, и потворили: Да, и то говоре, да самь я близанце у купѣли родила!“ Немойте Бога Вамъ такве ствари на зубъ ни прїй-

ма-

мати, одговори їой знанацъ, я увѣкъ држимъ да є само половина свега, што люди говоре, истина.“ — Тако да є само едно родила. —

———

Госпи некой кажу, да є лой сбогъ рата врло поскупїо. „А заръ су се Бога Вамъ войске и при свећама биле, упыпа она.

———

Тужећи додье селякъ некїй къ своммъ землѣдржцу, и съ сузама каже му, да су му крпине све ливаде изриле. А землѣдржацъ му одговори: „; Та поме є найлакше помоћи, подай ливаде каменѣмъ поставити (калдрмисати).

———

Лѣкарь Радкливъ, основатель енглескогъ Оксфордскогъ кньигохранилища, бьо є тако сребролюбивъ, да є слабо ко заслужену свою надницу одъ нѣга добыти могао. И єданъ зидарь, кои му є дворище (авлїю) поставляо, нїе могао да се наплати, надье га єданъ путъ на улицы, а онъ съ кола силази; увати га, и рекне му: „дай, плати ми, што си ми дужанъ.“ „Шта одговори Радкливъ, мыслишь, да ћу ти за онакавъ невалялый посао платити?

ти? покваріо си ми савъ дворъ твоимъ поставлянѣмъ, па си после земльомъ посуо, да се само не види; па да Ти іошт' платимъ? " „О Господине Лѣкару! одговори овай, нисамь я самъ на свѣту, чіе грѣове црна земля крые. "

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ У НОВОМ САДУ

БИБЛИОТЕКА МАТИЦЕ СРПСКЕ
РПСрI 28
1818.1